

ТРУДЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ
КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА ИМЕНИ АНДРЕЯ РУБЛЕВА

РОССИЯ – ГРУЗИЯ. ДИАЛОГ КУЛЬТУР

РОССИЯ – ГРУЗИЯ

ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Сборник статей по материалам конференции 2013 года
и научных чтений 2014 года, посвященных памяти
Давида Ильича Арсенишвили

ТРУДЫ

ЦМИАР

XI

ТРУДЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ
КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА ИМЕНИ АНДРЕЯ РУБЛЕВА

ТОМ XI

ТРУДЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ
ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА
ИМЕНИ АНДРЕЯ РУБЛЕВА

ТОМ XI

Центральный музей древнерусской культуры и искусства
имени Андрея Рублева

РОССИЯ – ГРУЗИЯ

ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Сборник статей по материалам конференции 2013 года
и научных чтений 2014 года, посвященных памяти
Давида Ильича Арсенишвили

Москва
2015

ББК 85.1

P76

Печатается по решению Ученого совета Центрального музея
древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева

Председатель Ученого совета

доктор искусствоведения Г.В. Попов

Составитель и ответственный редактор

О.В. Никифорова

Рецензент

доктор искусствоведения Т.В. Барсегян

Консультант

протоиерей Александр Салтыков

Координатор

Д.Я. Матвеев

*Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева
выражает благодарность за помощь в издании сборника Левану Васадзе*

Россия – Грузия. Диалог культур: Сборник статей по материалам конференции 2013 года и научных чтений 2014 года, посвященных памяти Давида Ильича Арсенишвили. – М.: Музей им. Андрея Рублева, 2015. – 208 с.: ил. – (Груды ЦМиАР; т. XI).

ISBN 978-5-906538-03-1

В сборнике, посвященном памяти организатора и первого директора Музея имени Андрея Рублева Давида Ильича Арсенишвили (1905–1963), представлены материалы конференций 2013–2014 годов. В статьях рассматриваются различные аспекты развития церковной истории и культуры России и Грузии, вопросы изучения святынь Грузинской Церкви и памятников религиозного искусства Грузии, проблемы взаимодействия культурных и духовных традиций русского и грузинского народов. Сборник предназначен для искусствоведов, историков, культурологов, священнослужителей, а также для широкого круга заинтересованных читателей.

ISBN 978-5-906538-03-1

© Музей им. Андрея Рублева, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Г.В. Попов</i> Вступительное слово.....	8
<i>О.В. Никифорова, протоиерей Александр Салтыков</i> Предисловие.....	9
<i>О.В. Никифорова</i> Давид Ильич Арсенишвили (1905–1963). Краткая биография.....	12

ИСКУССТВО

2013 год

<i>Н.А. Астафьева</i> Памятник дипломатических отношений средневековой Руси и Кахетии: воздух «Голгофский крест» XVI века. К вопросу об атрибуции.....	31
---	----

2014 год

<i>Протоиерей Александр Салтыков</i> Апостол Петр из композиции «Причащение апостолов» в росписях Ахталы (1205–1216).....	41
<i>Е.А. Виноградова, А.Ю. Виноградов</i> О дате фресок Моквского собора.....	48
<i>Д.В. Белецкий, С.В. Свердлова</i> Фрески Тирского монастыря. Грузинская роспись второй половины XIV века.....	57
<i>Протоиерей Федор Кречетов</i> Иконографическая программа современной росписи храма святого Георгия Победоносца в Грузинах.....	70
<i>Диакон Дмитрий Клыков</i> Давидо-Гареджийский монастырь в творчестве Евгения Лансере.....	73

ИСТОРИЯ

2013 год

- Митрополит Горийский и Атенский Андрей (Гвазава)*
Краткие сведения из истории Горийского духовного училища
в XIX веке..... 87
- Митрополит Сенакский и Чхороцкусский Шио (Муджири)*
Духовные связи перомонаха Феодосия (Эристави) с монахами
Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне в конце
XIX – начале XX века..... 89
- И.Е. Мельникова*
Служение священномученика Гермогена (Долганова)
в Грузии в период с 1893 по 1900 год..... 93
- Иерей Александр Шелкачев*
Обсуждение вопроса об автокефалии Грузинской Церкви
в отзывах епископов Русской Церкви 1905 года и на заседаниях
Предсоборного присутствия в 1906 году..... 101
- С.Ю. Житенев*
Российские путеводители по Кавказу во второй половине
XIX – начале XX века..... 119

2014 год

- Митрополит Горийский и Атенский Андрей (Гвазава)*
Об одном неизвестном письме из скита апостола Андрея
Первозванного со Святой горы Афон..... 130
- Митрополит Сенакский и Чхороцкусский Шио (Муджири)*
Из истории пребывания чтимых икон в Теклатском женском
Богородичном монастыре..... 132
- Протоиерей Иоанн Каледа*
Преподобный Давид Гареджийский и его почитание
в Русской Православной Церкви..... 139
- Т.Д. Божутина*
Сретенский храм Донского монастыря и формирование
некрополя грузинских деятелей в Донском монастыре..... 143
- Э.Г. Жордания*
Грузия в сокровищницах России. История возвращения
грузинских ценностей в документах..... 147
- Митрополит Ахалкалакский и Кумурдойский Николай (Пачуаивили)*
Подсказка Андромеды..... 155

Давид Ильич Арсенишвили
(1905–1963)

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Обе конференции в стенах Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева, 2013 и 2014 годов, посвящены памяти великого «строителя» музеев Давида Ильича Арсенишвили.

Он действительно строитель. В 1927 году им организован театральный музей в Тбилиси. В 1930 году на основе выставки А.С. Грибоедова – литературный музей. Приехав в Москву в 1949 году, Давид Ильич явился подлинным организатором Музея имени Андрея Рублева.

«Прерванный полет» – именно так можно охарактеризовать события последних лет его жизни. Он был уволен в 1959 году, подводя Музей к открытию для широкой публики, когда стало очевидным, что празднование 600-летнего юбилея иконописца преподобного Андрея Рублева неминуемо состоится – и состоится в самое ближайшее время – и что Музей, посвященный памяти величайшего русского художника, будет открыт. Д.И. Арсенишвили был неудобен, и его убрали. И 600-летний юбилей Рублева он встречал уже не «со всем прогрессивным человечеством» (как писали тогда газеты о торжествах), а сам по себе. Хотя для этой встречи он сделал все – и возможное, и невозможное. Писал письма, обивал пороги высоких учреждений, заводил необходимые знакомства. И не только необходимые. Д.И. Арсенишвили поддерживал отношения с грузинскими художниками Давидом Какабадзе и Ладом Гудиашвили, коллекционером А.А. Бахрушиным. В Москве – с писателем и публицистом Ильей Эренбургом. В числе его собеседников из академических кругов были М.В. Алпатов, Н.Н. Воронин, В.Н. Лазарев, Д.С. Лихачев, Б.А. Рыбаков, М.Н. Тихомиров.

Он выглядел чудаковатым энтузиастом и в Тбилиси, и в Москве – вечно занятым, увлеченным и буруеваемым идеями. Но именно благодаря ему, его наивной вере и увлеченности существует Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева.

*Директор Центрального музея
древнерусской культуры и искусства
имени Андрея Рублева, профессор
Г.В. Попов*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Издаваемый сборник статей объединяет материалы двух научных мероприятий – конференции «Грузия в России. Опыт единения духовных традиций», организованной Музеем имени Андрея Рублева в 2013 году, и научных чтений «Россия – Грузия. Диалог культур», состоявшихся год спустя.

Первая конференция была посвящена 50-летию со дня кончины первого директора Музея – Давида Ильича Арсенишвили (1905–1963). Целью ее было объединить специалистов в области изучения церковного искусства, истории и культуры двух дружественных православных народов – русских и грузин. И, конечно, почтить память Давида Ильича – замечательного человека, патриота, создателя трех музейных учреждений в Грузии и России. В рамках мероприятия состоялось открытие выставки «Святые Грузии в фотографиях Д.И. Ермакова» и показ документального фильма «Поминование» (режиссер Лео Бакрадзе). Перед открытием конференции 22 ноября была отслужена панихида памяти Давида Ильича в церкви иконы Богоматери Знамение. Ее возглавил протоиерей Алексей Муравейник, заведующий канцелярией секретариата Центрального викариатства Москвы, при участии хора и диаконов московского храма святителя Мартина Исповедника в Алексеевской Новой слободе. В конференции приняли участие представители Русской и Грузинской Православных Церквей, Российской академии художеств, Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета и других научных учреждений Москвы, а также культурно-просветительских объединений, в том числе Союза грузин в России.

Конференция началась с выступления хора церкви великомученика Георгия Победоносца в Грузинах (настоятель протоиерей Федор Кречетов). Хор исполнил несколько грузинских церковных песнопений. В своем вступительном слове директор Музея имени Андрея Рублева Геннадий Викторович Попов отметил: «Когда звучали эти песнопения, перед глазами возникали образы гор, лесов и храмов Грузии... Благодаря Давиду Ильичу образ этой замечательной православной страны оказался тесно связанным с нашим Музеем, о котором Давид Ильич в некоторых своих письмах говорил: “Это мой музей”».

С приветственными словами к участникам конференции обратились: директор Музея имени Андрея Рублева доктор искусствоведения, профессор, почетный академик РАХ Геннадий Викторович Попов, митрополит Ахалкалакский и Кумурдойский Николай (Пачуашвили), ректор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета протоиерей Владимир Воробьев, вице-президент Российской академии художеств Андрей Андреевич Золотов, заместитель исполнительного директора Союза грузин в России Нойна Антоновна Матуа. Заместитель директора Музея Мария Николаевна Иващук зачитала «Послание к участникам конференции» Нателы Вачнадзе, автора книги «Давид Ильич Арсенишвили. Эскиз к творческому портрету». На конференции прозвучали доклады, посвященные памяти Давида Ильича и значению созданного им Музея имени

Андрея Рублева для духовной и художественной жизни Москвы послевоенного времени, проблемам исторических контактов русского и грузинского народов, находящимся в России памятникам грузинского искусства. Конференция вызвала живой интерес, и ее участники выразили надежду, что подобные мероприятия будут устраиваться в Музее и в будущем.

В соответствии с этими пожеланиями 17–18 ноября 2014 года в Музее прошли научные чтения «Россия – Грузия. Диалог культур», также посвященные памяти Давида Ильича Арсенишвили. Они привлекли внимание и специалистов в области изучения церковного искусства Грузии и России, и ученых, занимающихся общими проблемами взаимодействия Русской и Грузинской Православных Церквей. В заседаниях приняли участие грузинские иерархи и духовенство, известные искусствоведы, историки, богословы, общественные деятели, которые в своих выступлениях затронули разные аспекты исследования культурных и духовных традиций, связывающих русский и грузинский православные народы.

Перед началом научных чтений в храме архангела Михаила впервые после упразднения Спасо-Андроникова монастыря в 1919 году было совершено богослужение – отслужена лития по Давиду Ильичу Арсенишвили и благодарственный молебен. Возглавил богослужение высокопреосвященнейший Арсений (Елифанов), митрополит Истринский, первый викарий Святейшего Патриарха Московского и всея Руси. Ему сослужил митрополит Ахалкалакский и Кумурдойский Николай (Пачуашвили). В богослужении также приняли участие митрополиты Грузинской Православной Церкви – Горийский и Атенский Андрей (Гвазава) и Сенакский и Чхороцкусский Шио (Муджири), а также ректор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета протоиерей Владимир Воробьев, представители московского духовенства, сотрудники Музея, многочисленные гости. Во время богослужения пели два хора – храма святителя Мартина Исповедника в Алексеевской Новой слободе и церкви великомученика Георгия Победоносца в Грузинах.

И конференция, и научные чтения, организованные при поддержке Фонда имени преподобного Андрея Рублева, явились большим торжеством для Музея. Несомненно, они дали новый импульс развитию русско-грузинских научных связей, для укрепления которых так много сделал Давид Ильич Арсенишвили.

Публикуемые в сборнике материалы объединены в два раздела.

В первом разделе, «Искусство», представлены статьи, посвященные памятникам церковного искусства Грузии, которые вносят несомненный вклад в историю изучения христианского искусства. В историко-искусствоведческом исследовании Н.А. Астафьевой рассматривается замечательный грузино-русский памятник золотного шитья – литургический комплект с изображением Голгофского креста, автор прослеживает его историю на фоне сложных исторических событий. Небольшая публикация протоиерея Александра Салтыкова содержит богословский анализ композиции «Причащение апостолов» в росписи церкви Ахталы начала XIII века, которая разбирается в связи со сложными экклезиологическими про-

блемами периода разделения Церквей. В обстоятельной работе С.В. Свердловой и Д.В. Белецкого впервые уточняется датировка живописного комплекса Тири в ряду памятников XIV века, стилистический анализ позволяет определить его место в искусстве Грузии этого периода. В статье А.Ю. и Е.А. Виноградовых о датировке фресок Моквского собора впервые скрупулезно исследуются и публикуются фрагменты почти утраченных росписей, предлагается атрибуция первого слоя живописи: вторая половина XIV века, работа византийских мастеров, и второго слоя: около 1578 года. Безусловный интерес представляет статья протоиерея Федора Кречетова о современной стенописи храма святого Георгия Победоносца в Грузинах, выполненной в канонической православной традиции, при этом древняя форма воспроизведена необычайно талантливо и органично. Публикация диакона Дмитрия Клыккова освещает малоизвестный период жизни замечательного художника, представителя двух культур – Е.Е. Лансере, 140-летие со дня рождения которого приходится на 2015 год.

Во втором разделе, «История», собраны статьи и материалы, в которых рассматриваются вопросы, связанные с изучением церковной истории и культуры Грузии и России. Многие из них являются ценными научными исследованиями. Прежде всего следует отметить – особенно в связи с участием в работе конференции представителей Грузинской Церкви – обстоятельную статью иерея Александра Щелкачева об обсуждении вопроса автокефалии Грузинской Церкви в 1905–1906 годах. Важный исторический материал, собранный в статье Э.Г. Жорданишвили, посвящен драматическим переживаниям судьбы грузинского исторического наследия в XX веке после вывоза культурных ценностей меньшевистским правительством Грузии в 1921 году. Автор тщательно изучил архивные материалы о перемещении этих ценностей, выявив драматические моменты, грозившие серьезными потерями для грузинской культуры, и огромные трудности в деле их возвращения на родину. Ряд публикаций посвящен выдающимся деятелям и святым Грузинской и Русской Православных Церквей, судьбе великих святых Грузии.

Как отмечалось выше, особенностью конференции 2013 года и научных чтений 2014 года является присутствие на ней иерархов Грузинской Церкви. Это отрадное явление, свидетельствующее о процессе культурного сближения после некоторого застоя в русско-грузинских отношениях в конце прошлого – начале этого тысячелетия. Наши гости поделились своими размышлениями на отдельные церковно-исторические темы, публикуемыми в тезисах. Предваряет сборник статья Ольги Владимировны Никифоровой, в которой излагается краткая биография Давида Ильича Арсенишвили.

О.В. Никифорова, протоиерей Александр Салтыков

О.В. Никифорова,
Центральный музей
древнерусской культуры
и искусства имени
Андрея Рублева

**ДАВИД ИЛЬИЧ
АРСЕНИШВИЛИ
(1905–1963). КРАТКАЯ
БИОГРАФИЯ¹**

1

16 ноября 2013 года исполнилось 50 лет со дня ухода в Вечность организатора и первого директора Музея имени Андрея Рублева Давида Ильича Арсенишвили. Без преувеличения можно сказать, что этому удивительному человеку, грузину по национальности, по словам академика Д.С. Лихачева – «самому грузинскому из грузин», Москва да и вся Россия обязаны самым существованием теперь всемирно известного Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. Давид Ильич был инициатором многих важных начинаний как в Грузии, так и в России. За свою, по нынешним меркам, в общем-то, недлинную жизнь (он прожил 58 лет) Давид Ильич сумел со-

¹ Статья написана по материалам книги Н.З. Вачнадзе «Д.И. Арсенишвили. Эскизы к творческому портрету» (Тбилиси, 1990) и дипломной работы Л.В. Радавской «История Музея древнерусского искусства имени Андрея Рублева. 1947–1960 гг.» (М., 1991).

здать три центра культуры: в 1927 году – театральный музей Грузии в Тбилиси (первое учреждение такого рода на Кавказе), в 1929 году устроил выставку, посвященную жизни и деятельности Александра Сергеевича Грибоедова, ставшую основой будущего литературного музея Грузии, и, наконец, в 1950-е годы – Музей древнерусского искусства имени Андрея Рублева в Москве.

Давид Ильич Арсенишвили спас от гибели бесчисленные шедевры грузинской и русской культуры. Он не был искусствоведом, но обладал настоящим «чутьем к искусству» и интересовался древнерусской иконописью в ту самую пору, когда она меньше всего ценилась в нашей стране.

Он был настоящим бесребренником, жил в Москве без квартиры, без денег, спал на раскладушке, которую на ночь ставил в Спасском соборе в экспозиции Музея, имел только один, но всегда аккуратно выглаженный костюм. И при этом он был абсолютно независим (качество, увы, редкое в наше время). С самым важным начальством он разговаривал как равный, никогда не просил, а требовал, поскольку служил не себе, а древнерусскому искусству. Он умел бороться с разного рода бюрократами, с их косностью. Так, один из подобного рода людей спросил у сотрудницы и помощницы Давида Ильича, известной исследовательницы древнерусской живописи Натальи Алексеевны Деминной: «Кто такой Давид Ильич Арсенишвили, разве он искусствовед?» На что Наталья Алексеевна ответила: «А какое образование у Павла Михайловича Третьякова? У того, что, было образование? Но он создал Государственную Третьяковскую галерею! А Арсенишвили – Музей древнерусского искусства».

По словам Дмитрия Сергеевича Лихачева, «он входил в учреждения как власть имеющий – в нем было это сознание, ибо он служил высокой идее. Если кто-то не поддавался его уговорам, медлил, проявлял равнодушие, он пускал в ход свой последний аргумент: “Я грузин и хочу, чтобы Музей русского искусства был открыт, был достоин своего призвания. А вы кто? Вы русский, и вы этого не хотите!”»

В обращении же с людьми, которые, с его точки зрения, превосходили его по знаниям, он бывал застенчивым и скромным. Давид Ильич был чуток к чужому мнению, если оно исходило от единомышленников, также «горевших идеей» создать в центре Москвы на остатках Андроникова монастыря, где работал и умер Андрей Рублев, Музей древнерусского искусства.

Насколько труднее организовывать что-то новое, чем принимать у кого-то «бразды правления!» По словам многих знавших его, он был именно организатором, бойцом, совершенно преданным своей благородной деятельности.

Природа наделила его прекрасной внешностью – высокий худощавый блондин, он был похож на англичанина. Равнодушно пройти мимо него было невозможно. Его манера говорить завораживала. Тон всегда был оживленный, немного приподнятый. Когда же речь заходила о древнерусском искусстве, то тут он мог говорить часами, проявляя тонкий вкус и понимание истинной ценности произведений этого искусства. Он был полон преклонения перед творческим

гением Андрея Рублева и древнерусским искусством в целом, преисполнен сознания того, что делает очень важное дело.

Впервые встретившись в Музее с писателем Евгением Ивановичем Осетровым, Давид Ильич, в восторге показывая ему огромные фотокопии икон и древних фресок, говорил: «Посмотрите на белого коня, на котором вихрем несется Георгий Победоносец. Посмотрите на эту развевающуюся мантию всадника, как изящны эти руки... Теперь так не умеют писать! Вы понимаете, конечно, как нужен наш музей. Когда мы получим возможность работать, мы станем лучшим художественным заповедником Москвы».

К сожалению, нам известно очень мало подробностей о жизни Давида Ильича и о его семье. Лишь сухие факты автобиографии, написанной им по требованию официальных властей. Основные сведения о его жизни были почерпнуты нами из книги Н.З. Вачнадзе «Д.И. Арсенишвили. Эскизы к творческому портрету», вышедшей в издательстве Тбилисского университета в 1990 году.

О своей большой семье, в которой было семеро детей, Давид Ильич ничего не рассказывал. Сотрудники Музея имени Андрея Рублева поддерживали отношения с племянницей Давида Ильича – Додо Арсенишвили, дочерью его сестры Маргариты Ильиничны (1903–1964), известного в Тбилиси врача-дерматолога. Именно Додо и сохранила для нас маленькую частицу прошлого.

Отец, Илья Александрович Арсенишвили, был родом из села Дабадзвели. Там родился и жил Давид Ильич, хотя везде в качестве места своего рождения он указывал город Ткибули: Дабадзвели находится недалеко от Ткибули и входит в Ткибульский район. Отец был государственным служащим, одно время занимал должность пристава в Кутаиси, отличался, видимо, радикальными взглядами, сочувствовал революции 1905 года и после ее поражения был отстранен от должности. Впоследствии некоторое время работал на промыслах в Баку.

Мать, Прискилэ Эквтимовна Абзианидзе, происходила из семьи бедного диакона. Ее отец, Эквтимэ, еще в молодости переехал в Кутаиси и поселился здесь навсегда. Брат его Дианоз был отцом крупных предпринимателей, трое его сыновей – Сардион, Ивлиан и Исидор – имели в Кутаиси собственный лимонадный завод и магазин. Младший сын Коля стал педагогом, заведовал канцелярией прославленной Кутаисской гимназии. Отец, выдавая Прискилэ замуж, дал ей в приданое участок земли в Кутаиси на улице Иванова-Мардалейшвили, где впоследствии Илья Александрович и Прискилэ Эквтимовна выстроили добротный кирпичный дом с садом. По рассказам современников, мать Давида Ильича была женщиной светской, отличалась необыкновенной добротой, нравом теплым, ласковым, нежным. Близкие называли ее «ангелом небесным», «божественным существом».

Старший брат Д.И. Арсенишвили, Али (1892–1939), прославился как блестящий критик, он был одним из представителей объединения грузинских символистов «Голубые роги». Собратья по перу называли его «ума палата». Он закончил Кутаисскую гимназию, затем с золотой медалью юридический факультет Московского университета. По свидетельству академика М.В. Алпатова, был в числе последних корреспондентов А.А. Блока. Но, как и жизнь Давида Ильича, биография и творчество Али Ильича ждут своего исследователя.

О сестрах Тамаре († 1935) и Ксении, как и о братьях Александре (1901–1942) и Шота (1912–1963), сведений почти не сохранилось.

Итак, в 1905 году в семье появился шестой ребенок, мальчик, которого называли Давидом. К сожалению, нам ничего не известно о его детстве и юности,

4

Поэт Рюрик Ивнев рассказывал, что с детства мечтой Давида было поступить в одну из студий Художественного театра. И однажды он упрямил знакомую его родителей взять его в Москву. При этом уверил, что свой отъезд согласовал со старшими. На самом же деле он никого ни о чем не предупредил, а ночью, свив из простыней канат, спустился с четвертого этажа, так как квартира была заперта на ключ. Пришел в назначенное время на вокзал и уехал в Баку, а затем и в Москву.

В Москве его душой завладел театр. Но, несмотря на то что он окончил драматическую студию под руководством М.А. Роксановой, а позднее студию имени К.С. Станиславского, большую часть своей жизни он посвятил музейному делу.

В 1924 году Давид Ильич поступил на должность заведующего научной частью в Тбилисский современный студио-театр, где он не только работал, но и читал лекции, занимался изучением грузинского театра. В результате этой работы был написан труд по истории театра, и в 1927 году в Государственной академии художественных наук, в секции истории театра, председателем которой был А.А. Бахрушин, Давид Ильич прочел доклад и подготовил замечательную выставку, которая легла в основу будущего Государственного театрального музея Грузинской ССР. Этот музей стал первым театральным музеем в Закавказье.

Истории создания театрального музея можно посвятить не одну статью. Сначала, еще не имея официального статуса, музей располагался в Тбилиси на углу

которые прошли, видимо, в Кутаиси, где он в 1913 году поступил в Кутаисскую классическую гимназию. В связи с переездами семьи в Гагру, Баку и Тбилиси он продолжал обучение в этих городах.

В 1921 году, когда Давиду исполнилось 16 лет, он поступил в индустриальный техникум в Тбилиси, который благополучно закончил в 1923 году, получив специальность экономиста. Но творческой натуре Давида было тесно в рамках промышленного техникума. Очевидно, поэтому в годы учебы Давид параллельно работал в Наркомпросе секретарем театрального отдела, сотрудничал в газете «Трибуна». Параллельно учился в драматической студии под руководством артистки Московского Художественного театра М.А. Роксановой.

улиц Некрасова и Клары Цеткин, в сыром полуподвале здания бывшей гостиницы «Beau Monde», где он занимал восемь комнат и две залы. Благодаря небольшому коллективу людей во главе с Д.И. Арсенишвили было собрано около 2500 экспонатов, из них примерно 600 – лично Давидом Ильичом. В 1927 году в результате плодотворной работы в этом же здании открылась театральная выставка. На выставке были пред-

5

6

ставлены материалы о театре, музыке, опере, цирке и кино. Тот огромный интерес, который вызвала эта выставка, получил оценку в Комиссариате народного просвещения, и постановлением Наркомпроса был учрежден Государственный театральный музей Грузинской ССР. Директором музея назначили Д.И. Арсенишвили. Количество экспонатов росло с каждым днем, и к 1934 году число их составляло около девяти тысяч. Это были эскизы, портреты, фотографии, бюсты

и другие материалы, которые воссоздавали картину истории грузинского театра с древнейших времен до наших дней. Кроме того, собирались материалы, касающиеся театров тех народов, которые в разное время бывали в Грузии и своей работой оставили здесь след. Это русская драма, итальянская опера, французский, армянский и азербайджанский театры.

Все время с момента учреждения до января 1934 года музей не имел постоянного места. Сначала он за-

7

считал кощунством. В результате весь музейный материал складывался на полу. Катастрофически не хватало средств. Да и весь коллектив музея состоял из директора, его заместителя С. Мирзоева, уборщицы и сторожа. Помещение не отапливалось, стекла храма были разбиты. О нормальной, стабильной работе не приходилось и мечтать. Комиссия, созданная Наркомпросом Грузинской ССР в ноябре 1934 года, потребовала от директора привести здание церкви в надлежащий вид, «для этого вывести все, напоминающее церковь с ее украшениями, росписями по стенам, произвести ряд перестроек и переделок, завести папки, шкафы и т. п., приступить к каталогизации инвентаря» (акт обследования музея). Как все это напоминает ситуацию, которая повторится спустя несколько лет при создании Музея имени Андрея Рублева! Сидя в неотремонтированном и неотапливаемом, без рам и стекол помещении, в пальто среди разложенных на полу экспонатов театрального музея, Давид Ильич размышлял о том, как использовать метод комплексной экспозиции (показать процесс развития театра в тесной связи с историей других видов искусства, прежде всего музыки). Ему была свойственна широта понимания дела, его перспектив, внутреннее чувство необходимости своих начинаний... А как много их было. Он свершил, казалось бы, невозможное, как будто это было возложено на него свыше.

Но настал 1935 год, роковой для Давида Ильича, так как в этом году его отлучили от его детища – театрального музея, созданию и развитию которого он от-

материалы сезона 1932–1933 годов: макеты декораций, эскизы костюмов, чертежи, фотографии сцен из лучших постановок Тбилиси за театральный сезон. Здесь были представлены постановки театра имени Шота Руставели, осуществленные Сандро Ахметели, второго театра, возглавляемого К.А. Марджанишвили, театров русской, армянской, тюркской драмы, театра юного зрителя.

Наконец, в январе 1934 года театральному музею передали армянскую церковь Норашен. Но церковь находилась в таком состоянии, что разместить в ней музей было невозможно: стены ее были расписаны, и это полностью исключало их использование для экспозиции или расположения шкафов и стеллажей, а уничтожить фрески Давид Ильич

дал без малого десять лет, служил ему не щадя себя, честно и бескорыстно. И вот когда был собран колоссальный материал, чаще всего чудом спасенный лично Давидом Ильичом, когда закончился первый этап, этап собирания, и настало время экспонирования, именно тогда последовал указ об освобождении Д.И. Арсенишвили от занимаемой должности (с 1 марта 1935 года). Предлогом послужил отъезд его в город Баку «самовольно... на длительное время» (приказ № 176 по Наркомпросу от 19 марта 1935 года). Давид Ильич надолго, почти на 14 лет, оказался оторванным от любимого дела. Но разве административными мерами можно уничтожить внутреннюю энергию, любовь и преданность делу – делу, ради которого родился?

8

Работая в архивах, Давид Ильич обнаружил в Тбилиси интересные документы, касающиеся жизни А.С. Грибоедова. В 1928 году к 100-летию со дня смерти писателя он подготовил доклад «Грибоедов в Грузии и Персии», который прочел в Академии художественных наук. На этом заседании он был избран членом-корреспондентом Академии. В 1929 году в Тифлисе вышла книга «Грибоедов в Грузии: Сборник. 1829–1929». Это была совместная работа двух авторов – Давида Ильича Арсенишвили и Ивана Константиновича Ениколопова. «Предисловие», а также разделы «Биография А.С. Грибоедова» и «Первые постановки “Горя от ума” на Кавказе» принадлежат перу Давида Ильича.

В 1928–1929 годах театральный музей Грузии организовал выставку «Грибоедов в Грузии». Она была показана в Тбилиси, Баку, Ереване и по инициативе Давида Ильича превращена в постоянную. Для ее размещения Давид Ильич подыскал две комнаты в доме священника Мачарашвили, располагавшемся рядом с усыпальницей А.С. Грибоедова. Впоследствии на основе этой выставки был создан Государственный литературный музей Грузии. Параллельно организованы выставки, посвященные памяти азербайджанского философа и драматурга Мирзы Фатали Ахундова, А.И. Южина, В.Л. Мчедлова (Мчедлишвили), выставка театрально-декорационного искусства и др.

В 1932 году Давида Ильича командировали в Москву на выставку «15 лет советской книги», где им был организован отдел «Советская книга в Закавказье»,

9

ской работой по договорам. К столетию Ильи Чавчавадзе в 1936 году устроил выставку, посвященную жизни и творчеству поэта и общественного деятеля. В следующем году в связи с 750-летием Шота Руставели им была организована еще одна выставка.

В начале Великой Отечественной войны, в 1941 году, Давид Ильич вернулся в Грузию. Здесь он работал по противовоздушной маскировке города Тбилиси. В 1942 году был назначен заведующим сектором охраны памятников архитектуры Грузии. Параллельно по поручению Грузинского отделения Художественного фонда собирал произведения современного грузинского искусства. Из этого собрания он организовал в Тбилиси Художественный салон. В 1944 году вышла его статья о современном искусстве Грузии.

3 мая 1945 года Давид Ильич был награжден медалью «За оборону Кавказа», а 30 апреля 1946 года Указом Президиума Верховного Совета СССР – медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Казалось бы, ничто не предвещало резкого поворота судьбы. В 1948 году он был избран депутатом Тбилисского совета трудящихся от 183-го избирательного округа. Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает.

В 1949 году по распоряжению Комитета по делам архитектуры при Совете министров СССР Давид Ильич был переведен в Москву для организации Музея древнерусского искусства имени Андрея Рублева. В течение десяти лет, вплоть до

написана статья «Советская книга за 15 лет», напечатанная впоследствии на немецком языке в Берлине. В 1933 году он участвовал от Закавказья в Международной олимпиаде революционных театров, на которой выступил с докладом «Архитектура нового театра». Грузинское театроведение впервые вышло на международный уровень в таком ракурсе.

После ухода из театрального музея, в 1936 году, Комитетом по делам искусств Грузинской ССР Давид Ильич был командирован для повышения квалификации в Москву, в студию К.С. Станиславского, где его зачислили в ассистентскую группу. При жизни Станиславского он прошел курс его знаменитой системы. Окончил студию в 1938 году, занимаясь художественно-оформитель-

1959 года, когда, воспользовавшись его болезнью, Давида Ильича отстранили от должности, он был директором и фактически создателем этого Музея.

10 декабря 1947 года постановлением Совета министров СССР за № 3974 Комитету по делам архитектуры при Совете министров СССР было поручено создать мемориальный музей имени Андрея Рублева. Вся территория бывшего Андроникова монастыря была объявлена историко-архитектурным заповедником имени Андрея Рублева, для организации музея выделено помещение – Спасский собор.

Когда Давид Ильич пришел в Музей имени Андрея Рублева, вспоминала И.А. Иванова, музея как такового еще не было, а существовало

10

только правительственное постановление. На территории Андроникова монастыря стояли полуразрушенные здания, в которых ютились десятки семей. Все постройки, включая древний Спасский собор, требовали немедленной реставрации. Несмотря на постановление, в переданном Музею соборе по-прежнему находился архив Главного управления военных трибуналов Вооруженных сил СССР. В первые же месяцы своего пребывания на посту директора Давид Ильич приложил все возможные усилия и сумел в кратчайший срок вывести из собора военный архив. 7 июля 1950 года Спасский собор наконец был передан Музею. В этом же году у Давида Ильича появилась его первая и верная помощница – Наталья Алексеевна Демина, которая перешла в Музей из Третьяковской галереи, где занимала должность хранителя.

Согласно постановлению, музей должен был быть мемориальным, но Давид Ильич с самого начала поставил перед собой цель превратить его из мемориала Андрея Рублева в Музей древнерусского искусства. Однако до осуществления его мечты нужно было пройти долгий и тернистый путь.

30 июля 1949 года в соответствии с постановлением Совета министров СССР за № 3298 Музей был передан Управлению по делам архитектуры при Совете министров РСФСР, которое, в свою очередь, предложило передать его Академии художеств СССР. Пока шли согласования, Давид Ильич обратился к президен-

11

Далее, сделав перегородку, Управление заняло юго-западный угол пристройки под свой архив. В белокаменный собор было перевезено оборудование телефонной станции и старый инвентарь, началась подготовка к вселению в Спасский собор. Вообще, Управление приложило немало усилий, чтобы удалить с территории и упразднить Музей.

18 ноября 1951 года в Совет министров СССР от Совета министров РСФСР за подписью председателя Б.Н. Черноусова поступило предложение о ликвидации Музея и передаче его помещения специальной научно-реставрационной мастерской Управления по делам архитектуры РСФСР. Дело было передано в ЦК КПСС, где вопрос рассматривался у Михаила Андреевича Сулова. На совещании в защиту Музея выступил Давид Ильич. М.А. Сулов с большим интересом выслушал горячий доклад Д.И. Арсенишвили и высказал пожелание, чтобы к делу создания Музея подключились авторитетные организации. Музей удалось сохранить, но борьба еще не закончилась. Впоследствии не раз предпринимались попытки его упразднения, в частности 3 июня 1953 года заместитель начальника Управления по делам архитектуры при Совете министров РСФСР С. Колесников обратился в Совет министров РСФСР с предложением упразднить Музей.

Что же было сделано в Музее в условиях борьбы и противодействия? В первые же дни своего пребывания в нем Давид Ильич заказал во Владимире и привез

ту Академии наук СССР академику С.И. Вавилову с просьбой поставить вопрос о передаче Музея имени Андрея Рублева Институту истории искусств, работавшему в области древнерусского искусства и входившему в систему Академии наук. Последняя решила вопрос отрицательно, и Музей надолго остался в ведении Управления по делам архитектуры при Совете министров РСФСР. Начались годы упорной борьбы. Вместо того чтобы помочь Музею отреставрировать и привести в порядок Спасский собор, Управление по делам архитектуры разместило в нем Отдел охраны памятников и Главную инспекцию Государственного архитектурного контроля РСФСР, заняв две большие комнаты и потеснив Музей со всеми его коллекциями в одну, двадцатиметровую.

в Москву гипсовые слепки с рельефов XII века, в частности Дмитровского собора и церкви Покрова на Нерли. Он привлек к работе художника-копииста Николая Владимировича Гусева, который сделал копии знаменитых произведений древнерусской монументальной живописи, и прежде всего Успенского собора во Владимире. Параллельно с копированием собирался материал для передвижных фотовыставок. Выставка «Андрей Рублев и мастера древнерусского искусства», устроенная в феврале 1954 года московским Союзом советских художников и Музеем имени Андрея Рублева, имела колоссальный успех. В Музее была собрана богатая библиотека, которая к концу августа 1953 года включала 480 томов, не считая периодических изданий Академии наук, а также внушительное собрание архивных материалов. Сотрудники начали давать консультации, справки, рецензии, проводить экспертизы, оказывать помощь периферийным музеям.

12

С 1953 года коллектив Музея начинает работу по выявлению и спасению памятников древнерусской культуры, которые погибали в недействующих церквях или оставались под спудом в краеведческих музеях древнерусских городов: Владимира, Суздаля, Ростова, Ярославля, Дмитрова, Углича, Сольвычегодска, Вологды, Калуги, Твери и множества других. Обладая величайшей художественной ценностью, эти памятники не включались в экспозиции, поскольку являлись предметами культового назначения; их экспонирование даже не планировалось ввиду «характера краеведческих музеев». Сохранить, уберечь от разрушительного действия времени, собрать воедино образцы древнерусского искусства – вот в чем видели цель своей деятельности сотрудники Музея древнерусского искусства, коллектив которого состоял из пяти человек (двое из них были техническими работниками). Ядро Музея составили три человека: директор Давид Ильич Арсенишвили и научные сотрудники Наталья Алексеевна Демина и Ирина Александровна Васильева-Иванова, которая в 1951 году пришла в музей и стала постоянной помощницей своих старших коллег.

По воспоминаниям Д.С. Лихачева, этих трех замечательных людей в Секторе древнерусской литературы Пушкинского Дома Академии наук СССР называли

«святой троицей». Несмотря на сильнейшее сопротивление определенных сил и намерение закрыть вновь созданный Музей, эти, по словам Д.С. Лихачева, «две слабые, но преданные делу и знающие женщины и рыцарственно служащий своей идее грузин» не просто «держали оборону», но активно работали, пополняя Музей редчайшими экспонатами. Музей рос и притягивал к себе все большее внимание.

В 1953–1954 годах Наталья Алексеевна Демина провела обследование фондов периферийных музеев, составив списки с тысячами наименований памятников древнерусской иконописи. Были выявлены иконы, находившиеся в аварийном состоянии в результате их непрофессионального хранения. Так, к примеру, в Дмитровском краеведческом музее из шедевров XVI века были сколочены перекрытия для антресолей, а в Суздале огромные иконы из соборного иконостаса использовались как стены для фотографий передовиков производства. В 1950-х годах Н.А. Демина, Д.И. Арсенишвили и И.А. Иванова спасли от гибели и вывезли из региональных музеев, из закрытых храмов, где они погибали от сырости и плесени, в Андроников монастырь более ста икон XV–XVII веков.

О подвижническом характере этой работы и о том чувстве благоговения перед древней иконой, которое руководило этими людьми, свидетельствует одно из писем Д.И. Арсенишвили к Н.А. Деминой, написанное, видимо, в Доме колхозника в городе Кириллове Вологодской области в 1954 году: «Кажется, я не зря забрался в эту вологодскую глушь, с находками не расstaюсь. Соседи спят, лампочка тусклая, прислоню иконы к рукомоЙнику и смотрю. Доски черные, нераскрытые, но свет от них чувствуется, оторваться трудно. А может быть, это Дионисий, дорогая Наталья Алексеевна?» Но вот какую оценку получает деятельность Музея в этом направлении в Государственном комитете Совета министров РСФСР по делам строительства и архитектуры в августе 1956 года: «Проводимая музеем полезная работа по собиранию памятников древнерусского искусства и по популяризации творчества Андрея Рублева изображается как своего рода “подвижничество”. Это мешает коллективу целеустремленно работать над организацией музея с тем, чтобы в ближайшее время начать показ творческого наследия Андрея Рублева широким массам советских граждан».

К 1954 году авторитет Музея древнерусского искусства значительно вырос, перед ним была поставлена задача подготовиться к знаменательной дате – 600-летию со дня рождения Андрея Рублева. А Моссовет в это же время готовил постановление о передаче зданий бывшего Андроникова монастыря под административно-хозяйственные нужды, ничего общего не имеющие с увековечением памяти Андрея Рублева. Создавались комиссии, которые всячески препятствовали нормальной работе Музея. Сама форма проверок сотрудников была грубая, некорректная, оскорбительная. Музей продолжал находиться в ненормальных условиях. Сотрудники ютились в одной комнате, среди ценнейших экспонатов, готовили экспозицию, однако представить собранный ими материал было совер-

шенно невозможно из-за отсутствия пригодного для этого помещения.

Сколько раз обращался Давид Ильич за помощью в разные инстанции, сколько раз вставала общественность на защиту Музея! Куда только ни писали письма, полные возмущения: в разные комитеты, министерства, управления, в Советы министров РСФСР и СССР, Городской совет депутатов трудящихся, в центральные газеты и журналы. В поддержку Музея

13

древнерусского искусства не раз поднимали голос Михаил Владимирович Алпатов, Дмитрий Сергеевич Лихачев, Илья Григорьевич Эренбург, Борис Александрович Рыбаков и многие другие.

Приближалась дата юбилейных торжеств, а Моссовет по-прежнему не выселил жильцов с территории заповедника, не расчистил, не благоустроил его территорию, здесь по-прежнему стояли сараи-развалюхи и полуразрушенные здания. С ведома Моссовета территория заповедника была превращена в строительную площадку, здесь были сооружены производственные мастерские, склады, гаражи и т. п. Управление по делам строительства и архитектуры при Совете министров РСФСР, отвечавшее за создание проекта реставрации Спасского собора, не несло ответственности за финансирование восстановительных работ. Преемник Управления – Госстрой РСФСР – не давал Музею денег, несколько раз пытался вновь его ликвидировать.

Сотрудники Музея имени Андрея Рублева сделали все от них зависящее и не зависящее: был собран большой материал, сохранены для будущих поколений произведения искусства. Но куда все это девать? Иконы ведь надо еще отреставрировать, необходимы помещения, надо куда-то разместить библиотеку. А проверки продолжались. Вот, например, результаты одной из них: «Т[оварищ] Арсенишвили келейно продолжает показ экспонатов, не утвержденных в установленном порядке и размещенных в неотреставрированном помещении, не приспособленном на сегодняшний день для музейного показа. Несмотря на то что музей еще не открыт, его часто посещают отдельные граждане, представители духовенства, иностранные подданные, в том числе послы западных держав. Самовольно разрешая доступ в музей, экспозиция которого не утверждена и размещена в непригодном для показа помещении, т[оварищ] Арсенишвили проявляет тем самым политическую близорукость и дискредитирует самую идею популяризации творчества Андрея Рублева. Кроме того, экскурсоводческая работа по незавершенным музейным фондам отвлекает коллектив от решения основной задачи – подготовки музея к открытию».

14

До большого праздника – 600-летия со дня рождения Андрея Рублева – оставалось всего полтора года. Вопрос юбилея решался на высшем уровне. Боясь ответственности, начальник Управления культуры Мосгорисполкома К.А. Ушаков принял естественные для себя меры. 23 января 1959 года Д.И. Арсенишвили был освобожден от занимаемой должности. Уволили того, кто, по словам Н.З. Вачнадзе, «мучился, работал, писал, сообщал,

возбуждал дело, действовал, творил чудеса, кто надорвал здоровье, вкладывая все свои силы не только в нужное дело, но и в ненужную работу, живя в почти нечеловеческих условиях...» И далее: «Поступок, прямо скажем, бесчестный. Уволен Давид Ильич, проделавший огромнейшую и труднейшую организаторскую работу, развернувший широчайшую популяризаторскую деятельность, возбуждавший интерес общественности к древнерусскому искусству. А его самоотверженная работа по спасению шедевров русского искусства! Это не в счет... Сохранилось множество документов, составленных Давидом Ильичом, документов отредактированных, зачеркнутых и перечеркнутых, перепечатанных на ремингтоне, колоссальное количество бумаг, и все – его почерк, его, только его... Он составлял тексты, собирал подписи, снимал копии, посылал, звонил, сообщал итоги... Ничего... И начинал все сначала... А когда дело уже шло к концу, – уволен. Не посчитались даже с тем, что серьезно болен... Подавляют дух энтузиастов, дезорганизуют работу, отравляют жизнь Чиновники... с их формальным отношением к делу, равнодушием, непониманием и недооценкой людей, безразличием к ним... До какого же состояния могут довести они творческую натуру, чуждую и непонятную им».

«Приезжай, дорогой Гурам, на той неделе открывают мой Музей, он ведь все равно мой и навсегда, что бы ни случилось...» – писал Давид Ильич своему другу Гураму Каландадзе. 21 сентября 1960 года состоялось официальное торжественное открытие Музея имени Андрея Рублева. Музей открылся, но, увы, уже без участия Давида Ильича.

В заключение хочется сказать, что Д.И. Арсенишвили, живя в Москве, никогда не забывал свою Родину, дорогой его сердцу грузинский народ. Параллельно с основной работой в Музее древнерусского искусства Давид Ильич в общественном порядке поставил вопрос об организации в Донском монастыре на месте, где находилась усыпальница грузинских литературных и общественных деятелей, выставки русско-грузинских дружественных взаимоотношений. Такая выставка под названием «Грузинская колония в Москве в XVII–XVIII вв.» была

открыта в Сретенской церкви Донского монастыря. В 1950-е годы в Москве он также работал над публикацией документов русско-грузинских взаимоотношений с XI по XIX век. Вел работу по увековечиванию памяти выдающихся деятелей, поборников дружбы России и Грузии, Вахтанга VI Багратиони и Теймураза II, погребенных в Астрахани. Давидом Ильичом было опубликовано около 20 статей по вопросам искусства на грузинском и русском языках.

К сожалению, нам не удалось узнать, чем занимался Д.И. Арсенишвили после отстранения его от должности директора Музея древнерусского искусства имени Андрея Рублева. Он вернулся в Тбилиси... Осенним днем 1963 года в одной из тбилисских больниц решили навести порядок – вымыть полы, натереть мастикой. Давид Ильич, болевший бронхиальной астмой, попросил уборщицу не натирать их в его палате, но услышал ответ: «Идите к палатному врачу, пусть прикажет». Давид Ильич обратился к врачу, но получил тот же ответ: «Идите к главному врачу – пусть он прикажет». Главный врач равнодушно ответил: «Так положено». На следующий день Давида Ильича не стало. Он умер 16 ноября 1963 года от сильнейшего приступа бронхиальной астмы.

Газета «Литературная Грузия», издававшаяся на грузинском языке, 22 ноября 1963 года поместила некролог, который начинался следующей фразой: «После кратковременной болезни скончался известный общественный деятель, искусствовед Давид Ильич Арсенишвили». На следующий день, 23 ноября, газета «Советская культура» опубликовала объявление: «Министерство культуры СССР, Академия художеств СССР, Институт истории искусств Министерства культуры СССР и Музей древнерусского искусства имени Андрея Рублева с глубоким приговором извещают о кончине талантливого организатора музейного дела Давида Ильича Арсенишвили, последовавшей на 58-ом году жизни в Тбилиси, и выражают соболезнование семье покойного».

Как это часто, к сожалению, бывает, признание пришло только со смертью. По словам Нателы Вачнадзе: «Давид Ильич умер, но живет его дело, которому он отдал не так уж много – всего одну человеческую жизнь».

ИЛЛЮСТРАЦИИ²

1. Давид Ильич Арсенишвили. 14 июня 1952 года
2. Илья Александрович и Прискила Эквтимовна с детьми: в центре в гимназической форме одиннадцатилетний старший брат Али. Крайняя справа – Ксения, крайняя слева – Тамара († 1935). У ног отца второй сын – Александр (1901–1942). На коленях у матери сидит Маргарита (1903–1964), в будущем известный в Тбилиси врач-дерматолог. Декабрь 1903 года. Кутаиси

² Иллюстрации 2–6, 15 и I–III на вклейке предоставила профессор Нана Иашвили, декан факультета медианского искусства Тбилисской государственной академии художеств.

3. Давид Ильич Арсенишвили. 1920 год
4. Давид Ильич Арсенишвили (справа) и выдающийся грузинский композитор Андрей Мелитонович Баланчивадзе. 1923 год. Батуми, Прибрежный парк
5. Давид Ильич Арсенишвили (в центре) с единомышленниками и соратниками по созданию театрального музея Грузии: Анной Андгуладзе, Нино Мгеладзе-Гудиашвили, Антониной Думбадзе, Шалвой Зоненашвили и Борисом Чечелашвили. 8 октября 1927 года. Тифлис
6. Семья Давида Ильича Арсенишвили. Слева направо стоят: брат Шота Ильич, Давид Ильич Арсенишвили, брат Александр Ильич, брат Али Арсенишвили. Сидят: жена брата Александра Надежда, сестра Маргарита Ильинична, отец Илья Александрович, сестра Тамара Ильинична и ее супруг Николай Твалашвили. Впереди племянники Давида Ильича: дочь Александра Ильича Леила и сын Тамары Ильиничны Алеко Твалашвили. 1934–1935 годы
7. Ирина Александровна Васильева-Иванова, Наталья Алексеевна Демина, Дмитрий Сергеевич Лихачев и Давид Ильич Арсенишвили возле Спасского собора Андроникова монастыря в Москве. 14 июня 1952 года
8. Ирина Александровна Васильева-Иванова, Наталья Алексеевна Демина, Дмитрий Сергеевич Лихачев и Давид Ильич Арсенишвили возле Спасского собора Андроникова монастыря в Москве. 14 июня 1952 года
9. Начало реставрации церкви Архангела Михаила и Спасского собора в Андрониковом монастыре. 1959 год
10. Спасский собор Андроникова монастыря в процессе реставрации. 1959–1960 годы
11. Спальное место Д.И. Арсенишвили в Спасском соборе Андроникова монастыря, в подготавливаемой фотоэкспозиции «Андрей Рублев и мастера русского искусства». 1952–1953 годы
12. Давид Ильич Арсенишвили около входа в Спасский собор Андроникова монастыря на митинге по случаю открытия Музея имени Андрея Рублева. 21 сентября 1960 года
13. В гостях у Ладо Гудиашвили в Москве. Слева направо: Давид Ильич Арсенишвили, Ладо Давидович Гудиашвили, искусствовед Юрий Каменский
14. Могилы Маргариты Ильиничны Арсенишвили (1903–1964) и Давида Ильича Арсенишвили (1905–1963). Кладбище «Сабуртало» в Тбилиси

ИСКУССТВО

Н.А. Астафьева,
Московский государственный
объединенный
художественный
историко-архитектурный
и природно-ландшафтный
музей-заповедник

**ПАМЯТНИК
ДИПЛОМАТИЧЕ-
СКИХ ОТНОШЕНИЙ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ
РУСИ И КАХЕТИИ:
ВОЗДУХ «ГОЛГОФ-
СКИЙ КРЕСТ»
XVI ВЕКА.
К ВОПРОСУ ОБ
АТРИБУЦИИ**

В собрании Московского государственного объединенного музея-заповедника «Коломенское–Измайлово–Лефортово–Люблино» (МГОМЗ) хранится уникальный памятник золотного шитья – воздух «Голгофский крест»¹. Первоначально воздух поступил в музей «Коломенское» в 1925 году из Николо-Угрешского монастыря через фонд Новодевичьего монастыря Государственного исторического музея (цв. ил. I). Согласно инвентарным книгам МГОМЗ, воздух с покровцами, в настоящее время хранящимися в ГИМ², составляет литургический комплект (цв. ил. II, III). В музейном инвентаре МГОМЗ запись о литургическом комплекте представлена следующим образом. Воздух: «Воздух малинового атласа на желтой шелковой подкладке, шита Голгофа металлической нитью, по краю – кайма – надпись на грузинском языке. Вклад царя Михаила Федоровича в Николо-Угрешский монастырь». Покровцы: «Воздух малинового атласа на зеленой шелковой подкладке. Шит мелким речным жемчугом: Голгофа, 4 звезды и надпись по кайме грузинскими буквами. На подкладке вкладная надпись». В 1943 году воздух с покровцами были переданы в отдел тканей ГИМ, в 1949 году «вернулись» в музей «Коломенское». В 1950 году комплект был разрознен: воздух «Голгофский крест» остался в музее «Коломенское», а покровцы были окончательно переданы в отдел тканей ГИМ в числе церковных предметов, шитых драгоценными камнями и жемчугом.

М.А. Зенина³, занимавшая в 2008 году должность хранителя тканей в музее «Коломенское», предприняла первое атрибуционное исследование воздуха. Исследовательница датировала создание памятника 1615–1620 годами по

¹ МГОМЗ, инв. № Т-128.

² ГИМ, инв. № РБ-5043, РБ-5044.

³ Зенина М.А. Грузинский воздух – вклад царя Михаила Федоровича в Николо-Угрешский монастырь // Коломенское: Материалы и исследования. М., 2008. Вып. 11. С. 139–154.

вкладной надписи⁴. Надпись, повествующая о вкладе воздуха царем Михаилом Федоровичем Романовым в Николо-Угрешский монастырь в 1620 году, впервые была опубликована Д.Д. Благово в историческом очерке Николо-Угрешского монастыря 1872 года⁵. М.А. Зенина перевела грузинскую надпись на кайме и связала создание воздуха с именем и трагической судьбой царевича Леона, старшего сына кахетинского царя Теймураза I (1589–1663).

Настоящая статья является следующим этапом научного осмысления памятника. В связи с новыми обстоятельствами – введением в научный оборот описей Николо-Угрешского монастыря из собрания МГОМЗ, а также двух покровцов «Голгофский крест» из собрания ГИМ – возникла необходимость рассмотреть воздух в контексте литургического комплекта. Представляется важным переатрибутировать памятник⁶: исследовать историю создания воздуха, установив его меморативную принадлежность, а также предположить источники появления комплекта в России.

Воздух выполнен из двух горизонтальных разноразмерных фрагментов сильно выцветшего малинового шелка, представляющего атлас местного, предположительно кахетинского производства. Средник и края воздуха отмечены полосками, шитыми пряженными золотными нитями. Подкладка – из двух горизонтальных разноразмерных фрагментов сильно выцветшей желтой тафты, по-видимому, также местного, кахетинского производства. По верху тафты – чернильная надпись: «№ 2». Размеры: 75×80 см.

В центре средника воздуха шит четырехконечный Голгофский крест на пятиступенчатом основании, с процветшими концами в виде трапециевидного трилистника (ил. 1). По углам средника вышито четыре восьмиконечных звезды. Вокруг Голгофы изображение копья и процветшей трости с надписями под титулами на церковнославянском языке: «Ц[А]РЬ СЛАВЫ, И[ИСУ]С Х[РИСТО]С, НИКА, КОПИЕ, ТР[О]СТЬ, М[ЕСТО] Л[ОБНОЕ] Р[АЙ] Б[ЫСТЬ]»⁷. По кайме шита надпись на древнем грузинском языке. Фигуративное шитье⁸ и грузинская надпись выполнены пряженными, сильно потертыми, практически до серебра, местами до основы, золотными нитями на толстой шелковой основе с шелковой прикрепой: Голгофа швом «городок», звезды красной и синей шелковой прикрепой швом «клопец» и «свободная прикрепа». Трость, копье и церковнославянская надпись вышиты более тонкими пряженными серебряными нитями.

⁴ Там же. С. 140.

⁵ Благово Д.Д. Исторический очерк Николаевского Угрешского общежительного мужского монастыря. М., 1872. С. 93.

⁶ Автор статьи выражает благодарность ведущему специалисту Музеев Московского Кремля И.И. Вишневецкой за помощь в атрибуции пелены.

⁷ Здесь и далее печатный и рукописный текст воспроизводится гражданским шрифтом заглавными буквами с современной пунктуацией. Рукописные вставки выделены курсивом. Титула опускаются, сокращенные буквы заключаются в квадратные скобки. Кириллическое обозначение дат передается арабскими цифрами.

⁸ Термин «фигуративное шитье» принят в современной западной научной литературе.

Иконография горы Голгофы («Лобное, или Краниево, место» от евр. «череп») отличается разнообразием, так как неразрывно связана с иконографией Животворящего Креста Господня. Древнейшие изображения и символы Голгофы восходят к IV–V векам. Так, мозаика V века в церкви Санта-Пуденциана изображает Голгофу в виде круглой каменной вершины, увенчанной золотым крестом. Наиболее распространенным иконографическим типом Голгофы является изображение скалистых ступенчатых гор с расщелиной-пещерой, содержащей главу Адама. К.А. Щедрина предположила, что подобная иконография развилась из представлений об особенностях иерусалимского пейзажа, богатого скалами и горами⁹. В византийский

1

период храмового строительства на месте Голгофы холм был срыт, обнаружена скала, оборудованная лестницей и украшенная на вершине золотым крестом. В связи с этим более традиционным является изображение Голгофы в виде многоступенчатой двусторонней площадки с крестом на вершине. Подобные изображения выполнены на сохранившихся вещественных памятниках: паломнических амулах, флягах, византийских монетах (например, монета императора Феодосия II и императрицы Евдокии 420 года). Вероятно, именно такое изображение является отражением реального оформления Голгофы, ставшего известным благодаря описаниям паломников¹⁰. Синаксарь Великого Пятка описывает Голгофу следующим образом: «Лобное же место глаголется, занеже в потоке востекшей вне земли Адамовой главе... юже Соломон честию праотца... камнем множайшим покры. Тем же и место то оттоле лифостротон, сиесть, каменнопостланное именовасе»¹¹. Изображение Голгофы на исследуемом литургическом комплекте в виде многоступенчатой двусторонней площадки, увенчанной крестом с процветшими концами на вершине, характерно для памятников XV–XVI веков.

Изображение Голгофы на воздухе и покровцах не характерно для памятников древнерусского шитья. На Руси Голгофу традиционно вышивали, прежде всего, на подвесных пеленах, на надгробных покровцах и знаменах и обязательно допол-

⁹ Щедрина К.А. О некоторых особенностях иконографии горы Голгофы в изображениях креста и Распятия // Ставрографический сборник. М., 2001. Вып. 3. С. 279.

¹⁰ Православная энциклопедия. М., 2006. Т. XI. С. 691.

¹¹ Троице постная. М.: Синодальная типография, 1801. Л. 515.

няли изображениями орудий Страстей и надписями на церковнославянском языке. В Музеях Московского Кремля и МГОМЗ хранятся шитые подвесные пелены, покровы, знамена с традиционным изображением Голгофы и обязательными сопроводительными надписями¹². При визуальном осмотре исследуемого воздуха выявлено, что трость, копие и церковнославянская надпись вокруг Голгофы выполнены отличными от основного шитья, прячеными серебряными нитями на более тонкой шелковой основе. Предположительно они появились гораздо позднее фигуративного шитья в качестве разъяснительных и традиционных для древнерусских шитых произведений – около 1620 года, непосредственно перед временем вклада литургического комплекта царем Михаилом Феодоровичем в Николо-Угрешский монастырь.

Некоторые технологические особенности выработки атласа: грубые, толстые, неровно прокрашенные шелковые нити, свидетельствующие о нерегулярности работы станка, исключают происхождение атласа из известных центров шелкоткачества. Ткань подкладки – тафта (цв. ил. IV) – обладает теми же технологическими особенностями выработки, что и атлас. По визуальным наблюдениям, малиновый шелк окрашен кошенилью – красителем, дающим характерный насыщенный глубокий оттенок в несколько лиловый пурпур. В Закавказье наибольшую известность получила армянская кошениль, используемая достаточно широко в текстильной промышленности для получения красителя «кармир вортан» («красный червь»). Главными особенностями кармина являются необыкновенная устойчивость к свету и насыщенный, глубокий пурпурный оттенок. К середине XVI века кошенильный промысел пошел на убыль, и к началу XVII столетия «вортан кармир» перестали производить, так как появилась более дешевая краска из мексиканской кошенили¹³. Таким образом, технико-технологические особенности атласа и тафты позволяют говорить о местном, кахетинском производстве тканей и датировать их XVI веком.

В фонде старопечатных и рукописных книг МГОМЗ хранится пять описей «церковного и ризничьего имущества» Николо-Угрешского монастыря¹⁴, служивших новым источником по истории возникновения литургического комплекта. Их сопоставление выявило, что четыре описи – от 1763 года¹⁵, 1840 года¹⁶, 1844 года¹⁷, 1850 года¹⁸ – не содержат данные о том, как читаются грузинские надписи на воздухе и покровцах. Написано, что на воздухе вокруг креста латинские

¹² Знамя сотенное Государева полка. 1675 год. Музеи Московского Кремля, инв. № ЗН-154/1-3; Пелена подвесная. Середина XVII века. Музеи Московского Кремля, инв. № ТК-2266; Пелена подвесная. XVII век. Музеи Московского Кремля, инв. № ТК-1711; Пелена подвесная. 1780–1790-е годы. Музеи Московского Кремля, инв. № ТК-2948, ТК-2953, ТК-2946; Покров надгробный. XVII век. МГОМЗ, Т-521; Пелена подвесная. XVII век. МГОМЗ, инв. № Т-487.

¹³ См.: Мкртчян А.П., Саркисов Р.Н. Биология и размножение араратской кошенили. Ереван, 1985.

¹⁴ Автор статьи выражает благодарность старшему научному сотруднику фонда старопечатных и рукописных книг МГОМЗ С.Ю. Князевой за помощь в подборе описей Николо-Угрешского монастыря.

¹⁵ МГОМЗ, инв. № А-776. Л. 97 об.

¹⁶ МГОМЗ, инв. № А-770. Л. 40 об.

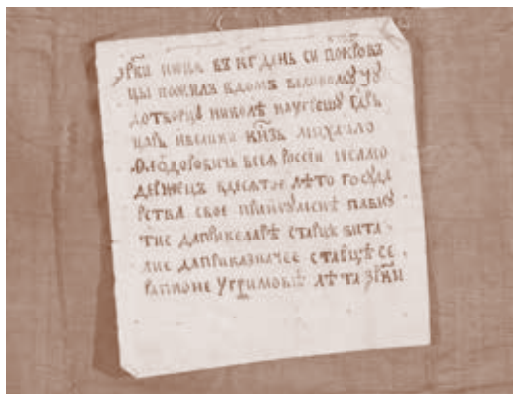
¹⁷ МГОМЗ, инв. № А-771. Л. 76–76 об.

¹⁸ МГОМЗ, инв. № А-793/24. С. 119, 120.

(греческие) слова шиты золотом, а на покровцах «кругом греческие слова вынизаны мелким жемчугом». Правда, в описи церковного и ризничного имущества 1840 года¹⁹ сделана запись о вкладной надписи на одном из покровцов, частично совпадающей с подлинной чернильной надписью:

«7128 ИЮНЯ В Д[Е]Н[Ь] 23. СШ ПOKPOBЦЫ // ПОЛОЖИЛИ В ДОМ ВЕЛИ//КОМУ ЧУДОТВОРЦУ НИКОЛЕ НА УТРЕ//ШУ Г[О]СУД[А]РЬ Ц[А]РЬ И ВЕЛИКИИ КНЯЗ[Ь] МИ//ХАИЛ ФЕДОРОВИЧ ВСЕА РУСИИ И САМО//ДЕРЖЕЦ В ДЕВЯТОЕ ЛЕТО Г[О]СУД[А]Р[С]ТВА // СВОЕГ[О] ПРИ ПГУМЕНЕ ПЛАФНОТИЕ ДА // ПРИ КЕЛ[А]Р[Е] СТАРЦЕ ВИТАЛИЕ ДА ПРИ // КАЗНАЧЕЕ СТАРЦЕ СЕРАПИОНЕ УТРИМОВЕ // ЛЕТА 7128» (ил. 2; цв. ил. V).

И только в описи церковного и ризничного имущества 1859 года²⁰ читаем следующее: «ВОЗДУХ И ДВА ПОКРОВЦА КРАСНОГО АТЛАСА НЕРАЗРЫВНЫЕ; ДРЕВНИЕ; НА **ВОЗДУХЕ** КРЕСТ И ПО КРАЯМ СЛЕДУЮЩИЕ СЛОВА: НА ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ: // ГОСПОДЬ ВОЦАРИСЯ В ЛЕПОТУ ОБЛЕЧЕСЯ, ОБЛЕЧЕСЯ ГОСПОДЬ В СИЛУ И ПРЕПОЯСАСЯ. БОЖЕ И СВЯТИИ АРХАНГЕЛЫ БУДЬТЕ ЗАСТУПИНИКОМ ЦАРЮ **ЛЕОНУ** //, – ШИТЫЕ ЗОЛОТОМ; А НА **ПОКРОВЦАХ** КРЕСТЫ, ЗВЕЗДЫ И ПО КРАЯМ СЛОВА НА ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ: НА ПЕРВОМ: // ГОСПОДЬ ВОЦАРИСЯ В ЛЕПОТУ ОБЛЕЧЕСЯ, ОБЛЕЧЕСЯ ГОСПОДЬ В СИЛУ И ПРЕПОЯСАСЯ: ПРЕСВЯТАЯ СКОРБЯЩАЯ БОЖИЯ МАТЕРЬ БУДЬ ЗАСТУПИНИЦЕЮ ДУШИ ЦАРИЦЫ **ТИНАТИНЫ** //; НА ВТОРОМ: // УТВЕРДИ ВСЕЛЕННУЮ ЯЖЕ НЕ ПОДВИЖЕТСЯ, ГОТОВ ПРЕСТОЛ ТВОЙ ОТ ВЕКА И ДО ВЕКА ТЫ ЕСИ. ПРЕСВЯТАЯ СКОРБЯЩАЯ БОЖИЯ МАТЕРЬ БУДЬ ЗАСТУПИНИЦЕЮ ДУШИ ЦАРИЦЫ ЦАРИЦ **ТИНАТИНЫ**//, НИЗАНЫ МЕЛКИМ ЖЕМЧУГОМ, КОЕГО ВЕСОМ ПРИМЕРНО ТРИДЦАТЬ ЗОЛОТНИКОВ, ЦЕНОЮ ЗА ЗОЛОТНИК ПО ДВА РУБЛЯ. ПОДЛОЖЕНЫ, ВОЗДУХ ЖЕЛТОЮ, А ПОКРОВЦЫ ЗЕЛЕНУЮ ТАФТОЮ. НА ОДНОМ ПОКРОВЦЕ ЖЕМЧУЖНОЙ ОСЫПИ ТРИНАДЦАТЬ ЗЕРЕН, НА ДРУГОМ ТРИ ЗЕРНА. ОЗНАЧЕННЫЕ НА ВОЗДУХЕ И ПОКРОВЦАХ СЛОВА, ПЕРЕВЕДЕНЫ С ГРУЗИНСКОГО НА РУССКИИ ЯЗЫК В МОСКОВСКОМ ЛАЗАРЕВСКОМ ИНСТИТУТЕ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ». На полях описи – интересная приписка карандашом: «ХРАНИТСЯ В СУНДУКЕ», свидетельствующая об особой ценно-

2

¹⁹ МГОМЗ, инв. № А-770. Л. 40 об.

²⁰ МГОМЗ, инв. № А-872. С. 197.

3

сти комплекта. Надписи переведены при настоятеле архимандрите Пимене II (1852–1880) – преподобном Пимене Угрешском, с именем которого связан расцвет Николо-Угрешского монастыря.

92-й псалом «Господь воцарися, в лепоту облечеся...» читается священником на проскомидии. Двумя маленькими покровцами священнослужитель покрывает дискос со звездицей и потир. Большой покровец, возлагаемый на потир и дискос вместе, называется воздухом, аером, так как перей потрясает, колеблет воздух, изображая «трус», бывший при Воскресении Христовом. Воздух символизирует камень, приваленный к двери Гроба Господня²¹. Таким образом, содержание надписей на шитом комплекте свидетельствует о традиционном литургическом вкладе.

Описи показали, что воздух не может быть осмыслен вне контекста литургического комплекта. Как удалось установить, в надписи на воздухе идет речь о царе Кахетии Леване (Леоне) (1504–1574), в надписях на покровцах – о первой супруге Левана царице Тинатин. Титулом «царь» именовались независимые или полунезависимые владетели, или эриставы, отдельных провинций (по-грузински «эристави» – владетель области в средневековой Грузии). Титул «царица цариц» означает высокопоставленную особу, которой является исключительно жена владетеля, или эристава²².

Царь Леван, из династии Багратионов, правил страной с 1520 по 1574 год. Тинатин родила Левану трех сыновей: Александра, Георгия и Иесе. Затем царь отпустил Тинатин, так как «та не возжелала с ним жить, ибо Леван был блудником». После расставания с Леваном царица жила с сыновьями в основанном ею монастыре Ахали-Шуамта, где и была захоронена. После расставания с Тинатин Леван «женился на дочери шамхала (титул правителей в Дагестане), которая родила ему много детей»²³.

Царь Леван много способствовал восстановлению древних храмов. В 1531–1536 годах он послал в Иерусалим игумена Иоакима (Чолокашвили) с богатыми вкладами для монастырей и большой суммой денег для выкупа и возобновления Голгофы, разрушенной турками в 1517 году. Из сохранившихся письменных источников известно, что «игумен Иоаким обстроил вновь Гроб Господень

²¹ Никольский К.Т., *свящ.* Пособие к изучению устава богослужения Православной Церкви. СПб., 1907. С. 16–17.

²² Кондаков Н.П., *Бакрадзе Д.* Опись памятников древности в некоторых храмах и монастырях Грузии. СПб., 1890. С. 61.

²³ *Васушти Багратиони.* История царства Грузинского. Тбилиси, 1976. С. 135–139.

и Голгофу мрамором». Так было написано по-грузински на мраморном подножии патриаршего трона на Голгофе, который сгорел во время пожара 1808 года, уничтожившего значительную часть храма Гроба Господня. Греческая церковь внесла Левана в Синаксарь за освобождение им Гроба Господня и возобновление Голгофы²⁴. Прорисовка Голгофского креста на воздухе также свидетельствует о грузинском происхождении памятника. Можно предположить, что члены кахетинского посольства в Иерусалим привезли в Кахетию увиденные изображения реального оформления Голгофы. Аналогичные изображения Голгофы с процветшими концами на многоступенчатом основании сохранились в виде кирпичной кладки на фасадах древнего храма-крепости в Греми – столице Кахетии²⁵ (ил. 3), на стенах храма монастыря Ахали-Шуамта²⁶ (ил. 4). Архитектурный ансамбль в Греми был построен в XVI веке при царе Леване. На небольшой горе возведен дворец, храм и крепость, у подножия вырос богатый торговый город, насчитывавший около 100 тысяч населения. Через Греми проходила одна из ветвей Великого шелкового пути. Монастырь Ахали-Шуамта был основан царицей Тинатин.

4

В грузинской грамоте, данной царем Леваном Мцхетской церкви в 1537 году, говорится о четырех сыновьях, двое из которых были рождены уже от второй «жены-шамхалки»²⁷. Таким образом, становится очевидным, что царица Тинатин поселилась в монастыре Ахали-Шуамта не позднее 1537 года. Также, согласно письменным источникам, известно время нахождения кахетинского посольства в Иерусалиме с миссией возобновления Голгофы: 1531–1536 годы. Можно предположить, что литургический комплект был выполнен в 1540-х годах в мастерской царицы Тинатин монастыря Ахали-Шуамта после возобновления Леоном Голгофы в Иерусалиме, и его создание связано не только с определенными историческими реалиями Кахетии XVI столетия, но и с конкретными персоналиями.

Еще один памятник, связанный с именем царя Левана, хранится в Оружейной палате Московского Кремля. Это икона «Богоматерь с Младенцем» (тип Одигитрия)²⁸, самой древней частью которой является серебряная пластина на обороте, датируемая 1528–1535 годами (ил. 5). По центру пластина украшена изображе-

²⁴ Цагарели А.А. Памятники грузинской старины в Святой Земле и на Синае // Православный палестинский сборник. СПб., 1888. Вып. 10. С. 59, 61–64, 113.

²⁵ URL: <http://yandex.strani.webnode.ru/news/svjatyje-mjesta-kakhjetii>.

²⁶ URL: http://yandex:монастыри_грузинской_православной_церкви_Ахали-Шуамта.

²⁷ Пурцеладзе Д.П. Грузинские церковные гуджари (грамоты). Тифлис, 1881. С. 106–107.

²⁸ Музей Московского Кремля, инв. № 11969 охр.; Ж-1737/1-2.

5

нием Голгофского креста на пятиступенчатом основании с грузинской надписью вокруг. Надпись прочитана следующим образом: «Пресвятая Богородица Дева Мария будь милосердна к соорудителю нетленного образа Твоего, рабу Твоему царю кахетинскому Леону с двумя чадами моими и заступницею перед сыном Твоим и Богом нашим в день Великого Суда. Аминь»²⁹. В 1530–1540-х годах царь Леван сооружал разные памятники церковного искусства, украшенные изображением Голгофы на многоступенчатом основании.

В рамках данного исследования представляется немаловажным предположить время и источники появления литургического комплекта в России. Царь Леван мудро выстраивал политические отношения с Ираном,

в его правление не происходило вражеских нашествий, страна крепла и экономически расцветала. Будучи вассалом государства Сефевидов, Леван оказал помощь шаху Тамазу I в покорении города Шеки в 1551 году³⁰. Кахетинские цари, завязывая дипломатические отношения с Московским государством, «принимали в расчет и дружественные сношения Московских великих князей с Персидскими шахами... надеясь в будущем на заступничество Московского государства пред шахом за единоверную христианскую страну»³¹. Таким образом, целью сношений Кахетии с Москвой и желанием кахетинских правителей было приобрести заступничество Московского государства перед персидскими шахами. Дипломатические сношения Кахетии с Московским государством были прерваны после 1492 года и возобновились в 1561 году, во время царствования Ивана IV и Левана. После заключения Ирано-османского договора персидский шах был недоволен легкой вассальной зависимостью Кахетии, и в 1550–1560-е годы царь Леван пытался получить от России помощь. В свою очередь, Московское государство после завоевания Астраханского и Казанского царств (1552–1556) стремилось распространить торговое и политическое влияние на Персию через Кавказ. Гру-

²⁹ Пятницкий Ю.А. Грузинская реликвия в России // Никодим Павлович Кондаков, 1844–1925: Личность, научное наследие, архив / ГРМ. СПб., 2001. С. 84.

³⁰ Там же. С. 17.

³¹ Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел. М., 1889. Вып. 1. С. XXVIII.

зинские христианские царства, несмотря на раздробленность, были твердой опорой России. При царе Леване закладывалась основа дипломатических отношений между Кахетией и Россией. В 1563 году Леван отправил послов к Ивану IV и в Кахетию прибыл отряд из России, расквартированный по крепостям, но протесты Ирана и Османской империи вынудили Россию отозвать отряд.

С конца 1580-х по 1605 год состоялось несколько посольств между Россией и Кахетией: в 1589–1590 годах – русское посольство в Кахетию во главе с Симеоном Звенигородским, дьяком Торхом Антоновым и соборным старцем Троице-Сергиевой лавры Закхеем; в 1590–1592 годах – кахетинское посольство князя Сулеймана и Хуршита с многочисленными «поминками»; в 1591–1592 годах – русское посольство Василия Плещеева и подьячего Тимофея Кудрина в Кахетию; до 1605 года – русские посольства в Кахетию и Карталинию³². Также между царем Феодором Иоанновичем и кахетинским царем Александром (1527–1605), сыном царя Левана, около 1586 года была заключена «Крестоцеловальная грамота», в которой русский царь давал обещание «оберегать его от всех недугов его»³³.

Литургический комплект в качестве посольского кахетинского дара мог попасть в Россию во времена царствования Ивана IV и Леона, то есть во время посольств, состоявшихся до 1584 года, или во времена царствования Феодора Иоанновича и Александра (сына Леона), то есть до 1598 года. Именно в этот период между Россией и Кахетией существовали «теплые» дипломатические отношения, которые при царе Михаиле Феодоровиче перешли в разряд «просительных» со стороны Кахетии. В начале XVII века для русского царя предпочтительнее стали добрые личные отношения с шахом Аббасом, от которого русский царь получал весомые подарки. Как правило, временной разрыв между созданием памятника и его дарением невелик.

Литургический комплект «Голгофский крест» является вещественным документом, свидетелем дипломатических отношений средневековой Руси и Кахетии во второй половине XVI века. Предположительно, после появления в России памятники восточной политики средневековой Руси XVI века – воздух и покровцы «Голгофский крест» – хранились в царской казне. Во времена царствования Михаила Феодоровича были вышиты орудия Страстей, церковнославянские надписи вокруг Голгофы, и в 1620 году в качестве царского дара комплект был вложен в Николо-Угрешский монастырь.

³² Там же. С. 84, 223, 238.

³³ Миансаров М. Опыт справочного систематического каталога печатным сочинениям с Кавказом и Закавказьем. СПб., 1874–1876. Т. 1.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

1. Голгофский крест. 1540-е годы, около 1620 года (дополнения). Кахетия. МГОМЗ, инв. № Т-128. Средник воздуха
2. Рукописный повтор чернильной надписи на покровце «Голгофский крест». ГИМ, инв. № РБ-5043
3. Крепость в Греми. XVI век. Кахетия
4. Монастырь Ахали-Шуамта. XVI век. Кахетия
5. Серебряная пластина на обороте иконы «Богоматерь с Младенцем». 1528–1535 годы. Кахетия. Музеи Московского Кремля, инв. № 11969 охр.; Ж-1737/1-2

**Протоиерей Александр
Салтыков,**

настоятель церкви Воскресения
Христово в Кадашах,
Центральный музей древнерус-
ской культуры и искусства
имени Андрея Рублева,
Православный Свято-Тихонов-
ский гуманитарный университет

**АПОСТОЛ ПЕТР
ИЗ КОМПОЗИЦИИ
«ПРИЧАЩЕНИЕ
АПОСТОЛОВ»
В РОСПИСЯХ АХТАЛЫ
(1205–1216)**

Ахтала – монастырь с церковью Пресвятой Богородицы с росписями начала XIII века исключительно высокого мастерства, недавно опубликованными А.М. Лидовым в составе историко-искусствоведческой монографии¹. Прекрасное издание с хорошими цветными иллюстрациями делает памятник доступным для дальнейших исследований, несмотря на то что настенная живопись, к сожалению, во многих местах значительно повреждена. В данной небольшой заметке меня интересуют алтарные росписи с изображением Евхаристии, а именно образ апостола Петра в этой композиции.

В целом, схема расположения алтарных росписей обычна для византийского искусства XI–XIII столетий. Евхаристия занимает среднюю часть между грандиозным образом Богородицы с Младенцем и святительским чином. Невысокая, одноярусная алтарная преграда не мешала зрителю созерцать в этой традиционной схеме: «святители – Евхаристия – Богородица с Младенцем» – полный и величественный образ Церкви. Сразу же обращает на себя внимание, что чин святителей, обозначающих земную структуру Церкви, здесь представлен в особой полноте – с большим количеством епископов, и потому даже расположен в два ряда, что бывает нечасто, обычно в более значимых храмах (цв. ил. I).

Евхаристия есть соединение со Спасителем. Ее изображение имело важнейшее учительное значение как для служащего в алтаре духовенства, так и для молящегося народа. Расположенная выше Богоматерь олицетворяет Царствие Небесное. Путь к нему осуществляется через епископат, который восходит к апостольскому чину, представленному в Евхаристии.

Нижняя часть апсиды заполнена прямолинейными изображениями святителей. Они либо

¹ Лидов А.М. Росписи монастыря Ахтала: История, иконография, мастера. М., 2014.

1

равный общей высоте обоих святительских рядов. Но Евхаристия, расположенная между Богоматерью и святительским чином, представляет собой значительно, раза в полтора, более низкий, как бы промежуточный пояс. Между тем среднее, центральное положение Евхаристия занимает ввиду своего исключительного значения в жизни Православной Церкви. Алтарь был отделен от основной части храма одноярусной преградой, которая позволяла молящимся видеть Евхаристию в алтарной росписи.

К началу XIII века композиция «Причащение апостолов» была хорошо известна в искусстве Православной Церкви. Наиболее древним в монументальном искусстве является, как известно, аналогичное изображение в храме Софии Киевской² (ил. 1). В Ахтале, как подобает в таких случаях, Евхаристия представляла собой две группы апостолов по шесть фигур, возглавляемых апостолами Петром и Павлом. В центре композиции помещен престол с киворием и дважды повторен образ Спасителя, соответственно с двумя ангелами. Спаситель раздает на обе стороны святое причастие под двумя видами, с одной стороны – апостолу Петру, с другой – апостолу Павлу. Апостолы представлены в живых, динамичных движе-

2

представлены с жестом благословения, либо приподнимают руками книгу Священного Писания, словно показывая ее. Священник, стоявший перед престолом, находился почти в центре полукруга алтарной апсиды, как бы принимая святительские благословения. Обращает на себя внимание масштаб разных ярусов изображений. Богородица в конхе апсиды, к сожалению сильно поврежденная, имеет гигантский размер, примерно

равный общей высоте обоих святительских рядов. Но Евхаристия, расположенная между Богоматерью и святительским чином, представляет собой значительно, раза в полтора, более низкий, как бы промежуточный пояс. Между тем среднее, центральное положение Евхаристия занимает ввиду своего исключительного значения в жизни Православной Церкви. Алтарь был отделен от основной части храма одноярусной преградой, которая позволяла молящимся видеть Евхаристию в алтарной росписи.

К началу XIII века композиция «Причащение апостолов» есть, как хорошо известно, образ Тайной вечери, совершенной Иисусом Христом пред Своим страданием. После воскресения Христа из мертвых и после Пятидесятницы священнодействие «преломления хлеба» по образу Тайной вечери и в соответствии со

² Более подробно см.: Салтыков А.А., прот. Изображение апостола Петра в мозаиках Софии Киевской // Искусство христианского мира: Сборник статей. Вып. XIII. (В печати).

словами: «Сие творите в Мое воспоминание», – сразу становится главным в жизни впервые возникшей церковной общины. Сложившаяся к VI веку композиция «Причащение апостолов» становится вкупе и образом самой Тайной вечери, и образом христианской евхаристической общины. Эта композиция связывала совершаемое в храме богослужение с Тайной вечерей Спасителя и Его учеников. Композиция являла сразу и образ служения – прежде всего, в изображениях Христа, и образ благочестия – в изображениях апостолов.

3

Поэтому образы апостолов имели огромное значение – и церковно-историческое, и духовно-воспитательное. Священник, стоявший перед престолом, взирая на изображения, ощущал себя непосредственным продолжателем апостольского служения.

Главными участниками композиции «Причащение апостолов» являются апостолы Петр и Павел. Присутствие апостола Павла показывает, что изображение Евхаристии уже не является воспроизведением Тайной вечери в прямом историческом смысле. Это вневременной образ Церкви в ее основе. В композиции совмещены разновременные и разноплановые моменты, что наполняет эту иконографию сложным богословским содержанием. В древнем искусстве большое значение имел знак. Содержание может определяться тонкими нюансами. Многообразие богословских тем росписей Ахталы отмечено автором монографии³. В сцене «Причащение апостолов» мы встречаемся с некоторыми особенностями художественного истолкования образа, которые несут в себе особый смысл. Они проявились именно в изображениях первоверховных апостолов Петра и Павла, предстоящих непосредственно Христу, общение которых с Ним имеет первостепенное значение. Эти особенности более относятся к апостолу Петру, но такое истолкование стало возможно только благодаря введению в композицию апостола Павла, который изображался уже в VI веке (Россанский кодекс).

Две группы в центральной части по сторонам кивория состоят из изображений Христа, ангела и апостола (ил. 2). Композиция построена так, что Петр и Павел несколько удалены от прочих апостолов, чем, очевидно, подчеркивается их первоверховный приоритет. Обратим внимание и на то, что фигуры Петра и Павла мельче, чем фигуры других апостолов – в первую очередь, идущих за ними Иоанна Богослова (за Петром) и Матфея (за Павлом). Это довольно необыч-

³ *Лидов А.М.* Указ. соч. С. 173–175 и др.

4

и понижаются от кивория в центре к фигурам апостолов. Но в изображениях двух главных апостолов имеются некоторые значимые особенности. Суть композиции – в таинственном и непостижимом акте приобщения. И, внимательно взирая, мы замечаем, что два апостола по-разному принимают таинство. Отсюда видно, что эти различия не только личностного плана.

Попробуем проследить, как в действиях апостолов показаны их отношения со Христом. Прежде всего, апостолы по-разному приближены к Нему. Петр представлен в более свободном пространстве, в некотором отдалении, на равном расстоянии от Христа и от идущего за ним апостола Иоанна Богослова. При этом фигуры обоих первоверховных апостолов сильно склонены, что может выражать чрезвычайность их состояния в приближении к Богу. Но это не все. Апостол Павел ближе к Спасителю, пространство между ними сильнее заполнено одеждами, складки которых развеваются навстречу друг другу в знак сближения (цв. ил. III). Он благоговейно касается рукой Христа, едва-едва дотрагиваясь кончиками указательного и среднего пальцев левой руки до Его поруча, а правой – до держащей потир руки Христа. Чаша еще не касается уст апостола, причастие не совершилось, но изображение ее заходит на нимб Павла, и пальцы левой руки Христа также расположены на нимбе апостола. Сам апостол слегка касается собственного нимба кончиком пальца правой руки (ил. 3). Именно такой жест мы замечаем и на киевской мозаике. Нимб есть символ святости. Все это выражает теснейшее духовное единение Павла со Христом в момент перед святым причастием.

Иначе представлен апостол Петр. Внимательно приглядываясь, мы обнаруживаем, что он вообще никак не соприкасается со Христом: хотя его руки протянуты почти вплотную к руке Спасителя, держащего просфору, они не дотрагиваются до нее (цв. ил. II). Причем на расстоянии это почти не заметно, и кажется, что руки Петра касаются просфоры в руке Христа. Но это не так: между ними остается едва заметное пространство, различимое лишь при приближении. Надо полагать, это сознательный прием. И притом просфора, которую подает апостолу Петру

но и как бы не совсем в духе строгой упорядоченности средневекового искусства Востока. Вместе с тем, первоверховные апостолы представлены в том же масштабе, что и Спаситель. Оба с подчеркнутым благоговением склоняются перед Христом, протягивающим каждому из них Святые Дары. Следующие за Петром и Павлом две группы учеников Спасителя – правая и левая – строго симметричны

Христос, сломана. Может быть, поэтому Петр, протягивая руки к Спасителю, буквально опрокидывается назад, его центр тяжести смещен: плотно сдвинутые прямые ноги выставлены вперед, а голова и согнутое туловище оказываются отнесенными назад. Павел также сильно склонен, его фигура симметрична Петру, но вертикальная ось проходит, как и должно быть, через голову и ступни, создавая все же достаточно устойчи-

5

вое положение, ноги несколько расставлены, а жесткие складки одежда сзади как бы опираются на свод окна. Никакой подобной поддержки нет у Петра, и он буквально падает. Падающая фигура апостола очень необычна. Первоверховный апостол не должен падать, и в связи с этим несколько по-другому, чем обычно, воспринимается образ идущего за ним Иоанна Богослова. Он явно крупнее, чем Петр, и хотя по общему смыслу композиции он спешит, чтобы вслад за Петром принять причастие, но создается ощущение, что он в то же время как бы готов подхватить своими мощными руками падающего Петра (ил. 4).

Есть и еще одна примечательная особенность: согласно евангельскому тексту и всей церковной традиции, причастие под двумя видами в алтаре совершается поочередно: сначала причастие под видом хлеба и затем под видом вина. Поэтому первым причащается апостол Петр, поставленный, соответственно, с правой стороны от Христа, и уже затем – апостол Павел. Мы должны, разумеется, учитывать вневременной характер композиции Евхаристии с удвоенным изображением Спасителя, однако евангельские слова Христа строго каноничны и введены в литургический текст. И в любом случае следует предполагать, очевидно, что если причастие под видом вина совершается после причастия под видом хлеба, то более близким ко Христу должен быть показан тот апостол, который приобщается под видом хлеба. Именно поэтому апостол Петр обычно занимает первое место по правую руку Христа. Остается понять, почему апостол Петр в росписях Ахталы как бы отстранен от Спасителя, в то время как апостол Павел приближен к Нему.

Чем объяснить эти особенности, которые обнаруживаются при внимательном рассмотрении изображений? Обращаясь к более ранним памятникам, мы видим, что в ахталской композиции воспроизводится и развивается то понимание значения апостола Петра, которое сложилось ранее. Так, в мозаиках собора Софии Киевской (конец 1030-х –1040-е годы) в аналогичной композиции апостол Петр также отделен от Христа, который протягивает ему просфору, но он еще не берет ее, как и в Ахтале. Вместе с тем Павел в Софии Киевской сопри-

6

касается с чашей и рукой Спасителя, совершенно аналогично изображению в Ахтале. Эти две композиции роднит еще и рисунок кивория, в обоих случаях на трех столбиках. Еще более необычна композиция в храме Софии в Охриде, середины XI века (ил. 5). Здесь первоверховные апостолы поменялись местами, и Христос явно обращен не к Петру, а к Павлу. Образ апостола Петра поражает выразительностью смешанных чувств, ощущением отвержения. Так показано в охридской композиции.

Остается предположить, не является ли такая интерпретация образа апостола Петра в иконографии одной из основных алтарных композиций реакцией Православной Церкви на отношения с латинским Западом? Противоречия между двумя половинами христианского мира нарастали и закончились в середине XI века, как известно, полным разрывом. А.М. Лидов сообщает, что слова «пийте от нея вси» повторяются в композиции два раза⁴. Это вполне необычно и, по справедливому мнению А.М. Лидова, означает выражение несогласия с католической концепцией причастия мирян только Святым Телом. Таким образом, и наши наблюдения получают свое подтверждение.

В связи с этим в ахтальской алтарной росписи представляет интерес также изображение в святительском чине святого Сильвестра, папы Римского, помещенное по центру симметрично образу апостола Иакова, брата Господня и епископа Иерусалимского (ил. 6). Это явно указывает на стремление авторов росписи подчеркнуть высокое положение папы Сильвестра в символической иерархии небесной Церкви. Как мы знаем, существовало предание о том, что этот Римский папа якобы получил от императора Константина Великого преимущественную власть в Церкви, и на этом основывались претензии Римского престола на приоритетное положение. В Восточной Церкви также не сомневались в подлинности «Константинова дара», но уже Константинопольский (381) и Халкидонский (451) Вселенские соборы отчасти уравнивали патриарха Константинопольского с Римским епископом в отношении преимуществ, а с VIII–IX веков считалось окончательно выясненным преемство Константинопольской кафедры от апостола Андрея. Полагали, что прерогативы, дарованные императором Константином Римскому папе, принадлежат и Константинопольскому патриарху и вообще всем патриархам, имеющим апостольское преемство.

⁴ Там же. С. 85.

Наконец, можно допустить, что в рассматриваемой иконографии в описанной трактовке образа апостола Петра нашло отражение евангельское повествование о его отречении. Петр отрекся от своего Учителя во дворе первосвященника до крестной смерти Спасителя, после воскресения Христа он уверовал, придя ко гробу вместе с «любимым учеником» – Иоанном Богословом, затем Христос явился Петру отдельно, и потом тот был восстановлен в апостольском чине троекратным вопрошанием Христа: «любиши ли Мя». При этой беседе вновь находился и «любимый ученик» – Иоанн Богослов. Вообще, «любимый ученик» постоянно оказывается в паре с апостолом Петром. Так, на самой Тайной вечере Петр через него спрашивает Христа, кто предатель.

Как и почему образ апостола Петра попадает в алтарную композицию причащения апостолов именно с указанием на его падшесть? В целом ответ на этот вопрос понятен: грех его прощен, и так же прощается любой грех при покаянии. Но ведь и грех Павла, который был гонителем, не меньший, и он тоже прощен, и Павел введен в чин апостолов. Однако последний в названных композициях ближе ко Христу, чем Петр, и к тому же в момент гонений он еще не знал Христа. Следует, очевидно, полагать, что безусловный, в целом, верховный авторитет Петра оспаривается в православных странах в связи с претензиями папского престола.

Первая половина XIII века характеризуется бурными событиями. В 1204 году крестоносцы захватывают Константинополь и создают Латинскую империю. Отношения между Православной Церковью и Римом обостряются.

Итак, ахтальская композиция «Причащение апостолов» является ярким свидетельством полемики, которая велась между Православной и Католической Церквями начиная с середины XI века и продолжалась в XIII столетии.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

1. Богоматерь Оранта и Евхаристия. Мозаики алтаря собора София Киевская. Конец 1030-х – 1040-е годы
2. Иисус Христос, причащающий апостолов. Роспись алтаря церкви Пресвятой Богородицы. 1205–1216 годы. Ахтала, Армения. Деталь
3. Апостолы Петр и Иоанн Богослов, получающие причастие. Роспись алтаря церкви Пресвятой Богородицы. 1205–1216 годы. Ахтала, Армения. Деталь
4. Причащение апостола Павла. Роспись алтаря церкви Пресвятой Богородицы. 1205–1216 годы. Ахтала, Армения. Деталь
5. Евхаристия. Роспись алтаря церкви Софии в Охриде. Середина XI века
6. Святители. Роспись алтаря церкви Пресвятой Богородицы. 1205–1216 годы. Ахтала, Армения

Е.А. Виноградова,
Православный
Свято-Тихоновский
гуманитарный университет
А.Ю. Виноградов,
Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

О ДАТЕ ФРЕСОК МОКВСКОГО СОБОРА¹

Росписи собора в Мокви, построенного в 957–967 годах², к сожалению, сильно пострадали от времени и еще больше от «реставрации» начала 1860-х годов и существуют ныне в виде небольших фрагментов. Не сохранилось ни одной полноценной композиции, ни одного целого лика. Раскрытые под руководством В. Цинцадзе и М. Уридии при реставрации 1986–1987 годов, то есть уже после издания в 1980 году основополагающей монографии Л.А. Шервашидзе «Средневековая монументальная живопись в Абхазии» (Тбилиси, 1980), эти росписи до сих пор не привлекали внимания исследователей и не были опубликованы. Между тем даже имеющиеся незначительные их остатки демонстрируют высокое художественное качество и позволяют сделать некоторые выводы о системе декорации храма и времени ее создания.

Сохранившиеся фрагменты определенно принадлежат двум слоям росписи: поздневизантийскому и поствизантийскому. В некоторых случаях видно, как один слой перекрывает другой (цв. ил. XXV).

К раннему слою XIV века (о дате см. ниже) относятся фрагменты фигур святителей с Евангелиями в руках на лопатках двойной вимы храма и между ними (ил. 1). В центральной апсиде слева и справа остались части четырех фигур святителей: фрагменты одежды, Евангелий, лиц и орнаменты. Один из святителей, изображение которого сохранилось лучше других, носит раздвоенную бороду с округлыми концами (цв. ил. I): так в византийском искусстве изобра-

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Восток и Запад Европы в Средние века и раннее Новое время: общее историко-культурное пространство, региональное своеобразие и динамика взаимодействия», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 году. Авторы благодарят за дружескую помощь Т. Джоджуа.

² Об архитектуре собора см.: *Рчеулишвили Л.Д.* Купольная архитектура VIII–X веков в Абхазии. Тбилиси, 1988. С. 46–66.

жается святитель Аверкий Иерапольский или, что менее вероятно, Иувеналий Иерусалимский (ср. росписи церкви в Старо-Нагоричино, 1318 год) (цв. ил. II).

В южной части апсиды и прилегающей к ней вимы видны также остатки каких-то композиций: в апсиде фрагмент, похожий на ткань престола из сцен Евхаристии; на стене вимы – фрагменты кивория на двух тонких колонках и не то крыльев (вероятно, ангела, слетавшего сверху к нему), не то складок одеяния некой фигуры, а также детали горки или архитектурной формы ниже слева (цв. ил. IV). Очевидно, эти остатки не относятся к композиции Причащения апостолов, так как она должна была бы располагаться левее в апсиде, а не в слишком узкой для нее виме Моквского храма. Возможно, здесь находилась одна из сцен Богородичного цикла: «Введение во храм» с сюжетом «Питание Богородицы во святая святых», «Обручение Иосифу» или иная сцена цикла, что неудивительно, так как в XIV веке храм уже точно был посвящен Богородице³. Как отдельные сцены – «Введение во храм Богородицы» и «Сретение», так и целые циклы «Жития Богородицы» встречаются в виме центральной апсиды византийских храмов в палеологовскую эпоху (так, например, в церкви Николы на Липне под Новгородом 1292 года «Введение» и «Сретение» представлены в виме⁴; в Грачанице 1316–1321 годов целый Богородичный цикл занимает верх южной и северной стен вимы⁵). Вряд ли здесь была расположена «Скиния Завета», как в другом абхазском фресковом ансамбле XIV века – лыхненском, ведь иконография «Скинии» в этот период другая: обычно она изображается в виде палатки с тремя шатрами, внутри которой может быть киворий⁶, однако в Мокви киворий помещен на голубом фоне, без признаков палатки вокруг.

Еще три фрагмента расположены на восточной стороне северо-восточного столпа, слева от алтарной преграды (ил. 2; цв. ил. V)⁷. Здесь были некогда представлены фигуры в три яруса: от верхней сохранились украшенное подножие и ножка в красном башмачке под голубым подолом платья, вероятнее всего здесь была написана Богородица (это не архангел Гавриил из сцены «Благовещения», так как никак не изображено движение). В среднем регистре виден фрагмент головы старца с высокими залысинами, склонившего голову, по-видимому, над Евангелием – очевидно, здесь был представлен Иоанн Богослов (см. также ниже). Находящийся ниже маленький фрагмент цветных одежд свидетельствует о существовании здесь некогда фигуры какого-то святого, скорее всего мученика (цв. ил. IX). Еще один фрагмент – полголовы неизвестной мученицы – мы обнаруживаем на северной грани юго-восточного столпа (цв. ил. XI). Часть

³ Кондаков Н.П., Баградзе А. Опись памятников древности в некоторых храмах и монастырях Грузии. СПб., 1890. С. 78–79.

⁴ Царевская Т.Ю. Новые данные о составе росписей церкви Николы на Липне // Древнерусское искусство: Русь, Византия, Балканы. XIII век. СПб., 1997. С. 413–430.

⁵ Живковић Б. Грачаница: Цртежи фресака. Београд, 1989. VII (Алтарски простор); Тошић Б. Грачаница: Сликарство. Београд, 1988.

⁶ Шервашидзе Л.А. Средневековая монументальная живопись в Абхазии. Тбилиси, 1980. С. 78. Рис. 17. Табл. XXI, 2.

⁷ Общий вид восточной части храма см.: Милованова Н.А. Абхазия христианская. Сухум, 2014. С. 263.

1

на территории Грузии и современной Абхазии, причем ближе всего к моквской – и не только территориально – оказывается роспись храма в Лыхны. Именно эта роспись позволяет уверенно реконструировать по остаткам живописи северо-восточного столпа Мокви три регистра, с Богородицей Параклисис вверху (ей соответствует Христос Антифонит на правом, южном столпе в Лыхны), Иоанном Богословом с Евангелием в среднем регистре и мучеником – в нижнем (цв. ил. V, VI)⁸. Святители, расположенные в несколько регистров в виме, также находят аналогию в Лыхны.

Качество живописи высокое, что указывает на руку византийского художника. Живопись первого слоя Мокви выполнена в сложной многослойной технике, по темно-синему фону. Святители держат Евангелия в руках в свободной непринужденной манере (не прямо, а по диагонали), для фигур характерны ракурсы (Иоанн Богослов, фрагмент фигуры на столпе – Христос?), чем они очень напоминают фигуры святых из лыхненского храма. Единственный сохранный лик святителя также родственен обликам святителей из церкви в Лыхны, например святителя Евтихия Константинопольского (цв. ил. I, III), с их классически правильно выстроенными типами лиц и при этом строгим императивным выражением суженных, глядящих из-под нависающих седых бровей глаз. Головы Иоанна Бо-

одежд: бордового хитона с золотым орнаментированным клавом и голубого гиматия, видимых на одном из столпов (цв. ил. X), – принадлежала некогда фигуре в трехчетвертном развороте, абрис которой до сих пор неплохо прочитывается (может быть, это был образ Христа). Сохранилось также небольшое количество фрагментов орнаментов разных типов, чаще всего оконтуривавших лопатки вимы и столпов (цв. ил. XIII–XVI). Отдельные мелкие фрагменты фигур, например в коричневом одеянии – вероятно, преподобного, и остатки старой штукатурки можно найти в разных местах храма.

Система декорации соответствует поздневизантийской, представленной несколькими памятниками также

⁸ Шервашидзе А.А. Указ. соч. С. 124. Рис. 25; Constantinides E. Wall Paintings of the Church of the Dormition at Lykhne. History, Style and Symbolic Images // Древнерусское искусство: Художественная жизнь Пскова и искусство поздневизантийской эпохи. М., 2008. С. 443. Ил. 14.

гослова и мученицы объемно вылеплены, имеют оливковые притенения и густо наложенные сверху мягкие пастозные белильные высветления. Можно сравнить лик Иоанна Богослова (ил. 2; цв. ил. V) с аналогичным ликом в Лыхны⁹ (цв. ил. VI) и в монастыре Пантократор на Афоне (1360–1370-е годы)¹⁰ (цв. ил. VIII). Чрезвычайно близок ему также образ Иоанна Богослова на темплоне из церкви Малых святых врачей в Верии (около 1380 года; Музей Верии, Греция)¹¹ (цв. ил. VII). По своему живописному характеру лик мученицы чем-то сродни лику Богородицы на погановской иконе (1370–1395 годы)¹² (цв. ил. XI, XII), в меньшей степени – фрескам церкви Спаса на Ковалева под Новгородом (последняя четверть XIV века)¹³.

Значительная часть сохранившихся орнаментов написана по желтому фону (цв. ил. XIII–XVI). Тонкие побеги с крупными стилизованными цветами или эффектно изогнутыми листьями вьются по желтому фону, в подражание мозаике. Такой тип популярен в XIV веке и, в частности, находит аналогии в Грузии, в росписях начала XIV века в Мартвили¹⁴, в росписях второй половины XIV века в Гелати¹⁵, Цаленджихе¹⁶ и Дирби¹⁷ (цв. ил. XVII). Орнамент в Дирби – почти точная аналогия моквского. Есть и более простой, широко распространенный тип: белые побеги аканфа на синем фоне. Третий тип – тонкие синие побеги на белом или золотые на синем. Используется также простой геометрический орнамент из треугольников с геометризованным трилистником внутри (прямая аналогия ему есть в диаконнике лыхненского храма)¹⁸ (цв. ил. XVIII, XIX).

Все сказанное позволяет датировать первый слой росписи Моквского собора второй половиной XIV века. Не случайно ближайшей аналогией оказывается ансамбль в Лыхны, не имеющий твердой даты, но традиционно датируемый в литературе серединой – третьей четвертью XIV века¹⁹. При этом логично пред-

⁹ Там же. С. 448. Ил. 24.

¹⁰ *Tsiaridis E.N.* Τοιχογραφίες της περιόδου των Παλαιολόγων σε ναούς της Μακεδονίας. Θεσσαλονίκη, 2008. Σ. 80. Πιν. 40.

¹¹ *Παπαζώτος Θ.* Βυζαντινές εικόνες της Βεροίας. Νέα Σύμωνη, 1997. Σ. 52. Πιν. 37–38.

¹² *Vasilaki M.* Mother of God. Milan, 2000. P. 490.

¹³ *Ауфшниц Л.П.* Монументальная живопись Новгорода XIV–XV веков. М., 1987. С. 196–197.

¹⁴ В храме Мартвили этот орнамент имеет еще совершенно классические формы – вид аканфа, вьющегося по желтому фону. Эта роспись находится в алтарной апсиде по сторонам от центрального окна, над образом Христа «Недреманное Око» (не издана). III. Амирашавили, а вслед за ним Т. Вельманс отнесли роспись апсиды Мартвили к началу XIV века (*Амирашавили III.* История грузинского искусства. М., 1950. С. 244–245; *Velmans T.* La peinture murale byzantine d'inspiration constantinopolitaine du milieu de XIe siècle (1330–1370) // *Dečani et l'art byzantin au milieu du XIe siècle.* Beograd, 1989. P. 83).

¹⁵ В южном приделе Гелатского собора в слое времени Баграта V (1366/67–1387), на южной стене. К сожалению, роспись этой стены не издана. Мелкие побеги на желтом фоне есть также в слое XIV века в нартексе Гелати, по сторонам от двух фигур мучеников-воинов (см.: *Gelati: Architecture. Murals. Treasures.* Dedicated to the 900th anniversary of Gelati monastery. Tbilisi, 2007. P. 66. Pl. 50).

¹⁶ *Lordkipanidze I., Jandjalia M.* Tsalenjikha. Wall Paintings in the Savior's Church. Tbilisi, 2011. P. 23, 30–31, 57, 120, 122 (орнаменты мелкотравчатые на желтом фоне).

¹⁷ *Gagoshidze G., Chikhladze N.* The monastery of Dormition at Dirbi. Tbilisi, 2006. Pl. 24, 26, 66, 68. Авторы монографии датируют фрески Дирби 1340–1370 годами.

¹⁸ *Шервашидзе Л.А.* Указ. соч. С. 148. Рис. 29 (крайний правый); в цвете см.: *Милованова Н.А.* Указ. соч. С. 107.

¹⁹ Л.А. Шервашидзе, а следом за ним и Е. Константиниди датировали этот ансамбль серединой XIV века (*Шервашидзе Л.А.* Указ. соч. С. 140–141; *Constantinides E.* Op. cit. С. 453), а Д. Мурки – второй половиной того же столетия (*Mouriki D.* Reflections of Constantinopolitan Style in Georgian Monumental Painting // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik.* Wien, 1981. Bd. 31. S. 749). Т. Вельманс предложила дату между 1340 и 1370 годами (*Velmans T.* Op. cit. P. 91–93, 95).

положить, что сначала были созданы фрески Мокви, которые и послужили образцом для лыхненских мастеров: у епископского собора в Мокви статус был выше, чем у дворцовой церкви в Лыхны. Следует отметить, что создание росписи столь большого собора, как Мокви, было монументальным предприятием, и, в частности, при этом были перестроены западные хоры: три пролета под ними в центральном нефе заменены на один (на нем есть следы фресок XIV века), а к западной стене наоса пристроена лестница на хоры²⁰.

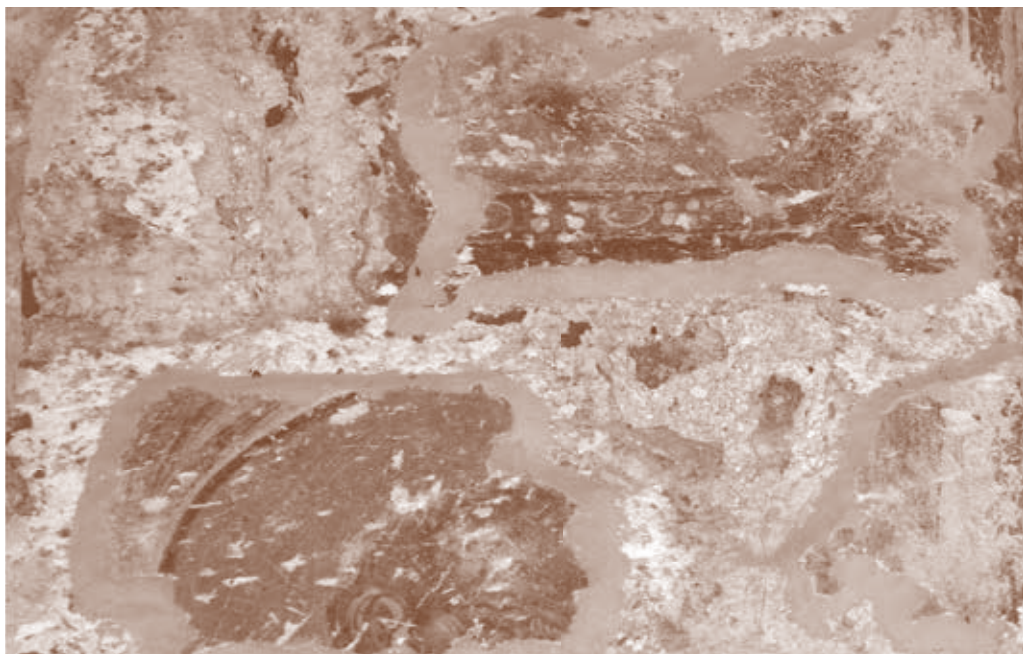
Второй слой росписи значительно отличается от первого и по качеству – куда менее высокому, и по колориту, и по приемам письма. К нему относится фрагмент композиции «Вознесение» в своде протесиса (с греческой надписью ΑΝΑΛΨΗΣ), на котором видны ангелы, поддерживающие мандорлу (цв. ил. XX). Формы здесь обобщенные и вялые, крылья и одежды ангелов покрыты мелкой сетью тонких небрежных пробелов, производящих (особенно на одеждах) впечатление сумбура и неаккуратности. Именно эти приемы свидетельствуют о более поздней дате создания композиции.

К тому же слою относится «Сретение», расположенное на южной стене храма в люнете, справа от трех окон (цв. ил. XXI). В центре этой сцены помещен престол на зеленой, грубоватых форм ножке, покрытый желтой тканью. Прочитываются фигуры праведного Иосифа и Богородицы слева от него, а справа – Симеона Богоприимца. Хорошо видна рука Богородицы и вложенная в нее маленькая ручка Младенца Христа, уже переданного или вручаемого святому Симеону, склонившемуся над престолом. Такой извод иконографии «Сретения», где Младенец изображен уже на руках Симеона, родившись в Византии, стал популярен в поствизантийском искусстве²¹, хотя уникален жест Богородицы, держащей Его за руку. Симеон облачен в голубой хитон и зеленоватый, с голубыми высветлениями, гиматий. Фрагмент охристой ткани справа следует, по-видимому, отнести к фигуре пророчицы Анны, как и белый свиток выше; фигура ее, видимо, была высокой и худой. Фрагмент фигуры виден также на склоне примыкающего свода. Колорит этих фресок пестрый и яркий, личное (насколько о нем можно судить по рукам Богородицы и Младенца) написано по темно-коричневому санкирию с контрастными розовыми высветлениями. Под сценой «Сретения» сохранился остаток фриза с псевдокуфическим орнаментом измельченных форм.

Еще один фрагмент композиции, лучшей сохранности, скорее всего «Воскрешение Лазаря», находится на стене в западной части храма (цв. ил. XXII). Видна группа из пяти апостолов, а перед ними голова Христа, обращенного вправо, где

²⁰ Л.Д. Рчеулишвили (Указ. соч. С. 61) ошибочно относил эти перестройки к ремонту 1860-х годов, так как на тот момент фрески на новой арке были еще не открыты.

²¹ Wessel K. Darstellung Christi im Tempel // Reallexikon zur byzantinischen Kunst. Stuttgart, 1964. Bd. 1. Sp. 1141. В византийских сценах Сретения, где представлена передача Младенца Христа от Богородицы к Симеону, приводимых К. Весселем (в Новой церкви Токалы в Каппадокии, середины X века, на синайском эпистиллини конца XII века), такой жест не встречается.

2

сохранился фрагмент верхней части постройки – гробницы Лазаря. Фигуры представлены на фоне горного пейзажа. Рисунок выполнен коричневой краской, карнация – холодного коричневато-розового тона, с белильными высветлениями. Грубоватость исполнения, особенности образа Христа – лирическая мягченность его типа – свидетельствуют в пользу поздней датировки этой композиции.

Фрагмент ореола славы с двумя читаемыми греческими буквами «ΦΑ» (цв. ил. XXIII) – вероятно, сцена Вознесения или Преображения – находится в одном из сводов храма и, по-видимому, относится к этому же слою живописи. К нему принадлежит и лик неизвестного святого-средовека в конхе диаконника (цв. ил. XXIV). Здесь была представлена полуфигура святого с недлинными волосами и короткой бородой, в одеянии с желтым оплечьем; лик его сосредоточенный и строгий. Нежно-розовая карнация с коричневато-оливковыми притенениями, прозрачность письма недвусмысленно свидетельствуют о поздней дате создания. Узкая вима диаконника сохранила также орнаментацию, очевидно того же времени, в виде разноцветных звезд (по форме напоминающих звезду Давида) – красных, желтых, синих и зеленых, плотными рядами заполняющих пространство.

Ко второму слою относится также изображение на хорах – женская голова в белом головном уборе, вероятно ктитора храма (цв. ил. XXV). Фреска второго слоя лежит поверх первого, от которого прочитывается хорошо сохранившаяся

ся красная разгранка. Есть и другие мелкие фрагменты живописи второго слоя, раскиданные по всему храму.

Итак, для второго слоя характерна яркость красочной палитры, грубоватость исполнения, коричневато-розовые тона личного. При этом следует отметить явную ориентацию художников этого слоя на византийскую живопись как на образец и очевидное подражание и в типологии образов (ср. апостолов или лик из диаконника), и в орнаментальных мотивах (псевдокуфический орнамент, звезды Давида; ср. псевдокуфический орнамент в наосе Гелати в слое XVI века)²² византийским образцам XIV века. Надписи этого слоя тоже греческие. Таким образом, можно предположить, что над вторым слоем живописи трудились греческие художники, работавшие на территории современной Абхазии.

Действительно, известна такая артель греческих живописцев, украсивших росписями усыпальницу абхазского Католикоса-Патриарха Евдемона I (Чхетидзе) (1557–1578) в Пицундском соборе (цв. ил. XXVI)²³. Прозрачный теплый и разнообразный колорит («Восшествие на крест», «Оплакивание», «Сошествие во ад»), неряшливость рисунка складок (терзающая себя жена в «Оплакивании»), типы лиц близки к живописи второго слоя в Мокви. Лик Христа из конхи апсиды этого небольшого мавзолея обнаруживает явное сходство с ликом святого из диаконника Мокви (цв. ил. XXIV, XXVII), только первый сохранился хорошо, тогда как моквский наполовину стерся. Можно сравнить и Христа из Пицунды с головой Христа из «Воскрешения Лазаря» в Мокви, а также с другими росписями XVI века в Грузии, в частности с живописью наоса собора и церкви святого Георгия в Гелати (цв. ил. XXVIII); оба ансамбля, кстати, создавались по инициативе того же Католикоса Евдемона (Чхетидзе) несколькими артелями живописцев²⁴.

Греческие мастера, украшавшие мавзолей в Пицундском соборе, демонстрируют усредненный, ремесленный уровень мастерства, что заметно и в изучаемых фресках второго слоя. Итак, можно условно датировать второй слой временем около 1578 года (дата смерти Католикоса) и предположить, что росписи Моквского собора были частично поновлены афонскими мастерами, вероятно, по заказу абхазского Католикоса. Фрагментарная сохранность обоих слоев росписи Моквского собора – как мы видели, хорошо датируемых стилистически – не оставила нам надписей ни с именами мастеров, ни с точными датами исполнения живописи. Тем ценнее оказывается для нас свидетельство будущего Патриарха Иерусалимского Досифея, который видел в 1559 году здесь следующую надпись: «Расписан при Алексее императоре Комнине и Давиде, великом царе

²² Метисашвили Р.С., Вирсаладзе Т.Б. Гелати: Архитектура, мозаика, фрески. Тбилиси, 1982. С. 46.

²³ Шервашидзе А.А. Указ. соч. С. 172–190. Табл. XXXVIII–XLVI, 2; Милованова Н.А. Указ. соч. С. 62–65.

²⁴ Метисашвили Р.С., Вирсаладзе Т.Б. Указ. соч. С. 24.

Абхазии»²⁵. Начиная с И.В. Помяловского²⁶ принято считать, что здесь имеются в виду византийский император Алексей I Комнин и грузинский царь Давид IV Строитель: общий период их правлений – 1089–1118 годы.

Однако, как отмечено выше, в Моквском храме нет остатков живописи этого периода. Более того, под слоем фресок XIV века не наблюдается никакой другой штукатурки. Поэтому следует предложить другую интерпретацию упомянутых в надписи имен. Оказывается, что единственный альтернативный вариант параллельно правивших императора Алексея Комнина и абхазского царя Давида – это трапезундский император Алексей III Великий Комнин (1349–1390) и грузинский царь Давид IX (1346–1366/67)²⁷. Они были тесно связаны друг с другом: сами состояли в близком родстве, причем, возможно, сразу по двум линиям²⁸, а их дети позднее поженились.

Более того, в надписи на вкладной иконе из афонского монастыря Дионисиат, 1359–1360 годов, то есть современной моквской росписи, Алексей III назван «самодержцем всего Востока, ивиров и Заморья»²⁹ – значит, формально он выражал притязания и на территорию Абхазии. То, что он мог называться в надписях «Комнином», подтверждает стихотворная надпись из Трапезунда³⁰, где упомянут «верный Востока и Заморья владетель Комнин Алексей во Христе великий». В пользу поздневизантийской даты надписи говорит и форма Ἀπχαζίας (вместо традиционной Ἀβασγίας), отражающая грузинское «Апхазети». Годы параллельного правления Алексея III и Давида IX – 1349–1366/67, а между тем в 1360-х годах епископом в Мокви был видный культурный деятель Лука (Одзрхели)³¹, который и мог пригласить в Абхазию греческих мастеров. Таким образом, моквские фрески были выполнены в 1349–1366/67 годах, а вероятнее даже, в первой половине 1360-х годов. Важно, что эта дата никак не противоречит стилистической датировке первого слоя фресок Мокви. 1360-е годы кажутся нам подходящим десятилетием для создания живописи не только в Мокви, но и в Лыхны.

Стилистически абхазские ансамбли оказываются родственны магистральному

²⁵ «Ἱστορήθη ἐπὶ Ἀλεξίου Βασιλέως τοῦ Κομνηνοῦ καὶ Δαυίδ μεγάλου Βασιλέως Ἀπχαζίας» (Ἱστορία περὶ τῶν ἐν Ἱεροσολύμοις πατριαρχευσάντων συγγραφείσα μὲν παρὰ... Πατριάρχου τῶν Ἱεροσολύμων... Δοσιθέου. Ἐν Βουκουρεστίῳ, 1715. Σ. 1201).

²⁶ Помяловский И.В. Сборник греческих и латинских надписей Кавказа. СПб., 1881. С. 42. № 66.

²⁷ О дате его смерти см.: *Jóna T. The 12th–13th Century Evangelary of Uğvali (H-171) “Redeemed from the Persians” in 1380 in Jerusalem by Anton Onopriani, Protopresbyter of Etsery, and its Colophon Mentioning Kings of Georgia Bagrat V (1366/67–1387) and Giorgi VII (1387–1407) // The proceedings of the Institute of history and ethnology. Tbilisi, 2012–2013. Vol. 12–13. P. 149–150 (на груз. языке, с англ. резюме).*

²⁸ С одной стороны, бабка Давида IX по отцу Натела, третья жена Деметре II, была дочерью Бека Джакели и родной сестрой бабки Алексея III по отцу – Джиджак, супруги Алексея II; с другой стороны, мать Давида IX была, возможно, дочерью Михаила Великого Комнина и, соответственно, кузиной Алексея III (см.: URL: <http://fmg.ac/Projects/MedLands/GEORGIA.htm#GiorgiVdied1346B>). Таким образом, Давид IX, видимо, приходился Алексею III одновременно и троюродным братом, и двоюродным племянником.

²⁹ Millet G., Pargoire J., Petit L. Recueil des inscriptions chrétiennes de l’Athos. Paris, 1904. № 489a.

³⁰ Grégoire H. Les veilleurs de nuit à Trébizonde (XIVe siècle) // Byzantinische Zeitschrift. Leipzig, 1909. Bd. 18. S. 494.

³¹ О нем см.: *Анодима Т. Епископ Моквский Лука Одзрхели (1360-е гг.) // The proceedings of the Institute of history and ethnology. Tbilisi, 2003. Vol. 6. P. 33–52 (на груз. языке).*

руслу развития византийского искусства этого времени. Выдающиеся памятники 1360–1370-х годов, такие как фрески церкви Богородицы Перивлепты в Мистре³², росписи монастыря Пантократор на Афоне³³, Иванова в Болгарии³⁴, очень различаются в стилистическом и образном отношении, но все они так или иначе откликаются на получившие уже государственную поддержку идеи исихазма. Эти ансамбли являют собой новую ступень развития поздневизантийского искусства. Мы сознательно не берем в расчет многочисленные провинциальные ансамбли балканских стран, Трапезунда и Грузии этого времени, поскольку живописное мастерство моквского автора и по крайней мере главного из лыхненских художников, на наш взгляд, позволяет связывать эти памятники с константинопольской школой.

Особенностью росписей храмов Мокви и Лыхны является сильное классическое начало, продолжение традиций палеологовского ренессанса. При соблюдении классических пропорций и активном выявлении пластической формы, подвижности фигур, при их сложных ракурсах (свойственных и первой половине века) для искусства второй половины столетия характерна более свободная и пастозная живописная техника, в Лыхны иногда даже неаккуратная, с беспорядочными мазками, ее можно сравнить с письмом в монастыре Пантократор на Афоне – утрированно свободным, с эффектом незаконченности. Многочисленные пробела, мягко и живописно моделирующие форму и при этом придающие обликам святых сильное свечение, – это признаки уже второй половины века. И эти приемы мы находим в первом слое моквской росписи.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

1. Фрагмент фигуры святителя. Роспись вимы собора Пресвятой Богородицы. Вторая половина XIV века. Мокви, Абхазия
2. Фрагменты фигуры Богородицы на подножии и головы евангелиста Иоанна Богослова. Роспись восточной грани северо-восточного столпа собора Пресвятой Богородицы. Вторая половина XIV века. Мокви, Абхазия

³² *Acheimastou-Potamianou M. Mystras*. Athens, 2003. P. 63–77.

³³ *Τσιγαρίδας Ε.Ν. Τοιχογραφίες...* Σ. 65–80. Πιν. 25–40.

³⁴ *Свердлова С.В. Стилистические особенности росписей церкви в Иваново третьей четверти XIV века // Искусство христианского мира. М., 2004. № 8. С. 17–25.*

Д.В. Белецкий,
Москва
С.В. Свердлова,
Государственная
Третьяковская галерея

ФРЕСКИ ТИРСКОГО МОНАСТЫРЯ. ГРУЗИНСКАЯ РОСПИСЬ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIV ВЕКА¹

Многие памятники, расположенные в бассейне реки Лиахви, лежат у истоков грузинской культуры. Постройки Тирского монастыря (в литературе фигурирует также как Монастери) нельзя отнести к произведениям первого плана, однако этот комплекс является заметным примером местного искусства золотоордынского времени, когда в Картли практически прекратилось какое-либо строительство.

Небольшой монастырский ансамбль находится рядом с селением Тири, в нескольких километрах от дороги, ведущей вдоль реки Лиахви, практически в районе выхода последней из гор в долину Куры около города Цхинвали. Постройки обители расположены на искусственно выровненной платформе и включают в себя главный монастырский храм, колокольню и полуразрушенную трапезную (ил. 1).

Исторических сведений, касающихся основания монастыря, нам не известно. Считается, что он возник в конце XIII века, когда был сооружен главный храм. К последнему с южной стороны была пристроена маленькая церковь-усыпальница, о принадлежности которой свидетельствует вырезанная на камне надпись, датируемая по палеографии первой половиной XV века: «Да помилует Господь Махатлишвили Бевроза, верного главного казначея Хелу». Упомянутого здесь Хелу соотносят с известным в истории Грузии Хелой Тавхелидзе, служившим главным казначеем (моларет-ухуцесом) царей Константина I (1407–1411) и Александра I (1412–1442). Известно также о земельных пожертвованиях Хелы Тирскому монастырю. Фамилия Тавхелидзе встречается также в надписи на архитравном камне колокольни, стоя-

¹ Авторы сердечно благодарят Т. Джоджуа, Н. Николозшвили и З. Схиртадзе за помощь при подготовке этой статьи.

1

обычным для таких сооружений коробовым сводом. Здание церкви – несколько скожанных и не всегда логичных форм, что, вероятно, является свидетельством общего упадка в грузинском строительстве во время татарского владычества. Так, внутри храма от основного помещения отделено западное пространство (нартекс) – очень узкое, но при том довольно высокое помещение не вполне удачных пропорций. Алтарная часть храма, как обычно в грузинском зодчестве, не выраженная снаружи, изнутри уплощена, хотя скруглена по углам, и при этом сверху она переходит в обычный полусферический свод. Явным упущением строителей, особенно при условии существования настенной живописи, стало то, что восточная плоская поверхность стены алтаря немного отклоняется кверху, из-за чего на ней оседает пыль. Наос храма разделен двумя подпирующими арками на три разновеликие «травеи», предалтарная ячейка по какой-то причине значитель-

щей около храма. По палеографии надпись относится к более раннему времени – к последней четверти XIV столетия. Вероятно, с ктиторством этого аристократического рода связано и возведение не сохранившегося ныне южного притвора главного храма, из которого вел проход и в упомянутую усыпальницу². Таким образом, нам известно, что не позднее последних десятилетий XIV века Тирский монастырь стал объектом повышенного внимания аристократической фамилии Тавхелидзе. В позднее время здесь продолжали хоронить Мчабели, потомков Тавхелидзе, одна из резиденций которых находилась в соседнем селении Ачабети³.

Главный храм Тири посвящен Богородице (ил. 2, 3). Как уже было отмечено, его строительство связывают с основанием обители и относят к концу XIII века. Это крупная зальная церковь, наос которой перекрыт

² Мелисавили Р., Цицладзе В. Архитектура нагорной части исторической провинции Грузии – Шидкартли. Тбилиси, 1975. С. 128–131.

³ Благодарим за консультацию Т. Джоджуа. Хотя существует несколько версий происхождения фамилии Мчабели, наиболее вероятно, что она выделяется из рода Тавхелидзе с XV века. В дальнейшем Мчабели фигурируют в письменных источниках как владетельные князья этой области. Добавим также, что в конце XVII века селение Тири являлось вотчиной грузинского царя Вахтанга VI и в монастыре был похоронен один из его сыновей (Там же. С. 130–131).

но уже двух других. Главное достоинство Тирского храма – богатый и разнообразный резной декор. В частности, нынешняя алтарная преграда в интерьере сложена из покрытых затейливым рельефным орнаментом деталей от первоначального темплона (цв. ил. I).

В алтаре главного монастырского храма неплохо сохранилась живописная декорация. О ней, в отличие от истории и архитектуры комплекса, писали очень кратко. Впервые фрески описаны, самым общим образом, графиней П.С. Уваровой в 4-м томе «Материалов по археологии Кавказа», причем исследовательница не предложила никакой даты их создания⁴. В альбоме Р. Мепишавили и В. Цинцадзе, посвященном архитектурному наследию этой части Шида-Картли, авторы лишь констатировали наличие в храме остатков росписи, которую предположительно отнесли ко времени его сооружения, то есть к концу XIII века⁵. Немного подробнее о фресках Тири писал в монографии о монастыре Н.И. Ангуладзе, который отметил их высокое качество и связь «с определенной группой грузинской настенной живописи... палеологовского стиля». При этом исследователь датировал живописную декорацию Тири концом XIV или началом XV века, «когда в монастыре начали масштабные строительные работы представители рода Тавхелидзе»⁶. По сей день не существует ни подробного описания, ни более тщательного анализа живописного комплекса Монастери. Вместе с тем, благодаря своей сохранности, хорошему художественному уровню и иконографическим особенностям роспись Тирского монастыря заслуживает большего внимания. Собственно, частично устранить этот пробел призвана наша статья.

Роспись, сохранившаяся в храме, покрывает конху апсиды, лоб алтарной арки, верхнюю часть восточной трапезной и ограничивающих ее с запада пилястр с подпружной аркой (цв. ил. I). По всей вероятности, фресковый декор покрывал только эти участки пространства – нигде в других местах не прослеживается ни остатков живописи, ни следов сбитой штукатурки. Не было, кажется, и поздних поновлений, что не является необычным для грузинской монументальной живописи. Никакие реставрационные или консервационные работы с этими фресками в последнее время также не проводились.

В настоящее время роспись покрыта загрязнениями (высолами, птичьим пометом, копотью), частично утрачена в результате подмокания свода, но в целом имеет неплохую сохранность, позволяющую даже в таком состоянии оценить ее качество. Отметим также, что штукатурка, на которой написаны фрески, отличается необычайной прочностью. Сразу укажем, что все фоны в тирской росписи глухого темно-синего цвета – видимо, это разбеленная сажа. Нимбы – желтые с двойным, голубым и белым, абрисом. Все композиции и отдельно стоящие фи-

⁴ Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Императорского Московского Археологического общества, снаряженными на Высочайшие дарованные средства. М., 1904. Вып. IV. С. 175–176. Исследовательница приводит указанный в строительной надписи 1622 год, видимо считая его относящимся к главному храму.

⁵ Мепишавили Р., Цинцадзе В. Указ. соч. С. 128.

⁶ Ангуладзе Н.И. Архитектурный ансамбль Тирского монастыря. Тбилиси, 1976. С. 15 (на груз. языке, с рус. резюме).

гуры разделены широкой красной разгранкой, обведенной по сторонам тонкой белой линией. Все подписи при фигурах святых сделаны белилами.

В центре алтарной конхи изображена сидящая на престоле Богоматерь с Младенцем на коленях. Это, вероятно, был главный храмовый образ – в зените конхи сохранился крюк, на который подвешивалась лампада. По сторонам от Богородицы расположены две ростовые фигуры архангелов и, у престола, два серафима. Крупные монументальные фигуры Богоматери и архангелов плотно заполняют пространство полукупольного свода, упираясь в его верхний край (цв. ил. II).

Богородица, представленная фронтально сидящей на престоле с полукруглой спинкой, одета в традиционные облачения: синий хитон, коричневый мафорий со звездами на плечах и лбу, голубой чепец (цв. ил. III). Изящную кисть левой руки Она положила на левое же колено (цв. ил. IV), правой поддерживает Спасителя. Христос, изображенный в почти фронтальной позе, одет также традиционно – в охристый гиматий и синий хитон, правой рукой Он благословляет, в левой держит свиток (цв. ил. V).

Архангелы по сторонам Богородицы облачены в одинаковые по цвету, синие хитоны с охристыми, украшенными разноцветными камнями и жемчугом каймами на вороте и подоле. Сверху накинуты плащи: красно-коричневый на левом архангеле, Михаиле, и зеленый на правом, Гаврииле (цв. ил. VI, VII). В руках они держат традиционные жезлы и зеркала с греческими монограммами Спасителя. В кудрявых волосах – обычные повязки со слухами. Отметим, что фигура архангела Гавриила частично подрезана снизу окном. Подобная нестыковка архитектуры и настенной живописи иногда встречается в провинциальных грузинских памятниках.

Необычная деталь, к которой мы вернемся ниже, – это шестикрылые серафимы по сторонам от престола. Правая фигура сохранилась очень хорошо, хотя сильно загрязнена (цв. ил. VIII–X). Прекрасно читаются лик, крылья, расставленные в сторону руки с синими поручами и краями розового плаща; изображений ног не имеется. Левый серафим сохранился значительно хуже, но очевидно, что эта фигура зеркально повторяла правую, отличаясь лишь цветовым решением.

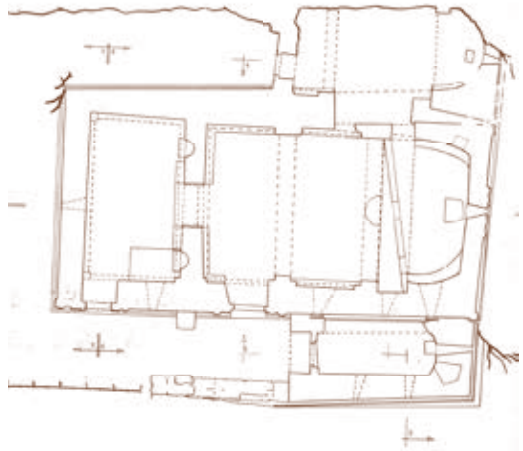
Отметим, что монограммы, выполненные, как и все остальные надписи во фресках Монастери, белилами, сопровождают образы Спасителя, Богородицы и обоих архангелов. У Богоматери с Младенцем они сделаны греческими буквами (что, в общем-то, обычно для центральных изображений в грузинской церковной живописи и не означает участия в работе греческих мастеров), а у архангелов – грузинским церковным шрифтом асомтаврули.

Фигура Богоматери находит прямой прототип в росписи середины – третьей четверти XIV века в конхе крупного купольного храма Успения Богородицы в

Зарзме⁷ (цв. ил. XI). Однако при этом изображения фланкирующих Богоматерь ангелов в обоих комплексах различаются. Абсолютно идентичная композиция, включающая архангелов, выполненных по той же прориси, что и в Тири, присутствует в конхе монастырского храма Богоматери в Дирби⁸ (цв. ил. XII). В монографическом исследовании этого комплекса его фрески были отнесены грузинской исследовательницей Н. Чихладзе к 1340–1370-м годам⁹.

Нижняя часть апсиды собора Тирского монастыря не расписана. Вся остальная живописная декорация располагается, как уже говорилось, на лбу алтарной («триумфальной») арки, а также в верхней части восточной травеи. Триумфальная арка имеет двухступенчатую форму. По ее нижней узкой ступени шла надпись, от которой сейчас хорошо просматривается лишь небольшой фрагмент (цв. ил. XIII). Благодаря помощи палеографа Теймураза Джоджуа удалось определить его содержание. Читается: «...до запад хвально имя...» Это фрагмент псалма 112: «Алладуия, Хвалите, отроцы, Господа, хвалите имя Господне. Буди имя Господне благословенно отныне и до века. От восток солнца до запад хвально имя Господне. Высок над всеми языки Господь: над небесы слава его». Вообще, в грузинских храмах надписи на триумфальных арках (а иногда, в купольных церквях, на всех четырех подпружных) встречаются весьма часто как минимум с XII века. Все они представляют собой цитаты из литургических текстов, причем 112 псалом – один из самых распространенных¹⁰.

На широком лбу арки выше надписи располагался ныне почти утраченный «Мандилион», поддерживаемый двумя ангелами. Вероятно, на него обратила внимание графиня П.С. Уварова, неправильно определив при описании сюжет: «на триумфальной арке поясное изображение Эммануила с двумя ангелами по

2

⁷ Зарзма / Сост. Н. Вачнадзе. Тбилиси, 2007. С. 87–95 (на груз. языке). См. также: *Евсеева А.М.* Роспись XIV в. в соборе монастыря Зарзма: Истоки иконографии и стиля // II Международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси, 1977. С. 10–12. Д. Мурики предлагает датировать роспись Зарзмы первой половиной XIV века (*Mouriki D.* Reflections of Constantinopolitan Style in Georgian Monumental Painting // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. Wien, 1981. Bd. 31. S. 747). Аналогичного мнения придерживается и Н. Бурчуладзе (*Бурчуладзе Н.* Роспись главного храма Зарзмы // Ахалцхская и Тао-Кларджетская епархия. Тбилиси, 2013. С. 324–347 (на груз. языке)). Есть и датировка памятника XVI веком: *Джанджалия М.* О дате росписи Зарзма // *Сакартвелос სიძველენი (Древности Грузии)*. Тбилиси, 2007. С. 63–96 (на груз. языке).

⁸ Монастырь Успения в Дирби: Архитектура, надписи, рельефы, живопись. Тбилиси, 2006. С. 227–229 (на груз. языке, с англ. резюме).

⁹ Там же. С. 180.

¹⁰ См., например: *Привалова Е.А.* Тимотесубани: Исследование по истории грузинской монументальной живописи. Тбилиси, 1980. С. 37–38. К сожалению, по грузинским надписям такого рода нет обобщающей работы, которая позволила бы нам выявить более близкие по времени аналоги для изучаемого памятника.

3

сторонам»¹¹. Сейчас на стене храма сохранились лишь фрагменты нижней части композиции, по которым видно, что ангелы были изображены в коленопреклоненных позах (цв. ил. XIV). В центре был написан плат, от которого *in situ* частично просматривается лишь нижний край. Очевидно, что здесь не могло размещаться поясное изображение, а был именно Нерукотворный Образ. Кроме того, в частной коллекции в Москве хранятся фрагменты фресок из Тири, в том числе часть изображения плата с грузинской подписью «Мандили...» и греческой монограммой «ΧС». В том, что они происходят с триумфальной арки, сомнений нет.

Это, в частности, подтверждается полной идентичностью скромного орнамента на остатках плата на стене храма и на московских фрагментах.

Изображение Нерукотворного Образа в верхних зонах храма вообще характерно для фресковых комплексов византийского ареала. Классический этому пример – Мандилион в Спасо-Преображенском соборе Мирожского монастыря (вторая половина XII века)¹². Подобные изображения хорошо известны и в грузинских храмовых росписях: например, в одном из центральных памятников Грузии – росписи церкви в Убиси, исполненной, скорее всего, в середине – третьей четверти XIV столетия¹³ (цв. ил. XV), в ориентирующихся на него фресках Сори (около третьей четверти XIV века)¹⁴ и уже упоминавшейся стенописи Дирби. Впрочем, буквальных повторений расположения тирского образа мы не знаем¹⁵. Появление же фигур ангелов необычно, но может быть объяснено

¹¹ Материалы по археологии Кавказа. Вып. IV. С. 176.

¹² *Сарабянов В.А.* Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря. М., 2010. С. 49, 52–53.

¹³ Датировки памятника у исследователей разнятся от начала XIV века до 1380-х годов (см., например: *Амиранашвили Ш.Я.* История грузинского искусства. М., 1950. С. 242–244; *Он же.* Фрески Убиси. Тбилиси, 1987. С. 17; *Лордкипанидзе И.Г.* Житийный цикл св. Георгия в Убиси // Дечани и византийская уметност средним XIV века. Београд, 1989. С. 98; *Velmans T., Alpago Novello A.* Miroir de l'invisible: Peintures murales et architecture de la Géorgie (VIe – XVe s.). Paris, 1996. P. 160).

¹⁴ Стенопись церкви Сори Ш.Я. Амиранашвили и И.А. Чичинадзе датировали началом XIV века (*Амиранашвили Ш.Я.* История грузинского искусства. С. 244–245; *Чичинадзе И.А.* Роспись Сорской церкви. Тбилиси, 1985. С. 69 (на груз. языке)). Д. Мурики относит роспись к концу этого столетия (*Mouriki D.* Op. cit. S. 749). З. Схиртладзе дает широкую датировку XIV–XV веками (*Схиртладзе З.* Сорская церковь. Тбилиси, 2009. С. 11), хотя в устной беседе с нами подтвердил, что склоняется ко второй половине XIV века, с чем мы согласны.

¹⁵ В церкви Убиси Мандилион находится в зените конхи над образом Спасителя из Денсуса. В храмах Сори и Дирби Святой Убрус расположен в зените подпрудной арки и фланкируется фигурами пророков Соломона и Давида, – вспомним, что в Монастыре на этом месте изображен Христос Эммануил (см. ниже).

простым стремлением художника заполнить пространство, образовавшееся по сторонам от палаты. Вообще, различные варианты композиций с симметричными фигурами ангелов, возносящих почитаемое изображение (крест, образ Спасителя), в искусстве византийского мира сами по себе не новы и имеют дохристианские корни. В Грузии и Армении встречается много таких примеров начиная с довольно раннего времени: например, хорошо известное «Вознесение Креста» VII века над южным входом в храме Джвари¹⁶. Такие изображения существовали и в монументальной живописи: например, в сванском храме Пусда (община Местиа), фрески которого датированы Т.С. Шевяковой XII веком, на лбу арки два ангела поддерживают медальон с погрудным образом Спасителя¹⁷ (цв. ил. XVI). В росписи храма Мацховар в Незгуни (XII век) в аналогичном месте над алтарем располагается сокращенный вариант Вознесения – мы видим только Христа, сидящего в мандорле, возносимой двумя ангелами¹⁸ (цв. ил. XVII).

Западнее, на своде восточной трапезной исследуемого памятника, расположено четыре ростовых изображения святых. Далее на подпружной арке по сторонам от оплечного образа Христа Эммануила находилось шесть фигур, из которых в той или иной степени сохранилось пять (цв. ил. XVIII).

Подписи имен святых в настоящее время почти все утрачены или неразличимы и читаются только у центральной пары на предалтарном отрезке свода: пророк Захария в северной части и святой Иоанн Предтеча в южной. Первый – седой длинноволосый старец в коричневом гиматии и синем хитоне, с обнаженными ногами в сандалиях, правая рука в благословляющем жесте, в левой – свернутый свиток (цв. ил. XIX). Иоанн Предтеча одет в верблюжью шкуру, коричневую с серой разделкой, и накинутый на нее синий плащ, на ногах сандалии. Правой рукой он благословляет, в левой держит развернутый свиток (цв. ил. XX). Ниже Предтечи на склоне свода расположена фигура молодого святого в характерной пророческой шапочке, коротком синем хитоне и красном плаще (цв. ил. XXI). Подпись почти полностью утрачена, однако изображение имеет чрезвычайно близкую аналогию в храме Убиси, где сохранилась надпись «Мисаил» (цв. ил. XXII). Это один из трех Вавилонских отроков. Изображения в Убиси и Тири имеют некоторые различия, но атрибуция монастырского образа как Мисаила наиболее вероятна. От фигуры, расположенной под изображением Захарии, то есть на северном склоне, осталась верхняя, сильно поврежденная часть. Судя по сохранившемуся фрагменту, этот святой имел короткую бороду и был изображен в зеленоватом гиматии и синем хитоне (цв. ил. XXIII). Ниже, по-видимому, изображения отсутствовали.

¹⁶ См., например: Чубинашвили Г.Н. Памятники типа Джвари: Исследование по истории грузинского искусства. Тбилиси, 1948. Табл. 25–26.

¹⁷ Шевякова Т.С. Монументальная живопись раннего средневековья Грузии. Тбилиси, 1983. Табл. 102. Мы допускаем значительно более позднюю датировку этой росписи.

¹⁸ О росписи в Незгуни см.: Кения Р., Алдашвили Н. Верхняя Сванети (средневековое искусство): Путеводитель, Тбилиси, 2000. С. 78–79. Урезанная до трех фигур композиция Вознесения встречается и в других храмовых росписях, например в Мацхвариши она расположена на западной стене (см.: Вирсаладзе Т.Б. Фресковая роспись художника Микаэла Маглакели в Мацхвариши // *Arts Georgica*. Тбилиси, 1955. Т. 4).

Восточнее, на подпружной арке в центре в районе шельги, изображен оплечный Спас Эммануил (цв. ил. XXIV). Пара центральных фигур по его сторонам одета в одинаковые по покрою царские облачения (синий плащ и красный хитон у одного, красный плащ и синий хитон у другого) и короны. Святые повернуты на три четверти в сторону алтаря, оба правой рукой благословляют, в левой держат свиток с плохо сохранившимся текстом. Несомненно, перед нами пророки Давид и Соломон (цв. ил. XIX, XX).

Ниже на южном склоне арки находится еще две фигуры плохой сохранности, но их силуэты читаются. У верхнего святого просматривается синий хитон и коричневый плащ. Фигура нижнего была развернута в сторону апсиды и облачена в длинное охристое одеяние. Важно отметить, что размещена она довольно неудачно: изображение головы попадало на неровную поверхность оштукатуренной капители. Образ, расположенный на северном склоне арки ниже царственного пророка (Давида?), опознается предположительно: он почти полностью утрачен, оставшаяся же часть сильно потерта. Судя по относительно неплохо сохранившемуся головному убору, аналогичному пророческой шапочке предполагаемого Мисаила, это также один из трех отроков, находившихся в «пещи огненной», – Азария или Анания (цв. ил. XIX). Справа от головы святого под слоем высолов угадываются фрагменты подписи, так что его имя может быть прочитано после расчистки росписи. Отметим, что фигуры отроков Вавилонских, включенные в число ветхозаветных персонажей в верхней части храма, в грузинских росписях встречаются не в первый раз. Кроме уже упомянутых фресок Убиси, они известны, например, в сванском храме пророка Ионы в Янаши, расписанном в XIV веке¹⁹ (цв. ил. XXV). Ниже изображения Вавилонского отрока штукатурка почти полностью утрачена. Однако, судя по тому, что на противоположном склоне арки находятся три фигуры, здесь также помещалось изображение святого.

Программа существующего живописного комплекса, с одной стороны, соответствует богородичному посвящению церкви. Это, прежде всего, изображение Богородицы в конхе апсиды. Впрочем, это обычный сюжет грузинских росписей начиная с XI века, причем не только в зальных храмах и не обязательно богородичных. Стоит отметить, что в грузинской живописи, судя по дошедшим до нас памятникам, фигура Богородицы с предстоящими становится особенно популярной в XIV столетии. С другой стороны, выбор фигур пророков, объединенных вокруг центрального образа Спасителя, скорее, говорит о христологической и теофанической программе.

Необычной деталью монастырской росписи является изображение серафимов у подножия престола. Вообще, различные небесные силы в этом месте характерны в грузинской живописи для деисусных теофанических композиций.

¹⁹ Датировка М. Кенна: Upper Svaneti. Medieval Mural Painting. Tbilisi, 2011. P. 188.

Они фланкируют престол Господа, соседствуя с фигурами предстоящих (цв. ил. XXVI, XXVII). Подобные композиции связываются обычно с темой Страшного суда. Примеров изображения серафимов около престола Богородицы нам не известно. Вполне вероятно, что появление их в Монастыре является отражением местного творчества. Возможно, эта необычная деталь возникла в результате стремления разработчиков программы сделать акцент на богородичной направленности росписи, связанной с посвящением храма, и иллюстрирует известные слова ирмоса 9-й песни трипеснца Великой пятницы (Космы Маюмского): «Честнейшую херувим и славнейшую без сравнения серафим...»²⁰ Вместе с тем, мы не знаем аналогов этой композиции в грузинском (и не только грузинском) искусстве, при том что росписи богородичных храмов с алтарными образами Богородицы на престоле сохранились в большом количестве. На наш взгляд, более вероятно, что здесь имело место простое механическое объединение двух популярных алтарных композиций, то есть изображения шестикрылых серафимов являются прямым заимствованием из теофанической сцены Деисуса без придания им какого-либо особого смысла.

Как уже говорилось, подпружная арка и примыкающая к апсиде часть свода целиком заполнены фигурами пророков, в числе которых представлен Иоанн Предтеча. Изображения пророков часто увязываются с образом Богородицы, поскольку они являются предвозвестниками грядущего Боговоплощения. Впрочем, пророки на подпружных арках – это древнейшая схема, особо распространенная в купольных храмах. Среди росписей грузинских зальных церквей мы встречаем такие изображения начиная с раннего времени, но особенно часто они использовались в XIV веке, что, видимо, связано с нарастанием популярности богородичной темы в этот период (Дирби, Убиси, Янаши). Среди центральных фигур на подпружной арке в Тире написан пророк Захария, соотношенный с образом Иоанна Предтечи. Обратим внимание, что здесь представлен не отец Предтечи – первосвященник Захария, часто изображавшийся в паре с ним, а именно пророк, на что указывает надпись и тип облачения этого персонажа. Хотя Захария относится к так называемым малым пророкам, его книга содержит одни из самых отчетливых предсказаний пришествия Мессии. Возможно, именно этим объясняется расположение его образа в самом центре росписи. Логика выбора изображенных на арках святых в настоящий момент еще не вполне ясна и является темой для дальнейших исследований.

Итак, иконографическая программа тирской росписи в целом традиционна для грузинского искусства, хотя имеет ряд специфических деталей, в числе которых особо следует выделить изображения херувимов у престола Богородицы. На основе приведенных иконографических аналогий живописный комплекс Тире можно вписать в круг памятников XIV века. Анализ же стилевых особенностей росписей позволяет уточнить их место в искусстве Грузии этого периода.

²⁰ Выказано С.М. Марзоевым в личной беседе.

Выше уже отмечалось, что фигуры алтарной композиции отличаются крупным масштабом и тесно вписаны в пространство конхи. Статичные, немного тяжеловесные изображения как бы с трудом помещаются в отведенном поле – крылья ангелов почти срезаны границей апсидной арки. Отсутствие динамики и тяготение к малоподвижной монументальной форме обусловлено не только спецификой симметричной алтарной композиции, но, на наш взгляд, является намеренным приемом художника.

Автору росписи, как нам кажется, было присуще стремление максимально заполнить пустое пространство в живописных композициях. Возможно, этим объясняются необычные и, в общем-то, «лишние» изображения серафимов в конхе апсиды и ангелов по сторонам от Святого Убруса. В последнем случае, кстати, их коленопреклоненная поза может быть продиктована формой предназначенного для них поля. Плоскости же стен в Монастери, свободные от фигуративных изображений, сплошь покрыты орнаментами (цв. ил. XXVIII). Важно отметить, что эта черта характерна в той или иной степени для целого ряда частично упомянутых выше памятников, явно составляющих родственную группу: кроме Монастери это храмы в Убиси, Зарзме, Дирби, Сори, придел Шергила Дадиани в Хоби²¹ и довольно «маргинальный» Нузал²², причем чрезвычайно близки и использованные в них орнаментальные мотивы, не встречающиеся в других грузинских росписях XIV века (цв. ил. XXIX).

Возвращаясь к изображениям святых во фресках Тири, отметим, что при правильном в целом построении и пропорционировании фигур, здесь присутствует тенденция к укрупнению черт их ликов. Такие детали, как тяжелый подбородок, несоразмерно большие глаза с крупными веками, как будто застывший взгляд и т. п., являются характерными признаками образов этой росписи. Застылость и тяжеловесность форм противопоставлена дробности складок одежда и иногда немного неумелой манере передачи объема. Впрочем, эти нюансы отчасти нивелируются общим монументальным характером композиций и отдельных образов. Колорит росписей выдержан в немного приглушенной цветовой гамме, характерной для второй половины XIV века. Темно-синий цвет фона в сочетании с яркими пятнами одежда придает росписи индивидуальность и компенсирует общую грубоватость цветовой палитры. В отличие от фигур, в ликах присутствует весьма выраженное пластическое начало. В то же время здесь можно увидеть характерный графический прием в виде сетки пробелов, накладываемой на завершающем этапе моделировки личного. Несмотря на то что иптрихи повторяют форму, смотрятся они суховато и как бы контрастируют с крупной лепкой объема.

²¹ Традиционно эту роспись датируют рубежом XIII и XIV веков (см., например: *Хускиадзе Ю.* Роспись XVII века Хобского храма // *Сакатрвелос сидзелени (Древности Грузии)*. Тбилиси, 2005. № 7–8 (на груз. языке, с англ. резюме). С. 291). На наш взгляд, однако, эти фрески стилистически относятся к середине – третьей четверти XIV века. Этому не противоречат и портреты покойных к тому времени ктиторов – примеров уже умерших персон в грузинской монументальной живописи довольно много.

²² Роспись относится, вероятно, к третьей четверти XIV века (*Белецкий Д.В.* Заметки о нузальском храме // *Историко-филологический архив. Владикавказ, 2004. Вып. 2*).

На наш взгляд, соединение этих приемов говорит о знакомстве автора с другими современными работами художников на грузинских территориях и, вероятно, о попытке ориентации на какой-то важный классический образец. К сожалению, до нас почти не дошли примеры таких «центральных» работ в Грузии, за исключением, пожалуй, алтарной росписи Мартвили (первая половина XIV века)²³, где также изображена Богоматерь. С другой стороны, в росписи Монастери возобладала черта более традиционного и широко распространенного в середине – второй половине XIV века направления, довольно неплохо представленного в грузинском искусстве. Характерными чертами этой стилистической группы являются особая плотность живописного слоя, некоторая глуховатость и общая затемненность красочной палитры, жесткость в трактовке складок, стремящихся к острой геометричности, и, наконец, существенное упрощение системы личного письма, хоть и основанной на классической палеологовской схеме, однако значительно огрубленной и подвергнутой графической переработке. Новейшие тенденции палеологовского искусства, связанные с влиянием исихазма, практически не затронули это направление, сохранившее верность традиционной образности, но не достигавшее высот столичных образцов.

Данное направление включает широкий круг памятников не только кавказского региона, но и других византийских территорий (в частности, Балкан). В целом можно говорить об этом потоке как о маргинальной ветви зрелого палеологовского стиля, дошедшего до нас в сохранившихся провинциальных произведениях. Грузинские примеры этого направления обнаруживаются в различных регионах страны, что говорит о значительной распространенности этого стиля. На наш взгляд, к данному кругу можно отнести упоминавшиеся фрески Зарзмы, Сори, отчасти Дирби, придела Шергила Даддани в Хоби, Нузальского храма, а также, с оговорками, Убиси. К кругу дальних аналогий, возможно, примыкает роспись сванского храма в Янаши. Из этой группы памятников как наиболее близкие по стилистическим приемам и общей образной системе к рассматриваемой росписи можно выделить, пожалуй, Зарзму, Дирби и Нузал. Впрочем, проводя аналогии, необходимо учитывать, что все они, помимо различий индивидуальной авторской манеры, выполнены на совершенно различных технических и художественных уровнях.

На момент создания росписей Монастери в Грузии существовало несколько крупных живописных артелей, мастера из которых были хорошо знакомы с работами друг друга. Об этом свидетельствует не только стилистическое сходство данной группы памятников, но также и некоторые буквальные иконографические заимствования, вплоть до использования общих прорисей, как уже было отмечено. С одной стороны, это, возможно, указывает на более позднее происхождение

²³ Ш.Я. Амيرانашвили и Т. Вельманс датируют роспись началом XIV века (*Амيرانашвили Ш.Я. История грузинского искусства. С. 244–245; Velmans T. La peinture murale byzantine d'inspiration constantinopolitaine du milieu de XIV siècle (1330–1370) // Дечани и византијска уметност средином XIV века. Београд, 1989. Р. 83).*

тирских росписей, а с другой – на общность художественной среды эпохи. Среди перечисленных сохранившихся произведений стоит выделить два наиболее крупных ансамбля, которые, на наш взгляд, могли представлять своего рода ориентир для художников-современников. Росписи Убиси, с которыми, вероятно, мастера Монастери были хорошо знакомы, являются одним из центральных и наиболее ярких примеров настенной живописи своего времени, безусловно повлиявших на характер позднепалеологовского искусства в Грузии. Эти росписи, выполненные мастерами большой профессиональной выучки, отличаются весьма специфической манерой, тяготеющей к выраженному гротеску и контрастности красочной палитры. В силу этих качеств они стоят особняком среди искусства второй половины XIV века, однако полностью исключать их из числа памятников описанной группы все же не стоит. Эта живопись, по сути, принадлежит к тому же варианту стиля, однако в особой авторской интерпретации, представляющей его крайний, радикальный вариант. Несмотря на специфику (а может, и благодаря ей), этот ансамбль должен был производить большое впечатление на современников и, безусловно, не мог не спровоцировать попыток подражания – уже без воспроизведения наиболее необычных и «гротескных» образов. Впрочем, мы можем судить лишь по небольшому числу дошедших до нас произведений – степень влияния этой артели на грузинское искусство могла быть намного больше.

Второй крупнейший ансамбль XIV века – это росписи монастыря Зарзма (напомним, что мастера Монастери были хорошо знакомы с ней), которые представляют иной оттенок стиля в рамках означенного крупного направления. Они выполнены в гораздо более спокойной манере, художниками довольно высокого уровня. К сожалению, в настоящее время фрески сильно искажены поздними поновительскими прописями, что существенно затрудняет анализ древней живописи. Ситуацию усложняет и то, что в Зарзме работала крупная художественная артель, состоявшая из нескольких мастеров различного уровня, и это обусловило немного неровное качество исполнения росписи. При сравнении фресок Зарзмы и Монастери можно отметить сходство не только в системе доличного письма, но и в характере некоторых образов, например изображений евангелистов в парусах (цв. ил. XXX).

Остальные перечисленные памятники данной группы, хоть и воспроизводят те же стилистические модели, уступают этим двум ансамблям по значимости и зачастую по уровню живописи. Художники могли непосредственно вдохновляться примерами крупных ансамблей (Дирби, Сори) или же ориентироваться на них в общей трактовке образов (цв. ил. XXXI, XXXII). К примеру, в чем-то близкие тирской росписи фрески маленького погребального храма в осетинском селении Нузал выполнены мастером, очевидно приглашенным из Грузии, и представляют очень упрощенный (почти примитивизированный) вариант того же направления (цв. ил. XXXIII).

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Мастер или мастера росписей Монастери принадлежали к провинциальной художественной среде, представленной рядом произведений второй половины XIV века, сохранившихся на грузинских территориях. Вероятно, роспись была создана именно в этот период или ближе к концу века. В то же время художники ориентировались не только на памятники своей группы, но, вероятно, и на образцы более раннего времени, что обусловило индивидуальный характер стилистического исполнения этих росписей, сочетающих черты монументального стиля с графическими приемами позднепалеологовского времени.

Как уже было отмечено, заказчики росписи нам неизвестны, однако в упомянутой выше монографии Н.И. Ангуладзе указывает на связь между возникновением живописной декорации в храме и строительными работами, проводившимися в Тирском монастыре членами рода Тавхелидзе. Проведенное нами иконографическое и стилистическое исследование живописи подтверждает это предположение.

Если верно наше наблюдение об отсутствии живописи в других частях храма, то перед нами, пожалуй, один из последних примеров «частичной» церковной росписи, хорошо известных в восточновизантийских регионах, в том числе в Закавказье. Не считая фресок Тирского монастыря, самый поздний грузинский вариант такой системы декорации мы знаем в монастыре Кобайр, живопись которого относится к XIII веку. Впрочем, причина, по которой интерьер храма Монастери не был расписан полностью, не совсем понятна, и, возможно, этот факт объясняется простым недостатком средств.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

1. Тирский монастырь. Вид с востока. 2003 год
2. Главный храм Тирского монастыря. План по Н.И. Ангуладзе
3. Главный храм Тирского монастыря. Разрезы по Н.И. Ангуладзе

**Протоиерей Федор
Кречетов,**
настоятель церкви
великомученика Георгия в
Грузинах, Москва

**ИКОНОГРАФИЧЕСКАЯ
ПРОГРАММА
СОВРЕМЕННОЙ
РОСПИСИ
ХРАМА СЯГО
ГЕОРГИЯ
ПОБЕДОНОСЦА
В ГРУЗИНАХ**

Храм великомученика и победоносца Георгия в Грузинах был расписан заново в 1996–2001 годах молодым грузинским художником Лашей Кинцурашвили, выпускником Тбилисской академии художеств, в стиле древней грузинской фресковой живописи. В настоящее время вход в храм открыт с южной стороны, расположенные внутри деревянные резные двери украшены вверху в полукруге образом святого Георгия на коне и изображениями двенадцатых праздников на створках.

Роспись храма с южной стороны открывается композицией Благовещения, помещенной над дверями. В апсиде южного нефа находится изображение Рождества Христова напротив образа Святой Троицы, а на сводах южного нефа, прямо над сценой Благовещения – композиция Рождества Богородицы. Против входа располагается сюжет Введения во храм Богородицы, над изображением Рождества Христова – Сретение Господне, над образом Троицы – Крещение, или Богоявление, Господне. Все эти росписи образуют группу, символизирующую вхождение в Церковь христианина через благовестие, то есть Евангелие. Через Рождество Христово по замыслу Святой Троицы в таинстве Крещения происходит встреча человека с Богом, и человек входит в Церковь.

Под образом Рождества Христова расположены в ряд изображения святителей-католиков Мамаа (или Маманта), Эвдимоза, Арсения Великого и Иосифа и русских святителей Киприана, Филиппа и Ионы, митрополитов Московских. По левую и правую стороны от дверей в медальонах написаны соответственно преподобные Феодор Студит и Максим Исповедник, который находился в ссылке в Грузии. В арке, ведущей в трапезную часть, помещены образы преподобных Симеона Столпника и Антония, столпника Марткопского.

Центральная часть храма расписана в традиционном порядке, то есть в парусах располагаются изображения евангелистов, над алтарной

преградой над аркой – Распятие с предстоящими Божией Матерью и апостолом Иоанном Богословом, напротив над аркой – Воскресение Христова, на северной стороне – Снятие с Креста, на южной – Жены-мироносицы. Под парусами справа и слева от алтарной преграды также в традиционной иконографии изображены святители Николай Чудотворец, Иоанн Златоуст, Василий Великий и Григорий Богослов, а с другой стороны – три великих русских подвижника преподобные Серафим Саровский, Сергей Радонежский и Александр Свирский и три великих грузинских подвижника преподобные Иоанн Зедазнийский, Шио Мгвимский и Давид Гареджийский. В барабане располагаются: на уровне окон апостольский чин, над ним праотцы, затем архангелы, в куполе же – крест.

1

Северная часть церкви по традиции посвящена умершим. На восточной стене представлен Вход Господень в Иерусалим, который, как известно, Господь совершил перед крестной смертью. Ниже располагается изображение отрока Иисуса в храме Иерусалимском и композиция Воскрешения Лазаря. В арке справа и слева от этой росписи показаны преподобные Исаак Сирий и Иоанн Дамаскин, который написал стихиры на погребение. На северной стене помещена композиция Успения Богородицы, на сводах северного нефа – сюжеты праздников Сошествие Святого Духа, Воздвижение Креста Господня, Вознесение и Преображение Господне.

На стене, противоположной апсиде, размещаются образы великих преподобных подвижников, которые умертвили свою плоть и жили равноангельной жизнью. Вверху изображен святой мученик Мамант на льве, ниже – преподобный Онуфрий Великий и преподобная Мария Египетская, которую причащает преподобный Зосима. В арке, ведущей из северного нефа в трапезную часть, написан преподобный Захарий, перед которым склонился авва Моисей. Напротив – преподобный Давид Фессалоникийский, который жил на дереве. Рядом с ним находится фигура архангела Рафаила, который сопровождает Товию, известного по библейской книге Товита, которая свидетельствует об общении с умершими. Справа от образов преподобных на северной стене находится композиция взятия Или Пророка на небо, а под ней – изображение стоящих в печи трех отроков, Анании, Азарии и Мисаила.

Вся трапезная часть храма посвящена преимущественно грузинским святым и великомученику Георгию. В центре ее на своде располагается в медальоне образ святого Георгия. Стены трапезной части по периметру заполнены фигурами почитаемых грузинских святых. Над ними на своде изображены чудеса великомученика Георгия. На правом столпе написаны грузинские святые цари: Вахтанг Горгасали, святой знаменосец Херхеулидзе, Давид Возобновитель, царь-мученик

2

Мирдат. На левом столпе изображены грузинские святые царицы: великомученица Кетеван, Саломе Картлийская, Тамар, мученица Шупшаник. В верхней части столпов с трех сторон изображены страдания великомученика Георгия, а с внешней стороны в медальоне – мученики Бидзина, Шалва и Элизбар. Рядом – царь Ашот Куропалат и Деметре Самопожертвователь. С внешней стороны столпа с царицами представлены в медальоне великомученицы Екатерина, Варвара и Марина. Рядом – великомученики и мученики Димитрий, Иоанн Воин и Пантелеимон, святые князья-страстотерпцы Борис и Глеб и мученица Марина Грузинская. Изображения святых по периметру на северной стене заканчиваются фреской мученической смерти от мусульман шести тысяч Гареджийских монахов. Далее изображены великомученики князья Давид и Константин Аргветские.

В передней части трапезной располагаются композиции: слева – Явление Божией Матери равноапостольной Нине и вручение Креста, справа – роспись, посвященная празднику Светицховлоба – Живоносного Столпа. На фреске Светицховлоба под Столпом мы видим святую Сидонию, которая держит в руках Хитон Господень, принесенный из Иерусалима ее братом – священником Авиафаром. Справа от столпа – равноапостольные Нино, царица Нана и царь Мириан.

Также следует обратить внимание на то, что все арки, ведущие в центральную часть храма, украшены изображениями мучеников в медальонах. С южной стороны это святые мученики Константин-Кахи, Никита, Евстафий, Косма и Дамиан, Иаков Персский, Артемий и Михаил-Гоброн. Со стороны трапезной части изображены на арке девять мучеников Калайских, с северной стороны арка украшена изображениями семи отроков Эфесских, которые воскресли через двести лет, слева и справа под ними Христа ради юродивые Симеон и Андрей, которые символизируют смерть для мира.

В целом, система росписи церкви великомученика Георгия в Грузинах раскрывает смысл храма как нового преображенного мира и помогает человек постичь путь познания этого мира и приобщения ему.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

1. Роспись купола и подкупольного пространства в московской церкви великомученика Георгия в Грузинах. 1996–2001 годы. Мастер Л. Кинцурашвили
2. Иконостас и роспись восточной стены московской церкви великомученика Георгия в Грузинах. 1996–2001 годы. Мастер Л. Кинцурашвили

Диакон Дмитрий Клыков,
Центральный музей
древнерусской культуры
и искусства имени
Андрея Рублева

**ДАВИДО-
ГАРЕДЖИЙСКИЙ
МОНАСТЫРЬ
В ТВОРЧЕСТВЕ
ЕВГЕНИЯ ЛАНСЕРЕ**

1

Статья посвящена «диалогу русской и грузинской культур» в лице выдающихся их представителей – художника Евгения Евгеньевича Лансере (1875–1946) и искусствоведа, академика Академии наук Грузии Георгия Николаевича Чубинашвили (1885–1973). Точкой их соприкосновения стал знаменитый духовный центр Грузии – лавра преподобного Давида Гареджийского.

Данная тема, помимо научной стороны, представляется важной также с точки зрения памяти об этих людях, которые оставили значительный след в культуре и искусстве России и Грузии. В 2015 году отмечается 140 лет со дня рождения Е.Е. Лансере, в 2016 году – 70 лет со дня смерти художника. Также 2015 год является 130-й годовщиной со дня рождения Г.Н. Чубинашвили.

Важной вехой в изучении культуры Грузии явилась изданная в 1948 году монография Г.Н. Чубинашвили «Пещерные монастыри Давид-Гареджи. Очерк по истории искусства Гру-

зии»¹, посвященная исследованию Давидо-Гареджийского комплекса. Эта монография была опубликована по постановлению редакционно-издательского совета Академии наук Грузинской ССР. Подписана к печати 18 декабря 1948 года. Вышла тиражом 2500 экземпляров и напечатана в Тбилиси.

На титульном листе после имени автора и названия упоминается имя Е.Е. Лансере: «Иллюстрации по акварелям и рисункам академика живописи Е.Е. Лансере, по чертежам обмеров с натуры и по фотографиям»². На следующей странице размещено посвящение: «Памяти друга Евгения Евгеньевича Лансере (1875–1946) – несравненного мастера, воспитателя художественных кадров в Грузии, ценителя ее художественного наследия и участника научно-исследовательских экспедиций»³. Следует отметить, что издание вышло через два года после кончины Евгения Лансере и, таким образом, стало данью памяти почившего друга академика Г.Н. Чубинашвили.

Библиографическая редкость издания, малая известность опубликованных иллюстраций, отсутствие прямых указаний в трудах, посвященных творчеству Е.Е. Лансере, стали причиной более пристального изучения этого, связанного с пребыванием на Кавказе, периода творчества прославленного художника. Рисунки Е.Е. Лансере, созданные для монографии Г.Н. Чубинашвили и посвященные Давидо-Гареджийской лавре, малоизвестны, они нигде, кроме указанного произведения, не публикуются, о них лишь вскользь упоминается в самом полном исследовании творчества Е.Е. Лансере, предпринятом известным автором О.И. Подобедовой и вышедшем в 1961 году⁴. Между тем они представляют собой ценный комплекс иллюстраций, созданных в экспедиции 1921 года в Давидо-Гареджийскую лавру под руководством Г.Н. Чубинашвили и являются важной вехой в творчестве известного мастера. Особый интерес представляет собой период создания этих иллюстраций и в жизни Е.Е. Лансере. Это время выхода из послереволюционного кризиса, когда художник и его семья оказались в особо трудных условиях.

Приглашение известного художника в экспедицию можно рассматривать как жест помощи со стороны Г.Н. Чубинашвили, который поддержал Е.Е. Лансере в трудный период жизни. Кроме того, эта экспедиция была вызвана опасением утраты выдающихся памятников религиозной жизни и культуры грузинского народа. В связи с этим она стала первым опытом подобной научной деятельности по сохранению памятников церковного искусства, и соответственно рисунки Е.Е. Лансере – первыми копиями памятников церковного искусства в новом атеистическом государстве. Все эти обстоятельства делают вопрос изучения творческого наследия Е.Е. Лансере, связанного с экспедицией 1921 года, актуальным и значимым. Также необходимо выяснить вопрос о местонахождении рисунков художника, посвященных Давидо-Гареджийскому монастырю. Помимо научной

¹ *Чубинашвили Г.Н.* Пещерные монастыри Давид-Гареджи: Очерк по истории искусства Грузии. Тбилиси, 1948.

² Там же. Титульный лист.

³ Там же. Шмуцтитул.

⁴ *Подобедова О.И.* Е.Е. Лансере. М., 1961. С. 170.

ценности таких сведений, представляется важным дать возможность современному обществу увидеть эти произведения на выставках в Тбилиси и Москве, что, несомненно, придаст новый импульс дружественным связям между двумя народами.

Переходя непосредственно к теме статьи, следует сказать несколько слов об участниках экспедиции 1921 года в Давидо-Гареджийскую лавру – Е.Е. Лансере и Г.Н. Чубинашвили. Диапазон творчества Е.Е. Лансере необычайно разнообразен: от участия в художественном обществе «Мир искусства» и оформления книг до признания его одним из ведущих монументалистов советской эпохи и создателем стиля советского классицизма. В литературе, посвященной изучению наследия Е.Е. Лансере, с достаточной полнотой отображен путь художника⁵.

Творчество Евгения Лансере многогранно. Он происходил из высокообразованной творческой среды, его род включал фамилии Бенуа, Лансере, Серебряковых. Семья художника состояла из известных представителей русской культуры. Дед его по матери, Н.А. Бенуа, был главным архитектором Петергофа, отец художника Е.А. Лансере – известным скульптором-анималистом. Дядей Е.Е. Лансере приходился основатель и идеолог объединения «Мир искусства» А.Н. Бенуа, сестра – художница З.Е. Серебрякова⁶ – после революции вынуждена была жить в Париже вдали от своих детей, брат – архитектор Н.Е. Лансере⁷ – погиб в советских лагерях. Жена Евгения Лансере Ольга Константиновна происходила из семьи К.Д. Арцыбушева⁸, крупного инженера и строителя железных дорог России.

Евгений Лансере учился рисованию и живописи у известных педагогов в Москве и Париже. Увлекался оформлением альбомов и дневников, что привело его к оформительской и книгоиздательской деятельности. В ранний период он становится членом художественного объединения «Мир искусства», украшает журнал, издаваемый этим обществом. В 1912 году в оформлении Е.Е. Лансере вышла повесть Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат», которая признается классикой художественного оформления. В 1912 году по представлению И.Е. Репина Евгений Лансере получил звание академика живописи, а в 1916 году – действительного члена Академии художеств. В 1914–1915 годах Е.Е. Лансере служил корреспондентом на Кавказском фронте. Его зарисовки производили большое впечатление на общество. Выставка военных этюдов состоялась в конце 1915 года в Петрограде⁹.

⁵ Помимо упомянутой монографии О.И. Подобедовой см.: *Кравченко К.С.* Евгений Евгеньевич Лансере. М.; Л., 1946; *Бабенчиков М.В.* Е.Е. Лансере. М., 1949; *Боровский А.Д.* Евгений Евгеньевич Лансере. Л., 1975, и др.

⁶ *Павлинов П.* Так вот ты какой, Восток! // Третьяковская галерея. М., 2014. № 4 (45). С. 4–19.

⁷ Н.Е. Лансере многократно арестовывался. 2 марта 1931 года Лансере был взят под стражу и 19 января 1932 года осужден Коллегией ОГПУ по статье 58, ч. 6 и 11 Уголовного кодекса РСФСР за шпионаж в пользу Франции. Погиб 6 мая 1942 года на пересылке, похоронен в Саратове на торемном кладбище. 5 ноября 1957 года реабилитирован посмертно.

⁸ В Третьяковской галерее имеется портрет К.Д. Арцыбушева кисти М.А. Врубеля, написанный в 1897 году.

⁹ *Бабенчиков М.В.* Указ. соч. С. 90.

Предреволюционное время Е.Е. Лансере вместе с семьей проводит в имении Усть-Крестище¹⁰, которое было получено им в приданое после женитьбы на Ольге Арцыбушевой. Там его брат архитектор Н.Е. Лансере построил в 1910 году для молодой семьи великолепный дом в английском стиле (дом не сохранился). Счастье семейной и творческой жизни в сельской тишине обрывается с революционными событиями.

Возвращение в Петербург, где у Е.Е. Лансере было много заказов, оказалось невозможно по причине его аристократического происхождения. До декабря 1917 года художник с семьей живет в имении. Дневники не сохранили описания причин выезда семьи в дагестанский город Темир-Хан-Шура (Буйнакск), но, судя по той нищете, в которой ему пришлось провести там два года (1918–1919), это было вызволением из огня революции. Приглашение в Дагестан последовало от старого друга – инженера, который в революцию стал продовольственным комиссаром. Можно сказать, что бегство из имения – от домашнего очага, было спасением семьи Е.Е. Лансере и его творчества.

Житье на Кавказе в первые годы было полным лишений, о чем свидетельствуют дневниковые записи Е.Е. Лансере¹¹, поэтому он с удовольствием брался за любую работу. В Темир-Хан-Шуре академик живописи преподавал рисунок в женской гимназии. Даже советская историография подчеркивает особенно трудный период жизни в Дагестане¹². В 1920 году Е.Е. Лансере переезжает в Тбилиси, возможно в связи с приходом к власти в Грузии меньшевиков. Грузинский этап творческой деятельности мастера продолжается с 1920 по 1934 год. Он стал временем адаптации к новым условиям Советского государства. Начиная с 1920 года художник работал в этнографическом музее Тбилиси, где делал зарисовки предметов коллекции. Осенью 1921 года состоялась экспедиция под руководством профессора Г.Н. Чубинашвили в древнюю лавру преподобного Давида Гареджийского, открывшая новый этап в творчестве Е.Е. Лансере.

Знакомство Е.Е. Лансере и Г.Н. Чубинашвили, возможно, началось еще в Петербурге, и если оно не было личным, то, безусловно, их общая принадлежность к семьям известных деятелей культуры давала им возможность быть знакомыми заочно. Кроме того, их объединяла любовь к Кавказу и Грузии. Несомненно, что Г.Н. Чубинашвили посещал выставку военных этюдов Кавказского фронта Е.Е. Лансере, проводившуюся в Петрограде.

¹⁰ Имение Усть-Крестище в Курской губернии принадлежало К.Д. Арцыбушеву – отцу Ольги Константиновны. В 1904 году после венчания О.К. Арцыбушевой и Е.Е. Лансере это имение в качестве приданого было передано молодым. В 1910 году брат Е.Е. Лансере, архитектор Н.Е. Лансере, построил там просторный дом с мастерской. Имение погибло в пожаре в революционное время. См.: *Подобедова О.И.* Евгений Евгеньевич Лансере. М., 1967. С. 166; *Оль Г.А., Лансере Н.Н.* Николай Евгеньевич Лансере. Л., 1988. С. 36–39; *Холодова Е.В.* Усадьбы Курской губернии: Историко-архитектурные очерки. Курск, 1997.

¹¹ *Лансере Е.Е.* Дневники. М., 2008. Т. 2.

¹² *Боровский А.Д.* Указ. соч. С. 35; *Масхарашвили Г.А.* Жизнь и творчество Е.Е. Лансере в Грузии: Автореф. дис. ... канд. искусствовед. Тбилиси, 1965. С. 4.

Г.Н. Чубинашвили родился в Петербурге 21 ноября 1885 года в семье члена окружного суда. Среди его предков были известные представители грузинской культуры – Давид, мастер-печатник типографии царя Ираклия II, и Николай, исследователь и лексикограф, составивший интересное описание своего путешествия в 1845 году в Святую Землю¹³. Его дед, Давид Исесевич Чубинашвили († 1891), был профессором Петербургского университета, автором лучшего до сего дня грузино-русского и русско-грузинского толкового словаря. Еще будучи гимназистом, Г.Н. Чубинашвили занимался у известного специалиста античного искусства О.Ф. Вальдгауэра. В 1907 году будущий исследователь поступил на философский факультет Лейпцигского университета, который закончил в 1912 году в звании доктора философии и магистра свободных искусств. По возвращении в Петербург для более глубокого изучения грузинского искусства он поступил в основанный графом В.П. Зубовым Институт истории искусств, где слушал лекции известного византолога Д.В. Айналова. В 1916 году был зачислен вольным слушателем грузино-армяно-персидского отделения востоковедческого факультета в Петербургский университет. Его научными наставниками были академик Н.Я. Марр, И.А. Джавахишвили, впоследствии основатель Грузинского университета в Тбилиси, и выдающийся знаток восточного искусства академик Я.И. Смирнов, которого Георгий Николаевич считал своим учителем. По приглашению Н.Я. Марра он принимает участие в археологических раскопках Ани – древней столицы Армении. Свою первую научную публикацию Г.Н. Чубинашвили посвятил Саорбисской церкви 1152 года¹⁴.

Исследовательская деятельность Г.Н. Чубинашвили имела большие перспективы в столь крупном научном центре, каким являлся Петербург, но революционные события изменили ситуацию, и он вынужден был уехать в 1917 году в Тбилиси. В этом просматривается схожесть судьбы Е.Е. Лансере и Г.Н. Чубинашвили, которые не могли принять революционные идеи в силу своих нравственных и научных убеждений, что заставило их искать прибежища на периферии империи.

Находясь в Тбилиси, в конце 1918 года Г.Н. Чубинашвили был приглашен в Грузинский университет в качестве профессора и руководителя кафедры истории искусства и образованного при ней Кабинета искусствознания. Создание университета и кафедры истории искусств с упомянутым «кабинетом» послужило отправной точкой в изучении культуры и искусства Грузии нового периода. Через небольшое время именно в этом очаге науки были задуманы и осуществлены первые научные экспедиции по изучению и сохранению древнейших памятников грузинской истории. Экспедиция в Давидо-Гареджийскую пустынь, организованная под руководством Г.Н. Чубинашвили, состоялась в сентябре–октябре 1921 года и проходила в трудных полевых условиях.

¹³ Беридзе В.В. Академик Г.Н. Чубинашвили: Краткий обзор научной и общественной деятельности. Тбилиси, 1977. С. 18.

¹⁴ Там же. С. 20. См.: Чубинашвили Г.Н. Саорбисская церковь // Христианский Восток: Серия, посвященная изучению христианской культуры народов Азии и Африки. СПб., 1915. Т. IV. Вып. 2. С. 180–190. Табл. I–VII. Имеется отдельный оттиск статьи.

Давидо-Гареджийская лавра занимает особое место в христианской культуре Грузии. Основанная преподобным Давидом Гареджийским в середине VI века, она в скором времени превратилась в крупнейший комплекс из десятка монастырей, где имелось до тысячи пещерных келий и несколько десятков храмов¹⁵. Развитие этого комплекса продолжалось более тысячелетия и сформировало определенные культурные традиции, которые оказали значительное влияние на всю Грузию.

Экспедиция 1921 года была направлена преимущественно на фиксацию памятников монастырского комплекса, поскольку существовало опасение за возможное разрушение и уничтожение памятников церковного грузинского искусства. К сожалению, эти опасения подтвердились. Как сообщает Г.Н. Чубинашвили, такое разорение имело место в революционные годы: «В 1919 или 1920 году, осенью, проф. Е.С. Такайшвили предложил адъютанту Кавказского Историко-Археологического Института Д.П. Гордееву поехать в Гареджийские монастыри для ознакомления с росписями, ввиду предполагавшегося к изданию сборника статей о прошлом Грузии. Д.П. Гордеев поехал в сопровождении студента (ныне профессора) Ш. Амиранашвили, причем они посетили собственно Давидо-Гареджийский монастырь и прилегающую пустыню Удабно. Пребывание их было особенно кратковременно в связи с тем, что ими установлено совершавшееся милицейским постом уничтожение монастырских библиотеки и архива на растопку печей. Монастыри находились в полном запустении после разгрома, произведенного грабителями года за два перед тем»¹⁶.

Спасение архива и библиотеки Гареджийской пустыни являлось наиважнейшим делом научного сообщества. Обращение к Церкви в лице Католикоса-Патриарха Грузии¹⁷, учитывая его особое положение, «ни к какому положительному результату не привело»¹⁸. Опасность утраты письменных и изобразительных памятников истории Грузии была очень высока. Именно поэтому при возникшей возможности Г.Н. Чубинашвили первым делом организовал экспедицию в Давидо-Гареджийскую пустынь. «Только когда в 1921 году, после установления Советской власти, Отделу охраны памятников искусства и старины при Академическом Центре Наркомпроса ГССР удалось получить некоторую, хотя и скромную сумму для научного исследования страны, я включил изучение пустынь Гареджийского многогорья в первую очередь»¹⁹, – писал Г.Н. Чубинашвили.

Экспедиция проходила в непростой обстановке. Г.Н. Чубинашвили сообщает подробности препятствий и неожиданных встреч: «Направившись сами на осмотр пещерного комплекса Цамебули, мы послали милиционеров с арбой прямо

¹⁵ Чубинашвили Г.Н. Пещерные монастыри Давид-Гареджи. С. IX.

¹⁶ Там же. С. 6.

¹⁷ В этот период, с 1918 по 1921 год, на кафедре Католикоса-Патриарха Грузии находился Леонид (Окропиридзе).

¹⁸ Чубинашвили Г.Н. Пещерные монастыри Давид-Гареджи. С. 6.

¹⁹ Там же.

в Натлис-Мцемели, расположенный тут же на соседнем горном кряже. Вместе с ними отправился и член экспедиции художник Лансере. В монастыре оказалось четверо вооруженных, которые, увидев подъехавшую арбу со стражниками, стали что-то кричать и, после напрасных с обеих сторон попыток понять друг друга, дали несколько выстрелов в воздух и поспешно бежали далее в горы»²⁰.

Имея на руках довольно обширный материал, посвященный изучению Давидо-Гареджийской лавры, и основываясь на фотографиях 1880-х годов, опубликованных для Грузинского общества истории и этнографии в 1913 году художником Т.Г. Кюне, глава экспедиции Г.Н. Чубинашвили надеялся все же застать монастырский комплекс в «сравнительно хорошем виде». Но, как сам он пишет об этом, «мы же в 1921 году во всех таких местах находили только картину сознательного нарочитого разгрома, уничтожения и поломки»²¹. Далее он замечает: «Естественно, при полной неуверенности в “завтрашнем дне” пустынь[ей] я старался для общей характеристики возможно более полно использовать имеющийся в моих руках материал, как это же сознание руководило мною уже при обработке зарисовок и при написании текста»²².

В связи с этим становится понятным привлечение к этой экспедиционной работе художника Е.Е. Лансере. Из-за ограниченности в средствах Г.Н. Чубинашвили стоял перед выбором: брать в экспедицию фотографа или художника. Он знал Е.Е. Лансере как высокого специалиста, художника и сотрудника этнографического музея, имевшего опыт зарисовок памятников культуры. Его участие было важно именно для составления живописных этюдов и карандашных набросков, необходимых для более полного отражения состояния памятников и, главное, для передачи общего «духа» монастырского комплекса. Подобная мысль проскальзывает в желании Г.Н. Чубинашвили показать «развитие искусства в Давид-Гаредже... не в форме нивелирующего “инвентарного” описания собранного материала, а как картину той непосредственно прочувствованной исторической обстановки и преемственности, которая, быть может, не всегда отчетливо доказуема, но которая одна способна дать многим частям материала смысл и связать отдельные части и явления воедино, — дать картину целостного культурного выявления и развития пустынь[ей]»²³. Из приглашенных двух художников откликнулся только Е.Е. Лансере. Г.Н. Чубинашвили дает краткую характеристику его работы в экспедиции: «...академик Е.Е. Лансере смог принять... самое готовое участие в экспедиции и выполнил как задания, которые ему ставились непосредственно там же на месте (в большей части полностью), так и значительное число набросков, которые были им затем разработаны по приезду в Тбилиси»²⁴.

²⁰ Там же. С. 9.

²¹ Там же. С. IX.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 7.

Участие в экспедиции высококлассного специалиста, академика живописи Е.Е. Лансере давало возможность Г.Н. Чубинашвили уже в постановке задачи экспедиции определить художественный принцип – дать общую картину памятника церковной истории и культуры грузинского народа. Такая постановка вопроса, по-видимому, была близка и Е.Е. Лансере – известному и признанному художнику, волей исторических обстоятельств вынужденному подрабатывать то преподавателем живописи в гимназии в Дагестане, то рисовальщиком артефактов в этнографическом музее Тбилиси. Кроме того, важной особенностью данной экспедиции, по-видимому связанной с ситуацией революционного времени, было отсутствие фотографического аппарата для фиксации памятников. Опубликованные в издании 1948 года фотографии, как об этом пишет в предисловии Г.Н. Чубинашвили, «исполнены в подавляющей части во время экспедиции 1929 года»²⁵, в которой Е.Е. Лансере уже не принимал участия. Эти фотографии сделаны Г.Н. Чубинашвили и Ш.Я. Амиранишвили. Другие фотоснимки в публикации выполнены в 1880-х годах фотографом Д.И. Ермаковым и в 1913 году художником Т.Г. Кюне, кроме того, несколько снимков, принадлежавших Институту истории грузинского искусства, были сделаны Л. Склифосовским в 1948 году.

Таким образом, участие Е.Е. Лансере в экспедиции 1921 года имело исключительно важное значение для фиксации памятников Давидо-Гареджийской лавры. Интересно отметить, что к моменту публикации издания в 1948 году, имея на руках обширный иллюстративный материал, в том числе копии с росписей Давидо-Гареджийской лавры, выполненные художником Т.Г. Кюне в 1913 году, и копии, исполненные группой художников «со всеми тонкостями факсимильной передачи во время экспедиции 1929 года»²⁶, Г.Н. Чубинашвили отдает предпочтение рисункам Е.Е. Лансере. Он объясняет это тем, что, по его мнению, указанные работы могут быть использованы «при специальном исследовании самих росписей», которых он касается «только суммарно, только чтобы дать понятие о богатстве»²⁷. Так или иначе, выбор иллюстраций Е.Е. Лансере из столь богатого материала свидетельствует о высоком художественном уровне предпочтенных работ.

В своем предисловии к изданию 1948 года Г.Н. Чубинашвили отмечает, что публикуемый иллюстративный материал «не претендует исчерпать вопрос» и даже «в известной мере страдает от случайности», но при этом он «по праву может быть ярким возбудителем и указанием на заключающиеся в Давид-Гаредже ценности»²⁸. При этом как «ландшафтные акварели», так и фотографии, помимо показа фактического состояния монастырей, «создают мост к пониманию психологии как основателей монастырей, так и последующих насельников, так, нако-

²⁵ Там же. С. IX.

²⁶ Там же. С. X. Среди них упоминаются: Ш. Абрамишвили, К. Магалашвили, С. Майсашвили, Е. Сачаец-Федорович, В. Сидамон-Эристави, Б. Шевяков, Т. Щербатова.

²⁷ Там же. С. X.

²⁸ Там же.

нец, того художественного творчества, которое в них проявилось»²⁹. Г.Н. Чубинашвили дает характеристику творчества Е.Е. Лансере в связи с экспедиционной работой. «Акварели и рисунки академика живописи Е.Е. Лансере ценны как яркостью и точностью передачи, так и многообразием ухваченных им мотивов»³⁰.

В издании 1948 года присутствует тридцать акварелей и карандашных набросков Е.Е. Лансере. Все они представлены в тексте, в отличие от другого иллюстративного материала, который расположен отдельно в конце издания. Цветные иллюстрации Е.Е. Лансере действительно украшают издание и приобретают самостоятельную ценность как комплекс работ одного художника, посвященных единому временному и пространственному объему.

Иллюстрации Е.Е. Лансере распределены в издании в свободном порядке и имеют следующую последовательность.

1. Цамебули. Общий вид.
2. Давид-Гареджа. Общий вид горного кряжа.
3. Давид-Гареджа. Сторожевая башня лавры. Вид при закате солнца.
4. Давид-Гареджа. Внутренний двор лавры с видом на пещеры царевича Георгия.
5. Додос-Рка. Пещера под сторожевой башней. Акварель.
6. Удабно. Общий вид с вершины горы в сторону Тбилиси. Церковь Воскресения.
7. Натлис-Мцемели. Фрагмент стелы входа. Карандаш.
8. Давид-Гареджа. Внутренний вид церкви филиала Иллариона Грузина. Акварель.
9. Додос-Рка. Резной гажевый тимпан. Акварель.
10. Натлис-Мцемели. Внутренний вид главного храма.
11. Натлис-Мцемели. Выход из главного храма.
12. Бертубани. Общий вид росписи трапезной.
13. Бертубани. Деталь росписи главной ниши в трапезной.
14. Удабно. Фресковое изображение царя Димитрия II Самопожертвователя.
15. Удабно. Детали орнаментов росписи из прохода церкви Благовещения и из абсиды церкви Вознесения.
16. Удабно. Общий вид трапезной с росписью.
17. Часть декоративной росписи в арке ниши трапезной.
18. Удабно. Роспись трапезной.
19. Удабно. Изображение ктитора.
20. Удабно. Изображение трех ктиторов.
21. Удабно. Общий вид алтарной росписи церкви Вознесения.
22. Давид-Гареджа. Вид из монастырского двора на вторые ворота.
23. Додос-Рка. Вид пещерной церкви с куполом.
24. Натлис-Мцемели. Пещерная комната с отделанной сталактитами нишей. Карандаш.
28. Додос-Рка. Украшение ниши в келье настоятеля. Деталь.
29. Натлис-Мцемели. Келья Иоанна Бодбели. Карандаш.
30. Натлис-Мцемели. Фрагмент отделки резного гажевого иконостаса. Акварель.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

Таким образом, можно сгруппировать те объекты монастырского комплекса, которые посетила экспедиция 1921 года и которые зафиксированы в рисунках Е.Е. Лансере. Прежде всего, это монастырский комплекс Давид-Гареджа – 5 рисунков.

1. Общий вид горного кряжа.
2. Сторожевая башня лавры. Вид при закате солнца.
3. Внутренний двор лавры с видом на пещеры царевича Георгия.
4. Внутренний вид церкви филиала Иллариона Грузина.
5. Вид из монастырского двора на вторые ворота.

Монастырь Удабно – 9 рисунков.

1. Общий вид с вершины горы в сторону Тбилиси. Церковь Воскресения.
2. Фресковое изображение царя Димитрия II Самопожертвователя.
3. Детали орнаментов росписи из прохода церкви Благовещения и из абсиды церкви Вознесения.
4. Часть декоративной росписи в арке ниши трапезной.
5. Общий вид трапезной с росписью.
6. Роспись трапезной.
7. Изображение ктитора.
8. Изображение трех ктиторов.
9. Общий вид алтарной росписи церкви Вознесения.

Монастырь Додос-Рка – 4 рисунка.

1. Пещера под сторожевой башней. Акварель.
2. Резной гажевый тимпан. Акварель.
3. Украшение ниши в келье настоятеля. Деталь.
4. Вид пещерной церкви с куполом.

Монастырь Натлис-Мцемели (святого Иоанна Крестителя) – 6 рисунков.

1. Фрагмент стелы входа.
2. Внутренний вид главного храма.
3. Выход из главного храма.
4. Пещерная комната с отделанной сталактитами нишей.
5. Келья Иоанна Бодбели. Карандаш.
6. Фрагмент отделки резного гажевого иконостаса.

Монастырь Бертубани – 2 рисунка.

1. Общий вид росписи трапезной.
2. Деталь росписи главной ниши в трапезной.

Монастырь Цамебули – 1 рисунок.

1. Цамебули. Общий вид.

Через месяц после возвращения экспедиции в Тбилиси в первой половине ноября Главным управлением охраны памятников истории и культуры Грузии в собственных помещениях была организована по результатам поездки специальная выставка. Г.Н. Чубинашвили подвел итоги экспедиции в двух докладах 10 и 13 ноября 1921 года, которые впоследствии легли в основу монографии 1948 года³¹.

На выставке были представлены «исполненные художником экспедиции Е.Е. Лансере акварели, равно обработанные им уже в Тбилиси наброски, далее чертежи планов различных монастырских помещений, кальки с записей посетителей прежних веков на грузинском, армянском, греческом, арабском, персидском и турецком языках, а также часть фотографий, исполненных в 1913 году художником Т. Кюне»³². Подводя итог проделанной Е.Е. Лансере в экспедиции работе, Г.Н. Чубинашвили писал: «Рисунки Е.Е. Лансере дают и преследуют цель передачи того общего впечатления, которое производят пустыни. Таким образом, существенное значение имеют видовые картины его. Кроме того им были исполнены специальные эскизы отдельных помещений и, наконец, детали тех или иных украшений. Все это совершенно незаменимый никакими фотографиями, несмотря на их большую точность, материал для понимания всего комплекса»³³.

Небольшая десятидневная экспедиция 1921 года имела большое значение для творческого и духовного пути Е.Е. Лансере. Она означала завершение периода вынужденного творческого кризиса художника, который в силу внешних обстоятельств должен был заниматься художественной практикой иного масштаба, не соизмеримой с талантом Е.Е. Лансере. Выход из художественного «подполья» на простор ландшафта вдохновил художника на целый ряд замечательных видовых рисунков монастырского нагорья, пещерных монастырей и настенных росписей. Кроме того, соприкосновение с великой святыней христианского мира дало художнику силы на дальнейший духовный и жизненный путь.

В настоящее время в русскоязычной литературе нет сведений о местонахождении комплекса рисунков Е.Е. Лансере, привезенных из экспедиции в Давидо-Гареджийскую пустынь. Можно только предполагать, что эти ценные материалы находятся в запасниках Грузинской академии художеств или Института истории грузинского искусства в Тбилиси. Данный вопрос приобретает особую актуальность в связи с утратой значительного объема архивного материала после пожара в здании Института истории грузинского искусства имени Г.Н. Чубинашвили в 1992 году. Нахождение этого комплекса возможно при помощи участников конференции «Россия – Грузия. Диалог культур», что, несомненно, и является тем диалогом культур, который соединяет народы. Уточнение местонахождения рисунков Е.Е. Лансере будет иметь важное значение и, возможно, выразит-

³¹ Там же. С. 19.

³² Там же.

³³ Там же.

ся в проведении выставок этих произведений в столицах наших государств, что привлечет внимание как к неизвестной странице творчества знаменитого художника, так и к прославленной Давидо-Гареджийской лавре.

В заключение необходима еще одна ремарка. В библиотеке Музея имени Андрея Рублева находится экземпляр издания Г.Н. Чубинашвили «Пещерные монастыри Давид-Гареджи», который был приобретен Музеем в 1955 году через Москнигторг. Книга происходит из библиотеки академика архитектуры С.В. Безсонова, о чем свидетельствует подпись на титульном листе. Сергей Васильевич Безсонов – профессор архитектуры, известный искусствовед, автор исследования творчества В.И. Баженова³⁴ и древнерусской архитектуры, в том числе Ростова Великого³⁵. Важно отметить, что издание увидело свет через год после основания Музея имени Андрея Рублева и было приобретено в 1955 году при директорстве Давида Ильича Арсенишвили, который, несомненно, знал автора монографии Г.Н. Чубинашвили и, скорее всего, также и Е.Е. Лансере как по тбилисскому, так и по московскому периоду своей жизни. Несомненно, выбор издания для приобретения в библиотеку Музея был личным выбором нашего первого директора – Д.И. Арсенишвили.

Так, через много лет восстанавливаются связи двух культур. Ступени такого «диалога» являются положительным примером и для современного научного сообщества и позволяют надеяться на его продолжение в дальнейшем.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ

1. Портрет Е.Е. Лансере. 1907 год. Художник К.А. Сомов. ГТГ

³⁴ *Безсонов С.В.* Жизнь и деятельность В.И. Баженова // Архитектура СССР. М., 1937. № 5.

³⁵ *Безсонов С.В.* Ростов Великий // Сокровища русского зодчества. М., 1946.

ИСТОРИЯ

*Митрополит Горийский
и Атенский*

Андрей (Гвазава),

Грузинская Православная Церковь

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ИЗ ИСТОРИИ ГОРИЙСКОГО ДУХОВНОГО УЧИЛИЩА В XIX ВЕКЕ¹

История возникновения Горийского духовного училища восходит к периоду правления Георгия XII, последнего царя Картли-Кахети (10 октября 1746 – 28 декабря 1800; правил с 11 января 1798). К царю обратился князь Иоанн Багратиони с просьбой открыть в Тбилиси и Гори духовные училища классического типа. Еще при царе Ираклии II по ходатайству и трудами Католикоса-Патриарха Антония I (Багратиони), а затем и архимандрита Гайоза (Такаишвили-Бараташвили), впоследствии архиепископа Астраханского, были открыты в Грузии первые духовные семинарии. В них преподавались латынь, древнегреческий и французский языки, логика, риторика, общеобразовательные дисциплины и др.

В начале XIX века вопрос о духовном образовании в Грузии был крайне злободневным и важным. В связи с трагическими событиями в ее истории, разрушительными набегами персов, ранее существовавшие духовные заведения прекратили свою деятельность. Во время экзаршего служения в Грузии митрополита Феофилакта (Русанова), возглавлявшего кафедру в 1817–1821 годах, была открыта в 1817 году Тбилисская духовная семинария, позже – духовные училища в Гори, Телави и Сигнахи.

Преподавание в Горийском духовном училище было ориентировано на миссионерскую деятельность выпускников: в круг изучаемых предметов были включены осетинский и татарский языки. В 1830-х годах выпускники училища принимали участие в работе Осетинской духовной комиссии, с 1860-х годов – в деятельности Общества восстановления православного христианства на Кавказе.

До 1860-х годов преподавание основных предметов велось исключительно на русском и церковнославянском языках. В 1870-х годах во

¹ Тезисы выступления.

время служения архиепископа Иоанникия (Руднева), возглавлявшего экзархат в 1877–1882 годах, была открыта кафедра грузинского языка в Тбилисской духовной семинарии, в шести духовных училищах Грузии стало обязательным преподавание грузинского языка и литературы, правда в недостаточном объеме, около шести часов в неделю.

В период экзаршего служения архиепископа Павла (Лебедева), то есть в 1882–1887 годах, на средства, собранные духовенством Горийского уезда, на участке земли, который был подарен императором Александром III, было построено новое двухэтажное здание Горийского духовного училища. С 1887 года училище начало свою деятельность. Также при экзархе Павле последовало распоряжение Святейшего Синода, в котором обращалось внимание на обязательное изучение родного языка в духовных заведениях, что должно было способствовать лучшему усвоению изучаемых дисциплин.

В 1888 году при экзархе Паллади (Раеве), архиепископе Карталинском и Кахетинском в 1887–1892 годах, святителем Александром (Окропиридзе) в бытность его Горийским епископом были освящены домовая церковь во имя преподобного Георгия Святогорца при духовном училище и вновь построенное училищное здание.

Многие известные церковные и общественные деятели на протяжении XIX века стали выпускниками и преподавателями Горийского духовного училища: святитель Александр (Окропиридзе), Католикосы-Патриархи всея Грузии священномученик Кирион (Садзаглишвили), Леонид (Окропиридзе), Ефрем (Сидамонидзе), епископ Геронтий (Папиташвили), педагоги и писатели, общественные деятели Яков Гогешашвили, Нико Ломоури, Даниил Чонкадзе, Константин Мамацашвили, Нико Кецохели, священномученики Петр и Андрей Карбелашвили и многие другие.

В 1917 году правительство Грузии упразднило Горийское духовное училище, а здание было национализировано. В 1921 году в Гори произошло сильное землетрясение, вследствие чего в городе не осталось ни одного целого сооружения. Также пострадало училищное здание, превратившись из двухэтажного в одноэтажное. В последующие 90 лет в помещении училища располагались разные образовательные учреждения, и лишь в 2003 году, в крайне запущенном состоянии, здание было передано Грузинской Православной Церкви. По милости Божией и при помощи благотворителей после восстановительных работ и реставрации училищное здание вновь приобрело первоначальный вид.

30 октября 2006 года епископом Самтависским и Горийским Андреем (Гвазавой) были освящены училищный храм во имя преподобного Георгия Святогорца и восстановленное здание. В ноябре этого же года Горийское духовное училище посетил и благословил Святейший и Блаженнейший Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II.

**Митрополит Сенакский
и Чхороцкусский
Шио (Муджири),**

Грузинская Православная Церковь

**ДУХОВНЫЕ СВЯЗИ
ИЕРОМОНАХА
ФЕОДОСИЯ
(ЭРИСТАВИ)
С МОНАХАМИ
РУССКОГО
ПАНТЕЛЕИМОНОВА
МОНАСТЫРЯ НА
АФОНЕ В КОНЦЕ
XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА¹**

1

Иеросхимонах Феодосий (Эристави) (1839–1905), в миру князь Федор Георгиевич Эристави, в монашестве – Феодор, в схиме – Феодосий, был подвижником Гелатского монастыря в Западной Грузии, а впоследствии духовником грузинских монахов Иоанно-Богословской обители на Афоне. Он по праву почитается как выдающийся духоносный старец своего времени. Многие грузинские монахи, и в первую очередь известный подвижник благочестия преподобный Алексей Сенакский (Шушания), почти наш современник (1852–1923), в сложное время конца XIX – начала XX века, в период повсюду наступившей духовной теплохладности, сумели сохранить лучшие черты древнего грузинского монашества во многом благодаря общению с иеросхимонахом Феодосием. Отец Алексей был приглашен на Афон с целью переписывания духовной литературы, богослужебных книг и древних грузинский рукописей, поскольку он в совершенстве владел искусством каллиграфии. Пробыл он там около пяти месяцев и вернулся на родину, но и по возвращении продолжал поддерживать духовные связи с отцом Феодосием.

¹ Тезисы выступления. Текст составлен по материалам книги «Русский афонский отечник XIX–XX веков» (Св. Гора Афон, 2012), архива Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне, документы которого любезно предоставил автору заведующий архивом монах Ермолай (Чезня), а также по материалам Кутаисского исторического музея и архива обители на «Острове Архангелов» в Сенаки (Грузия).

+

19

Всесвятости и и и
Вашею милости,

Присемь посылаю три книги
которые были у меня для про-
чтания съ большимъ сердечнымъ
благодарениемъ. При этомъ еще
весьмакою Васъ моими обвинуемъ
съ прозвонаніи, благословите
Вашею милости, если можно съ ду-
шею книги: 1 Творение Нила
Синайскаго и 2. Максима
Исповѣдника. — простите,
благословите Отца,
недоетъ С. Водора.

..16.. Іюня 1886 г.

Грчс. Богос. Коллѣж.

Иеромонах Феодор (Эристави), как и многие грузинские монахи, не один раз приезжал на Афон. И в 1880 году он прибыл на Святую гору с твердым намерением остаться там навсегда. Он обосновался в Иоанно-Богословской обители, построенной трудами иеромонаха Венедикта (Баркалая). Вследствие своей высокой духовности и благочестивой жизни отец Феодор в скором времени стал известен всему Афону. Около 1903 года иеромонах Феодор был пострижен в великую схиму с именем Феодосий.

Еще в 1870-е годы, до окончательного поселения на Афоне, иеромонаху Феодору пришлось принять участие в событиях, связанных с Русским Пантелеимоновым монастырем. Отец Феодор состоял в близких духовных отношениях со многими афонскими подвижниками Свято-Пантелеимонова монастыря: неросхимонахом Иеронимом (Соломенцевым), схиархимандритом Макарием (Сушкиным), схимонахом Денасием (Юшковым), неросхимонахами Агафодором (Будановым), Владимиром (Колесниковым), Вениамином (Малышевым) и др.

Иеромонах Феодор очень скоро заслужил большую любовь и уважение братии Богословской келлии. Уже после десятилетнего его пребывания на Афоне отец Денасий (Юшков) в своих записках, сохранившихся в архиве Пантелеимонова монастыря, называет его духовником обители и отмечает, что сам всегда старался получить от него наставления, поскольку тот обладал особым пастырским даром. Вот как описывает отца Феодора насельник Пантелеимоновой обители отец Владимир (Колесников): «Усердный труженик... старец, духовник хорошей жизни, многими почитаемый, но очень смиренный и обходительный».

Отец Феодор регулярно переписывался со старцами Руссика, испрашивал у них советов по духовным делам и помощи в преодолении житейских и материальных трудностей. Очень почитали отца Феодора и афонские пустыnnики, например великий калиагрский отшельник неросхимонах Вениамин (Малышев) в одном из писем отмечал, что тот обладал даром «богатой и всесторонней» рассудительности. Стяжанию отцом Феодосием дара рассудительности, кроме прочих монашеских подвигов, способствовали также его любовь к духовному чтению и обширные знания в области святоотеческой аскетической литературы. Замечательна особая духовная позиция неросхимонаха Феодосия в так называемом «грузинском деле», связанном с Иоанно-Богословским монастырем, восстановленным иеромонахом Венедиктом (Баркалая).

Современники также отмечали особый молитвенный настрой в обители, окормляемой отцом Феодосием. В частности, отец Владимир (Колесников) на-

4

сий Сенакский, уединившийся в затворе на так называемом Острове Архангелов вблизи небольшого городка Мингрелии – Сенаки, в Западной Грузии.

В заключение для подтверждения приведенных сведений об иеросхимонахе Феодосии (Эристави) процитируем также слова неизвестного летописца Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне: «Эта светлая личность заслуживает не только краткого биографического очерка, но целого жизнеописания, и дай Господи, чтобы таковое рано ли, поздно ли кем-нибудь из числа многих искренних почитателей его было написано и явлено миру». А известный исследователь Афона П.В. Троицкий так вторит летописцу, характеризуя отца Феодосия: «Достоинный украсить историю Афона не только своим происхождением, но и своей монашеской жизнью».

ИЛЛЮСТРАЦИИ

1. Грузинская обитель во имя апостола Иоанна Богослова на Афоне
2. Письмо иеросхимонаха Феодосия (Эристави) схимонаху Матфею (Ольшанскому)
3. Схимонах Матфей (Ольшанский)
4. Преподобный Алексий Сенакский (Шушания)

писал в своем дневнике: «Грузины – лучшие монахи на Афоне». Сохранился отзыв настоятеля грузинской обители апостола Иоанна Богослова иеромонаха Ионы (Хоштария), преемника иеросхимонаха Венедикта, об отце Феодосии. В письме к известному в Грузии общественному деятелю Александру Хаханашвили от 2 июня 1905 года отец Иона среди прочего сообщает о кончине иеросхимонаха Феодосия (Эристави) 25 мая 1905 года, называя его при этом гордостью и опорой грузинского братства и их духовным отцом.

Надлежит заметить, что среди духовных чад иеросхимонаха Феодосия были не только афонские подвижники Иоанно-Богословской обители, но и монахи, подвизавшиеся в Грузии, духовную связь с которыми он поддерживал и с Афона. Среди таковых особое место занимает упоминаемый выше преподобный Алексий

И. Е. Мельникова,
Православный Свято-
Тихоновский гуманитарный
университет

**СЛУЖЕНИЕ
СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
ГЕРМОГЕНА
(ДОЛГАНОВА)¹
В ГРУЗИИ В ПЕРИОД
С 1893 ПО 1900 ГОД**

В рамках подготовки к Поместному Собору 1917–1918 годов, на котором должны были рассматриваться накопившиеся вопросы церковной жизни, они предварительно проходили обсуждение в разных комиссиях. Наиболее детальное обсуждение проблем имело место на заседаниях отделов Предсоборного присутствия, работавшего с марта по декабрь 1906 года. Одним из вопросов, рассматриваемых на заседаниях II отдела Предсоборного присутствия, был вопрос о Грузинской Церкви, для чего была специально создана комиссия «Об устройении церковных дел на Кавказе»².

Комиссия была ознакомлена с докладом епископа Имеретинского Леонида (Окропиридзе), в котором в очень резкой форме прозвучала критика в адрес почти всех 19 экзархов, служивших в Грузии. Они обвинялись в преследовании национальных традиций и культурных особенностей, а также в нерадивом исполнении своих экзарших обязанностей³. В ответ участники дискуссии констатировали, что Грузинская Церковь к моменту присоединения Картли-Кахетинского царства к России в 1801 году

¹ Епископ Тобольский и Сибирский Гермоген (Долганов) 16 июня 1918 года мученически погиб, брошенный в реку Туру с камнем на шею. Деянием Юбилейного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви он причислен к лику священномучеников, день памяти 16 (29) июня.

² Этому предшествовала в период с мая по июнь 1905 года подача ряда петиций, направленных представителями грузинского духовенства, дворян и других сословий. По указу императора, Святейший Синод, выслушав предложение обер-прокурора от 21 декабря 1905 года за № 9200, принял решение пригласить к 15 января 1906 года в Санкт-Петербург «для обсуждения в особом совещании Святейшего Синода вопроса об устройении церковных дел на Кавказе» епископов Орловского и Севского Кириона (Садзаглишвили) и Имеретинского Леонида (Окропиридзе), «близко знакомых с местными церковными нуждами означенного края» (Центральный государственный исторический архив Грузии (ЦИИАГ). Ф. 1458. Оп. 1. Д. 174. Л. 10).

³ Журналы заседаний II-го отдела Высочайше учрежденного Присутствия при Св. Синоде для разработки подлежащих рассмотрению на Поместном церковном Соборе вопросов // Об устройении церковных дел на Кавказе. СПб., 1907. С. 1–42. Протокол № 1 от 2 июня, протокол № 2 от 8 июня 1906 года.

находилась «в плачевном состоянии»⁴. Следует подчеркнуть, что взаимные обвинения и упреки представителей Русской и Грузинской Церквей, которые были высказаны во время работы особой комиссии по вопросу о Грузинской Церкви, звучат и поныне, став расхожими стереотипами в российской и грузинской историографии. На примере хроники служения отдельных выдающихся личностей в Грузии попытаемся проанализировать правомочность этих обвинений.

К числу выдающихся деятелей Церкви принадлежит священномученик Гермоген (Долганов), служивший в Грузинском Экзархате в период с 1893 по 1900 год. Одним из упреков, прозвучавших в докладе преосвященного Леониды, было обвинение в том, что ректорами и инспекторами духовных заведений в Грузии в период существования Экзархата были русские – выпускники российских духовных академий, которым трудно было найти общий язык с семинаристами-грузинами. Служение в Тифлисской духовной семинарии святителя Гермогена (Долганова), его теплые доверительные отношения с штотмцами, которые сохранились и после его отъезда из Грузии, свидетельствуют о некоторой предвзятости предъявленных обвинений.

В 1893 году иеромонах Гермоген, окончив полный курс на историческом отделении Санкт-Петербургской духовной академии со степенью кандидата богословия, указом Святейшего Синода от 17 сентября за № 4193 назначается инспектором Тифлисской духовной семинарии⁵. Следует отметить, что в конце XIX века в духовно-учебной системе Российской империи, в том числе и в Грузинском Экзархате, имели место значительные сложности и нестроения, выразившиеся в активных протестных акциях учащихся. Так, при экзархе архиепископе Павле (Лебедеве) было совершено убийство ректора Тифлисской духовной семинарии протоиерея Павла Чудецкого⁶.

Иеромонах Гермоген начал свое служение в период экзаршества архиепископа Карталинского и Кахетинского Владимира (Богоявленского) (1892–1898), одного из видных иерархов Русской Православной Церкви, также принявшего мученическую кончину в начале богоборческого периода († 25.01(7.02)1918 года, в сане митрополита Киевского и Галицкого). Отец Гермоген активно включился в церковную жизнь Грузинского Экзархата, принимая участие во всех начинаниях и делах архиепископа Владимира. Во время инспекторского служения иеромонах Гермоген исполнял самые разнообразные обязанности: входил в состав

⁴ Там же.

⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 439. Д. 285. Л. 23–31 об. Формулярный список о службе преосвященного Гермогена, епископа Саратовского и Царицынского, составлен в сентябре 1909 года. Священномученик Гермоген, в миру Георгий Ефремович Долганов, родился 25 апреля 1858 года в Херсонской губернии в семье священника. В Новороссийском университете прослушал курсы юридического, математического, историко-философского факультетов. Поступил в 1889 году в Санкт-Петербургскую духовную академию. В этом же году пострижен в монашество ректором академии преосвященным Антонием (Вадковским), епископом Выборгским. 2 декабря 1890 года рукоположен во иеродиакона, 15 марта 1892 года – во иеромонаха.

⁶ Протоиерей Павел Чудецкий (1844–1886), выпускник Киевской духовной академии, был убит в своей квартире исколоченным из семинарии учеником И. Лагивым 24 мая 1886 года. Похоронен в ограде Александро-Невской Кукийской (русской) церкви в Тифлисе.

Грузинского епархиального училищного совета, был председателем экзаменационной комиссии для испытания в «звании соответствующих предметов» будущих учителей церковно-приходских школ, а также лиц, «ищущих диаконского и священнического сана»⁷.

Отец Гермоген принимал участие и в трудах по обустройству быта семинаристов, был членом «комитета по исправлению (ремонту. – *II. M.*) принадлежащего Синодальной канторе (Грузино-Имеретинской синодальной канторе. – *II. M.*), что на Сионской ул., предназначенного под временное помещение учеников Тифлисской духовной семинарии»⁸. Исполнял обязанности цензора русского текста журнала «Пастырь»⁹. Он был надежным помощником экзарха Владимира в трудах по устройению церковно-приходских школ, в проведении внебогослужебных религиозно-нравственных чтений, в создании епархиального духовно-просветительского братства, деятельность которого была связана с духовным окормлением и просвещением населения городских окраин Тифлиса (рабочих разных национальностей, в большинстве своем русских), известных под названиями Колочая балка, Харпухи, Пески. При приходских храмах, открываемых в этих районах при деятельном участии отца Гермогена, устраивались церковно-приходские школы.

Иеромонах Гермоген был составителем учебных программ для церковно-приходских школ при Мцхетском (Самтавро) и Бодбийском монастырях. Долгие годы его связывали добрые отношения с игумениями Бодбийского женского монастыря, много потрудившимися для создания при нем образцовой церковно-приходской школы для девочек, Ювеналией-старшей (Ловенецкой) и Ювеналией-младшей (Марджанишвили), впоследствии подвижницы благочестия схиигумении Фамари.

Церковные труды иеромонаха Гермогена на ниве духовного просвещения были отмечены следующими наградами: 6 февраля 1894 года он награжден набедренником «с преподанием благословения возлагать оный при богослужении»¹⁰. При этом особо отмечались его «распорядительная деятельность, примерно усердная и полезная служба по занимаемой им должности»¹¹. В этом же году определением Синода от 7–27 апреля награжден наперсным крестом¹². В 1896 году был награжден серебряной медалью на Александровской ленте «в память в Бозе почившего Государя императора Александра III»¹³. 6 мая 1897 года

⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 439. Д. 285. Формулярный список. Л. 24 об. С 22 октября 1893 г. по 18 июля 1897 г.

⁸ Там же. Л. 27 об.

⁹ Там же. Журнал «Пастырь» издавался под редакцией протоиерея Давида Гамбашидзе параллельно на русском и грузинском языках (ფუბუბო).

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 26 об.

¹³ Там же.

удостоен ордена Святой Анны 3-й степени¹⁴. 14 мая 1898 года возведен в сан архимандрита «ко дню рождения Его Императорского Величества»¹⁵, назначен ректором Тифлисской духовной семинарии «по определению Святейшего Синода от 17/18 июля 1898 г. за № 2560»¹⁶. Будучи ректором, отец Гермоген состоял членом Грузино-Имеретинской синодальной конторы и председателем Грузинского епархиального училищного Совета¹⁷, редактором «Духовного вестника Грузинского Экзархата», председателем комитета Братства святого апостола Андрея Первозванного при Тифлисской духовной семинарии, членом Общества восстановления православного христианства на Кавказе, цензором проповедей священников города Тифлиса¹⁸.

Во время служения в Грузии отец Гермоген старался со своими воспитанниками посещать наиболее чтимые местные святыни, совершая там молебны. Так описывает свои путевые впечатления от поездки во Мцхета группой из 35 учеников Тифлисской семинарии 20 октября 1898 года воспитанник VI класса Александр Аладов: «О. Ректор семинарии архимандрит Гермоген с искренним сочувствием отнесся к нашему доброму намерению: он не только благословил наше намерение, но и решил вместе с нами совершить паломничество»¹⁹. Представляет интерес описание автором святыни Грузии Мцхета в конце XIX века: «... печальную картину представляет он (Мцхета. — *II. М.*). Груда врытых в землю обиталищ человеческих с плоскими земляными крышами и миниатюрными дворами. Но среди жалких лачуг Мцхета мощно поднимается великий памятник былой славы и величия “Светицховели”. Недалеко — Самтаврский храм... А с высоты соседней крутой горы уныло смотрит на окрестности некогда великолепный, но ныне полуразрушенный монастырь Святого Креста (Джвари. — *II. М.*)»²⁰. Паломники-семинаристы во главе с ректором поклонились мцхетским святыням. Впечатления архимандрита Гермогена от знакомства с местными грузинскими святынями нашли отражение в его труде под названием «Записка о высоком церковном, государственном и общественном значении для Кавказа дела возобновления и благоустройства монастырей, храмов и других чтимых народом святынь. Общие соображения по этому поводу в связи с историей грузинской народности»²¹.

17 декабря 1900 года Синодом принимается решение о назначении архимандрита Гермогена епископом Вольским, викарием Саратовской епархии. По сообщению на страницах «Духовного вестника Грузинского Экзархата» преподавателя Тифлисской семинарии Ильи Перадзе, проводы архимандрита Гермогена,

¹⁴ Там же. Л. 29 об.

¹⁵ Духовный вестник Грузинского Экзархата. Тифлис, 1898. № 11. Ч. офиц. С. 2. (Далее — ДВГЭ).

¹⁶ Формулярный список. Л. 29 об.

¹⁷ ДВГЭ. 1898. № 21. Ч. офиц. С. 2. Указ Св. Синода от 16 сентября 1898 года.

¹⁸ Формулярный список. Л. 30 об. С. 18 июля 1898 года по 17 декабря 1900 года.

¹⁹ ДВГЭ. 1898. № 22–23. С. 12.

²⁰ Там же.

²¹ *Мраморнов А.И.* Церковно- и общественно-политическая деятельность епископа Гермогена (Долганова, 1858–1918). Саратов, 2006. С. 17.

7 лет прослужившего на этом поприще, «не отличались пышностью и торжественностью, но зато носили простой задушевный характер, который как нельзя лучше соответствует основным качествам его души и который он в бытность в семинарии так высоко ценил»²². И после перевода из Грузии на новое место служения в Саратовскую епархию бывшие питомцы из Тифлисской духовной семинарии по-прежнему делились с ним своими сокровенными мыслями, что свидетельствует о теплых и доверительных отношениях между ректором и его студентами. Цитируемые фрагменты из некоторых писем, приведенных в данном сообщении, это наглядно подтверждают.

Так, в письме от 9 февраля 1902 года надзиратель при Кутаисском духовном училище Виктор Ефремович Шарабидзе, объясняя причину своего обращения к преосвященному Гермогену, пишет: «Глубокое сознание Вашего смирения, любовь, которой я любил Вас, когда Вы были моим начальником и отцом, и которого искренно люблю по сие время, дают мне смелость напомнить о себе лицу, который так меня любил и воспитал»²³. Автор письма, выражая сожаление о том, что ему «пока не удалось быть пастырем церкви», говорит о чувстве, которое он испытывает, когда ему «приходится читать и петь на клиросе среди питомцев нашего училища». Благодарит преосвященного Гермогена за духовное окормление и свидетельствует, что именно в семинарии он получил «чувство религиозное», и надеется на то, что оно и «та любовь к Дому Божию, которую так глубоко вселили Вы во мне, никогда не угаснут». И далее продолжает: «...рано или поздно (кажется скоро) и я буду возносить Богу молитвы за всех православных христиан». И заключает свое откровенное письмо тем, что просит «только молитв Владыки Гермогена о себе и о питомцах училища... и прочее мне ничего не нужно»²⁴.

Священник Вениамин Контридзе на протяжении многих лет писал преосвященному Гермогену, делясь сокровенными мыслями, вспоминая годы своего служения под началом владыки в Грузии. Так, и в письме от 9 марта 1901 года, спустя три месяца после перевода святителя на новое место служения, отец Вениамин заметил, что для «близстоящих» к владыке и «потому более других испытавших всю теплоту и задушевность его добрых отношений эти три месяца кажутся столетиями»²⁵. Автор письма совершал свое священническое служение в одном из рабочих районов Тифлиса, Харпухи, где трудами преосвященного Гермогена была устроена приходская церковь и церковно-приходская школа при ней. Описывая проводимые в храме богослужения, отец Вениамин отмечает: «Уми-

²² ДВГЭ. 1900. № 22–23. С. 12. 14 (27) января 1901 года, в день памяти равноапостольной Нины, просветительницы Грузии, в Казанском соборе Санкт-Петербурга состоялась хиротония архимандрита Гермогена во епископа Вольского, викария Саратовской епархии.

²³ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 1132. Оп. 1. Д. 168. Л. 32–33. Здесь и далее цитаты воспроизводятся в современной орфографии и пунктуации.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Д. 167. Л. 46–49.

лительный вид представляется, когда накануне воскресных и праздничных дней украшенная церковь почти вся переполняется молящимися и оглашается стройным пением школьников»²⁶. Напоминая о том, что в свое время владыка приложил много сил для налаживания благочинной церковной жизни в этом храме, он заканчивает письмо так: «До земли кланяется Харпухи своим населением, школами, учащими и людом церковным. Испрашиваю Вашего святительского благословения, неизменный и пожизненный Ваш послушник священник Контридзе»²⁷. В последующих письмах²⁸ отец Вениамин так обращается к преосвященному Гермогену: «Незабвенный начальник, воздержания учитель и редкий в наш век молитвенника пример, любвеобильный Владыка Отец Гермоген!» И отмечает, что владыка был и остается для него «неизгладимым живым примером возможной христианской жизни и пастырского делания».

О малоизвестной стороне внутренней духовной жизни святителя Гермогена свидетельствует письмо его духовного сына Ионы²⁹. Как следует из письма, отец Гермоген поручил ему детально ознакомиться с монастырем Рождества Пресвятой Богородицы в местечке Бетани, «в северо-западной стороне от Тифлиса в 20 верстах от него», и выяснить возможность построения здесь кельи. «Интересующий Вас монастырь или, вернее, печальные остатки древнего величественного монастыря... находятся в низменной местности, окруженной горами... Снаружи он во многих местах обрушился, особенно купол, внутри от продолжительного запустения краска с изображений отчасти стерлась, отчасти потемнела... Стена, заменяющая иконостас, не существует»³⁰. Далее послушник Иона продолжает: «...западная стена храма в своей северной части дала значительную трещину снизу доверху: вот и все – никаких икон, никаких драгоценностей или достопримечательностей, а если что и было когда-то, оно в свое время унесено татарами (так в тексте. – И. М.)»³¹.

Послушник Иона сообщает о том, что вблизи этого полуразрушенного храма подвизается «иеромонах Спиридон с двумя послушниками». Они на месте какого-то разрушенного помещения создали «миниатюрную церковь сажени в 1 ½ шириною и в 2 длиною, которая и будет освящена 17 мая с разрешения владыки. «Хозяйства, конечно, никакого – нет здесь ни коров, ни овец, ни чего-либо подобного, если не считать одной кошки, одного песика и четырех голубей, подаренных богомольцами», – пишет послушник Иона. И далее продолжает, что здесь нет ни сада или огорода, «правда, в текущем году ими посажены, как они утверждают, некоторые овощи, но вопрос: взойдут ли они?». Далее автор письма отмечает, что в случае пребывания здесь летом следует учесть, что здешний

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Д. 168. Л. 160–164. Письмо от 17 июня 1903 года.

²⁹ Предположительно впоследствии – священник Иона Брехничев.

³⁰ ГАСО. Ф. 1132. Оп. 1. Д. 167. Л. 17 об – 18 об.

³¹ Там же.

климат «должно причислить отнюдь не к холодным», и сообщает, что растительности поблизости почти нет за исключением нескольких маленьких деревьев «в рост человека» и орешникового кустарника. В конце он пишет: «Можете уже сами заключить, можно ли Вам выехать сюда на лето или нет. Особенно при таком расстройении здоровья, как Ваше»³².

Обращались к архимандриту Гермогену за поддержкой по самым разным вопросам не только студенты семинарии, но и коллеги, служившие по духовному ведомству. В письме от 5 сентября 1896 года епархиальный наблюдатель школ Грузинской епархии Н. Татиев благодарит отца Гермогена за содействие в командировании его на Всероссийскую выставку в Нижний Новгород, где были представлены в том числе церковно-приходские школы и школы грамоты³³. Интерес вызывает его впечатление от этой выставки, желание изучить имеющийся опыт других российских церковно-приходских школ, чтобы перенять его и воспользоваться им в организации школьного дела в Грузии: «Если Господь поможет мне, думаю в Петербурге подробно познакомиться с второклассною школою»³⁴, примеры которой демонстрировались на выставке. Н. Татиев излагает финансовые трудности в связи с недостатком командировочных денег на проезд и проживание. И далее делится своими размышлениями об увиденном: «Всероссийская выставка своею обширностью и многосторонностью приводит меня всякий раз в необычный восторг... Могу сказать, что на Выставке я увидел всю Россию от края до края с ее внутренней жизнью. Когда я смотрю на тот или другой отдел Выставки, невольно приходится сказать, что мы все, даже люди с высшим образованием, слишком мало знаем Россию, — наши познания о ней кажутся самыми ничтожными... Здесь для всякого специалиста есть обширный материал, чтобы он мог проверить и дополнить свои познания»³⁵.

Исполняя самые разнообразные послушания по роду своих служебных обязанностей, архимандрит Гермоген в какой-то степени занимался и делами Урмийской миссии³⁶, что подтверждает письмо к нему от 26 февраля 1898 года епископа Мар Ионы. Письмо прислано из Санкт-Петербурга и содержит подробности приема владыки церковным начальством, а также его впечатления от воскресной службы в Исаакиевском соборе перед Великим постом «в день заговения»³⁷.

Цитируемые фрагменты писем выпускников Тифлисской духовной семинарии — грузин свидетельствуют о том, что упреки в докладе преосвящен-

³² Там же. Видимо, отец Гермоген намеревался здесь в келье, построенной вблизи древнего монастыря Бетани (Вифания в русской транскрипции), переждать изнурительную 40-градусную жару, которая наступала в Грузии в июле–августе.

³³ ДВГЭ. 1896. № 17. С. 21.

³⁴ Подразумевается новый тип церковно-приходских школ, обучение в которых длилось четыре года за счет расширения учебных программ.

³⁵ ГАСО. Ф. 1132. Оп. 1. Д. 167. Л. 6–8 об.

³⁶ Урмийская миссия действовала в период с 1898 по 1918 год в приграничных с Грузией районах Ирана, была создана для обращения в православие ассирийцев — несториан.

³⁷ ГАСО. Ф. 1132. Оп. 1. Д. 167. Л. 11–12 об.

ного Леонида не всегда правомочны. Обвинения в том, что не было взаимопонимания между ректором и инспектором, на должности которых назначались русские, выпускники российских академий, и семинаристами-грузинами, – явное преувеличение. И дело было не в национальности учащих и учащихся, а во внутреннем духовном устройении первых и желании вторых воспринять этот высокий дух. Тем более что указанные письма датируются 1902–1903 годами, когда начинают оформляться разные антагонистические антирусские настроения. Следовательно, можно предположить, что если и существовало непонимание между начальствующими русскими и семинаристами-грузинами, то оно было вызвано «оскудением любви» во всем обществе, то есть явно объективными причинами, имевшими место во всей Российской империи, а не конкретно в Грузии.

Таким образом, приведенная в данном сообщении хроника служения священномученика Гермогена (Долганова) в Грузии в период с 1893 по 1900 год, его многочисленные труды на ниве духовного просвещения и доверительные, теплые отношения со своими питомцами – выпускниками Тифлисской духовной семинарии, нашедшими отражение в их письмах, позволяют усомниться в той резкой критике, которая прозвучала в докладе епископа Имеретинского Леонида (Окропиридзе) во время обсуждения грузинского церковного вопроса в 1906 году.

Иерей Александр Шелкачев,
Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет

**ОБСУЖДЕНИЕ
ВОПРОСА
ОБ АВТОКЕФАЛИИ
ГРУЗИНСКОЙ
ЦЕРКВИ В ОТЗЫВАХ
ЕПИСКОПОВ РУССКОЙ
ЦЕРКВИ 1905 ГОДА
И НА ЗАСЕДАНИЯХ
ПРЕДСОБОРНОГО
ПРИСУТСТВИЯ
В 1906 ГОДУ**

Важнейшие для истории Русской и Грузинской Церквей вопросы о каноничности указа о подчинении грузинских архиереев российскому Синоду, о последствиях управления Церковью в Грузии русскими экзархами, не владевшими языком коренного населения, и о восстановлении самостоятельности Грузинской Церкви подробно обсуждались на заседаниях Предсоборного присутствия в 1906 году. В дискуссиях по этим вопросам принимали участие представители самых разных взглядов, имевшие возможность откровенно высказывать свое мнение. Были случаи, когда спорившие употребляли резкие слова, а иногда речи противников истолковывались в обидном смысле, но в целом это не помешало всем участникам достаточно подробно рассказать о своем видении проблем. На последнем заседании отсутствовали почти все сторонники грузинской автокефалии, и это отразилось на принятых отделом решениях, но на предыдущих заседаниях эти участники высказались достаточно подробно.

При изучении документов Присутствия полезно ознакомиться с отзывами всех русских епископов, содержащих их мнения о главных задачах предстоящего Поместного Собора Русской Церкви. Отзывы эти были составлены правящими архиереями в 1905 году по просьбе обер-прокурора Святейшего Синода. Конечно, при обсуждениях в отделах Присутствия все вопросы рассматривались гораздо подробнее, но из отзывов можно лучше узнать, как относилось большинство архиереев к каждой проблеме. Кроме того, не все мнения были подробно рассмотрены участниками работы Присутствия, а некоторые практически не обсуждались совсем. Определяя состав работников Присутствия, Синод стремился дать возможность высказать все взгляды, но очевидно, что полностью такая цель при ограниченном составе участников достигнута быть не может. Существенно также, что привлеченные к работе в Присутствии

архиереи, как и другие его члены, могли работать только в одном отделе. Все обсуждения проходили именно в отделах, а на пленарных заседаниях принимались решения при ограниченных возможностях для дискуссии. При составлении отзыва епископы могли высказываться по любому важному, с их точки зрения, вопросу так подробно, как они того желали. Дискуссия о положении Церкви на Кавказе и о Грузинской автокефалии велась во втором отделе Присутствия, где рассматривался вопрос о митрополичьих округах¹.

В основном, конечно, обсуждалось положение Церкви в Грузии после объединения с Российской империей, история утраты автокефалии, каноничность и целесообразность ее восстановления. Но и вопросы, связанные с культурными и общественно-политическими последствиями объединения с Россией, выгодами или ущербом для грузинского народа от этого объединения, не могли не затрагиваться. Важно знать представления участников церковной дискуссии о проблемах политических и культурных на Северном Кавказе для полного и правильного понимания их взглядов на церковную ситуацию. Некоторые стороны этих проблем будут затронуты в настоящем сообщении.

В XIX столетии мало кто из русских людей мог представить, что при равенстве в правах православных грузин и русских грузинская культура может подвергаться каким-то стеснениям или ограничениям. Возможно, что в первой половине этого столетия и большинство грузин так думали. Подобное отношение хорошо выражалось в известной поэме М.Ю. Лермонтова «Мцыри»:

...Как, удручен своим венцом,
Такой-то царь, в такой-то год
Вручал России свой народ.

И Божья благодать сошла
На Грузию! Она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасая врагов,
За гранью дружеских штыков.

В действительности если проблемы между русскими властями и грузинским народом в первой половине XIX века могли представляться временными, частными, случайными, связанными с ошибками отдельных представителей администрации или со временной неприспособленностью части грузин к условиям новой жизни, и предполагалось, что рано или поздно эти явления, о которых большинство в России просто не знало, исчезнут без следа, то во второй половине этого столетия напряженность в отношениях грузинского народа и русской

¹ Смолитц П.К. История Русской Церкви: 1700–1917. М., 1997. Кн. VIII. Ч. 2. С. 713.

администрации приобретает систематический характер. Это связано с общим изменением российской политики в национальном вопросе².

Начиная с конца 1850-х годов все большее число государственных деятелей делаются сторонниками политики русификации в отношении всех народов, живших на территории Российской империи. Сочувствие цесаревича Александра Александровича, ставшего в 1865 году наследником престола, способствовало присоединению к этому направлению значительного количества высших чиновников. В царствование Александра II, в значительной степени сохранявшего отношение своего отца императора Николая I к верноподданным прибалтийским немцам, русификация еще не могла сделаться господствующей в национальной политике, несмотря на явное сочувствие наследника, неоднократно получавшего от отца наставление не следовать во всем советам людей, которых император именовал «нашей ультрапатриотической партией».

По смыслу манифеста Александра I, согласившегося принять Грузию в свое подданство, он реально делался царем Иверии – в отличие от бывших до него русских царей, принимавших этот титул по просьбе грузинских властителей. При этом Иверия соединялась с Россией лишь личностью общего государя и должна была сохранять значительную самостоятельность и самобытность. Мало кто понимал важное различие, что царь грузинский вручил свой народ не России, как сказано в процитированной выше поэме М.Ю. Лермонтова, а русскому императору.

Реально статус Грузии был неясен, и порядок управления менялся во времени. До 1881 года в Тифлис назначались наместники Кавказа. Означало ли это, что весь Кавказ отождествлялся с Иверским царством? Безусловно, этого могли желать грузинские патриоты, но такое понимание не получало официального подтверждения. Реальнее было отождествлять границы Иверского царства с границами Экзархата, возникшего на месте самостоятельного Грузинского патриархата.

В первые десятилетия после воссоединения Грузии с Россией большое количество выходцев из России на руководящих постах в наместничестве можно было объяснять недостатком нужных кадров среди грузинского дворянства. То, что все экзархи после митрополита Варлаама (Эристава) были русскими по национальности, также оправдывалось тем, что представители грузинского духовенства не имели высшего богословского образования и якобы плохо понимали необходимость преобразований в церковной жизни³. С развитием гласности во второй половине XIX века и по мере того, как политика русификации все более утверждалась на Кавказе, недовольство местных народов, и в первую очередь грузин, стало известным русскому образованному обществу.

При императоре Александре III вместо наместников на Кавказе появились главнокомандующие войсками, из чего можно было предположить неосновательность надежд на появление автономного Иверского царства, подобного Ве-

² *Витте С.Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 1. С. 40–42.

³ *Смолитч П.К.* Указ. соч. 1996. Кн. VIII. Ч. 1. С. 272.

ликому княжеству Финляндскому, с преобладающей ролью грузин в управлении и с использованием администрацией грузинского языка. Многие представители правящих кругов империи были обеспокоены возрастающим недовольством в первую очередь грузин, а также армян, бывших до того надежной опорой империи на Кавказе⁴. В 1905 году на Кавказ снова назначается наместник, князь И.И. Воронцов-Дашков.

Вопрос о восстановлении автокефалии Грузинской Церкви теснейшим образом оказался связан с умиротворением недовольных на Кавказе. На первый взгляд, с точки зрения сторонников восстановления Патриаршества в Москве, трудно было возражать против желания грузин восстановить автокефалию, так как уничтожение ее было таким же бюрократическим произволом, не имевшим канонического оправдания, как и отмена патриаршего управления при царе Петре I. В действительности ситуация была более сложной, так как многие считали, что законной канонической автокефалии в Грузии не было, а фактическая независимость не оспаривалась лишь в силу специфических исторических обстоятельств.

Дискуссии на Предсоборном присутствии очень много дают для понимания реального положения церковной жизни и канонических проблем на Кавказе. Рассказ о волнениях среди грузин, вызванных недовольством как политической, так и церковной ситуацией, не входит в задачи настоящего сообщения, хотя они и оказали немалое влияние на ход обсуждения вопроса о положении Церкви на Кавказе во втором отделе Присутствия. Достаточно ясное представление о них можно извлечь из выступлений участников рабочих заседаний второго отдела, о чем будет рассказано ниже.

Необходимо, впрочем, упомянуть о вышедшей в 1901 году книге «Краткий очерк истории Грузинской Церкви» будущего Патриарха Грузии Кириона (Садзаглишвили, или Садзагелова, как упоминается о нем в официальных источниках тех лет)⁵. В ней приводились обоснования предоставления автокефалии Грузинской Церкви. Можно полагать, что в своих ответах на вопросы обер-прокурора в 1905 году владыка Кирион, бывший в то время епископом Орловским и Севским, не счел нужным повторять аргументы из этого своего сочинения, ограничившись одной фразой: «В интересах нормального течения церковной жизни Грузии, во внимание к церковно-историческому прошлому грузинского народа, церковная автономия там должна быть возвышена до автокефалии, как это было там сто лет тому назад»⁶.

Очевидно, что и прошение, в котором говорилось о преобразовании Грузинской Церкви в автокефальную, поступившее в конце 1905 года в Комитет министров от многочисленной группы грузинского духовенства, также было непосредственно связано с подготовкой к обсуждению этого вопроса на Поместном

⁴ Витте С.Ю. Указ. соч. Т. 2. С. 105–108.

⁵ Кирион (Садзагелов), еп. Краткий очерк истории Грузинской Церкви и Экзархата за XIX столетие. Тифлис, 1901.

⁶ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. М., 2004. Ч. 1. С. 573.

Соборе. Что касается отзывов группы архиереев, полученных в конце 1905 года, то они признают полезность образования в Русской Церкви митрополичьих округов и отмечают, что один из них должен быть на Кавказе с центром в Тифлисе, но, как правило, ничего не говорят об особом статусе этого округа, который мог бы уподобиться автономии. Тем более ничего не говорится в них об автокефалии. К числу таких отзывов принадлежат ответы занявших в дальнейшем важное положение в Русской Церкви будущего митрополита Агафангела (Преображенского), тогда архиепископа Рижского и Митавского⁷, и одного из трех избранных Собором 1917 года кандидатов в Патриархи, митрополита Арсения (Стадницкого), тогда епископа Псковского и Порховского⁸.

Более того, в некоторых отзывах, например епископа Приамурского и Благовещенского Никодима (Бокова), повторяется высказанное обер-прокурором опасение, что дарование Западному краю и Кавказу церковной автономии будет способствовать «возрождению там идей о культурной и политической особенности наших окраин». В связи с этим говорится, что все округа должны иметь практически одинаковые церковные управления. При этом «в самой организации управления этими округами должна быть твердо и ярко проведена идея, что этот округ не есть что-либо автономное в церковном отношении, даже с точки зрения управления и решения в нем дел, чтобы тем самым прочно и всегда ограждалось единство церковной власти в нашем политически едином и твердо сплоченном отечестве»⁹.

В силу только что сказанного очевидно, что малоознакомые с подробностями церковного положения на Кавказе архиереи, до которых доходили, однако, сведения о революционно-террористических выступлениях, направленных против духовенства, противившегося изменениям в церковном положении, должны были высказываться осторожно и сдержанно, даже при личном сочувствии идее возрождения традиций Грузинской Церкви. Тем более существенно то, что в отзыве епископа Курского Питирима (Окнова) в завершение краткой исторической справки по истории Грузии говорится, что подчинение Грузинской Церкви Синоду после того, как Грузия отдалась под покровительство России, означало лишение ее автокефальности. По этой причине «экзарху Грузии должно предоставить особые права над епархиальными епископами Кавказа, причем, во внимание к бывшей в течение некоторого времени автокефальности Иверской Церкви, этой последней следовало бы вернуть автокефальность»¹⁰.

В последние годы перед революцией авторитетность этого иерарха, ставшего Петроградским митрополитом, была основана на благоволении императрицы Александры Федоровны и на связях с Г.Е. Распутиным. Последнее лишило его всякого влияния в глазах подавляющего большинства ревнителей православия и явилось причиной его удаления от дел и ссылки сразу же после февральского

⁷ Там же. С. 595.

⁸ Там же. С. 825.

⁹ Там же. Ч. 2. С. 765.

¹⁰ Там же. Ч. 1. С. 470, 471.

переворота 1917 года. Но во время работы Присутствия он имел достаточный авторитет, затем стяжал благоволение преподобномученицы великой княгини Елизаветы Федоровны. Будучи в течение полутора лет экзархом Грузии, перед призыванием в Петроград в 1915 году, он пользовался более благоприятным отношением со стороны местного духовенства и мирян, чем любой экзарх до него. Это ставилось ему в заслугу царской семьей.

Будущий Патриарх всея России Тихон (Беллавин) был в то время архиепископом Алеутским и Североамериканским. Он не участвовал в работе Присутствия и, как сравнительно молодой архиерей, не пользовался большим влиянием, но его мнение по рассматриваемому вопросу должно быть упомянуто. Перечисляя в своем отзыве, какие желательно образовать в России митрополичьи округа, он особо оговаривается, что «следовало бы экзарха Грузии иметь католикосом». Вероятнее всего, если бы ему пришлось принять большее участие в обсуждении вопроса о статусе Грузинской Церкви, будущий Патриарх руководствовался бы такими же взглядами, какие он высказал при рассуждении о хорошо знакомом ему вопросе, когда предложил преобразовать Североамериканскую епархию в экзархат Российской Церкви в Северной Америке. В отзыве святителя говорится: «...не следует упускать из виду того обстоятельства, что жизнь в Новом Свете, по сравнению со Старым, имеет свои особенности, с которыми приходится считаться в здешней Церкви, а посему этой последней должна быть предоставлена большая автономия (автокефальность?), чем другим русским митрополиям». Слово «автокефальность» со знаком вопроса и в скобках вписано самим святителем Тихоном. Говоря непосредственно о Грузии, владыка Тихон замечает: «...следовало бы экзарха Грузии именовать католикосом...»¹¹

Из всех русских архиереев только трое определенно заявили о возможности восстановления автокефалии Грузинской Церкви в своих отзывах. Кроме названных Пигирима (Окнова), впоследствии митрополита Петроградского, и святителя Тихона, будущего Патриарха, это священномученик Тихон (Никаноров), в 1905 году возглавлявший Пензенскую епархию.

Прежде чем говорить об отзывах, поступивших из Грузинского Экзархата и от трех митрополитов, постоянных членов Святейшего Синода, надо рассказать о мнениях наиболее активных, пользующихся большой известностью архиереев – Антония (Храповицкого) и его ученика и в то время большого друга Сергия (Страгородского). В своем отзыве архиепископ Финляндский Сергей говорит о желательности разделения России на церковные округа «под управлением митрополитов с предоставлением им права созывать областные соборы»; им должна быть дана «наибольшая самостоятельность в обсуждении и удовлетворении нужд известной церковной области». Желательность такого разделения Владыка прямо связывает с особыми церковно-просветительскими задачами «в некоторых областях России, например на Кавказе и в Западном Крае»¹². Никаких опасений

¹¹ Там же. С. 582.

¹² Там же. Ч. 2. С. 595.

по поводу политических последствий такого разделения архиепископ Сергий, будущий Патриарх, не высказывает.

В одном из нескольких ответов епископа Волынского Антония говорится: «Экзарху Грузии должно предоставить особые права над епархиальными епископами Кавказа, причем едва ли следует доверять заявлениям грузин о бывшей долгое время автокефальности Иверской Церкви, ибо сие опровергается весьма ценным историческим документом XVII века «Пребывание в Грузии патриарха Макария Антиохийского»¹³. В этом отзыве следует отметить указание на необходимость предоставления экзарху Грузии особых прав и отсутствие всякого беспокойства по поводу политических последствий такого шага (как и у его друга архиепископа Сергия). Что касается упомянутого документа о пребывании в Грузии в XVII веке патриарха Макария Антиохийского, то впоследствии подробные исторические справки от грузин и от русских специалистов, содержавшиеся в отзыве митрополита Санкт-Петербургского Антония (Вадковского), а также дискуссии на заседаниях Присутствия показали, что сведения этого источника о том, что в XVII веке Грузинская Церковь не была автокефальной, неверны. Судя по выступлению владыки Антония (Храповицкого) на одном из заседаний Присутствия, он с этим согласился. Тем самым, по мнению участников дискуссии, будущий первый кандидат на Патриаршество, впоследствии пятнадцать лет, до самой смерти, возглавлявший Архиерейский Синод Русской Православной Церкви за границей, тоже поддержал сторонников автокефалии¹⁴.

Из трех митрополитов, постоянных членов Синода, митрополит Московский Владимир (Богоявленский) и митрополит Киевский Флавиан (Городецкий) были ранее экзархами Грузии. В их ответах интересующему нас вопросу уделено всего несколько строк, но отсутствие полноты компенсируется четкими характеристиками существенных сторон проблемы. Так, митрополит Флавиан, ссылаясь на опыт древней Церкви и Западного края в России, подчеркивает, что в древности при наличии церковной автономии церковное начало ослабляло развитие сепаратизма и задерживало его проявления. Точно так же, несмотря на церковную автономность, сознание церковного единства между юго-западной и северо-восточной Русью не ослабело. Это сознание «в свое время послужило одним из могущественнейших факторов, способствовавших прочному политическому объединению юго-западной и Московской Руси». Завершая эту тему, митрополит Флавиан полностью устраняет выраженные в послании обер-прокурора опасения: «Этих исторических факторов не следует забывать тому, кто опасается, что образование митрополичьих округов окажется в противоречии с началом государственного единства, способствуя якобы возрождению идей о культурной и политической обособленности наших окраин в Западном крае и на Кавказе. Повторяем, образование митрополичьих округов, если оно состоит-

¹³ Там же. Ч. 1. С. 168.

¹⁴ Журналы и протоколы заседаний Высочайше утвержденного Предсоборного Присутствия. СПб., 1907. Т. 3. С. 158, 240.

ся, будет проявлением начала объединяющего, а не расчленяющего, и само по себе пробуждению политического сепаратизма служить не может; оно повлечет за собой ослабление бюрократической централизации, но и только»¹⁵.

В ответе митрополита Владимира сказано: «Митрополиту Грузинского экзархата (коему могло бы быть дано древнее название католикоса), ввиду исключительных местных обстоятельств, можно бы, кажется, предоставить права самостоятельного административного управления, но с зависимостью от высшего русского церковного управления в том, чтобы его действия не расходились с общецерковными канонами и правилами православной российской Церкви, и с изъятием из его ведения губерний не с грузинским населением, каковые могли бы войти в состав особого округа – Астраханского»¹⁶. Предложенное митрополитом Владимиром можно толковать двояко, как в пользу автономии, так и автокефалии, но сам он не употреблял этих терминов.

Если судить по деятельности этих двух митрополитов в последующее время после окончания работы Присутствия, то их действия сводились к попыткам погасить недовольство грузин, значительно увеличив количество часов, отводимых для преподавания грузинского языка в духовных учебных заведениях, увеличив число храмов, в которых служба должна была совершаться на грузинском, устранив некоторые другие поводы для обид, но не давая обещаний предоставления в обозримом будущем даже автономии. Конечно, возможность обсуждения этого вопроса на ожидаемом Поместном Соборе была, но, судя по характеру дискуссий в отделе Присутствия, вероятность, что на Соборе согласятся восстановить автокефалию Грузинской Церкви, необходимость которой ревностно доказывали епископы-грузины, будущие Католикосы-Патриархи Кирион (Садзаглишвили) и Леонид (Окропиридзе), была невелика, хотя первоприсутствующий член Святейшего Синода, состоявший председателем Предсоборного присутствия, митрополит Антоний (Вадавский) неизменно был сторонником грузинской автокефалии.

Такая позиция митрополита Антония выявлялась из его деятельности и подтверждается, в частности, близким к нему известным архиереем Арсением (Стадницким). Митрополит Антоний прислал не свой личный отзыв, а результаты рассмотрения работавшей под его председательством комиссии, состоявшей из видных представителей духовенства столичной епархии и профессоров Санкт-Петербургской духовной академии. К пространным ответам на все вопросы прилагались пояснительные записки и исторические справки, составленные различными профессорами.

Историческая справка «Об автокефалии Грузинской Церкви» была подготовлена профессором И. Соколовым. Согласно этой справке, полностью автокефальной Грузинская Церковь стала в XI веке, когда Антиохийский «патриарх Феодор, он же Феодосий (1057–1076 гг.) разрешил современному католикосу Гру-

¹⁵ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Ч. 1. С. 702.

¹⁶ Там же. Ч. 2. С. 408.

зии варить св. миро, которое Грузинская Церковь со времени своего основания получала из Антиохии». Этому факту предшествовало, как пишет профессор И. Соколов, «дарование Грузинской Церкви полной автокефалии, совершившееся на Антиохийском Соборе под председательством Патриарха Петра III (1053–1057 гг.)». Отмечая с сожалением, что акты этого Собора науке неизвестны, профессор пишет, что «есть полная возможность научно доказать факт и канонической автокефалии Грузинской Церкви». Об этом говорит в XII веке титулярный (живущий в Константинополе) Патриарх Антиохийский, знаменитый канонист Феодор Вальсамон. Его свидетельство, в котором упоминается о соборном решении Патриарха Петра (хотя оно не приводится), следует рассматривать как подтверждение «общеизвестности и несомненности исторического факта»¹⁷.

То же самое говорится и в «Алфавитной Синтагме», составленной около 1335 года известным канонистом иеромонахом Матфеем Властарем. Перечисляя Церкви, «не подчиненные ни одному из восточных патриархов», Властарь в их числе называет и Церковь Иверскую, которую «почтил таким значением собор в Антиохии». То есть факт несомненной полной автокефалии Иверской Церкви после Собора в Антиохии подтверждается и Феодором Вальсамоном, и Матфеем Властарем. Вмешательство Патриарха Макария в XVII веке в церковные дела Западного Католикосата профессор И. Соколов объясняет политическими обстоятельствами, возникшими в результате постоянной борьбы с персами и турками. В конце записки кратко говорится об обстоятельствах вхождения Грузинской Церкви в «сферу административного влияния Св. Синода, вплоть до объявления ее экзархатом Русской Церкви с подчинением Св. Синоду в области управления»¹⁸.

Как показали обсуждения на заседаниях Присутствия, многие профессора, принимавшие участие в работе комиссии митрополита Антония, соглашаясь с тем, что в течение длительного периода Грузинская Церковь пользовалась автокефалией, признаваемой всеми Православными Церквами, не считали, что из этого однозначно следует каноническая необходимость предоставления автокефалии Грузинской Церкви в XX веке. Сторонники такого взгляда ссылались на факты утраты автокефалии некоторыми Православными Церквами (впоследствии в XX веке автокефалия всех их была восстановлена) и на то, что каноничным нужно считать то, что «выгодно Православной Церкви». Скорее всего, митрополит Антоний не разделял этих взглядов, они совершенно не упомянуты в его пространном отзыве. С другой стороны, вывода о необходимости автокефалии на основании исторической справки в ответе Санкт-Петербургской епархии тоже нет.

Экзарх Грузии архиепископ Николай (Налимов) предоставил составление ответов от Экзархата епископу Имеретинскому Леониду (Окропиридзе), ставшему позднее, после кончины первого Католикоса автокефальной Грузинской Церкви,

¹⁷ Там же. С. 292.

¹⁸ Там же. С. 295.

его преемником. Епископ Леонид, ответив на многие вопросы самостоятельно, широко привлекал для выработки единого мнения грузинское духовенство и преподавателей местных учебных заведений. От имени созданных в Экархате комиссий составлялись отзывы (мнения), рапорты и протоколы совещаний, прилагавшиеся в дальнейшем к направляемому в Синод ответу. Такого рода собрания и комиссии организовывались архиереями и в некоторых других епархиях, но нигде, за исключением Санкт-Петербурга, церковная общественность не была вовлечена столь масштабно в обсуждение присланных из Синода вопросов, как в кавказском Экархате.

Изучение записки епископа Леонида раскрывает и минусы такого привлечения к ее составлению широкого круга «церковной общественности». В Грузии, как и в Петербурге, среди духовенства сильно было влияние предтеч обновленчества, в значительной степени из-за их особой активности, а не численности. Миряне, от имени которых часто говорили эти люди, подобных взглядов не разделяли. Необходимостью считаться с этими «модернистами» объясняется, вероятно, некоторая противоречивость записки. Ясно проявляется горячее желание владыки Леонида восстановить традиционную автокефальную Грузинскую Церковь во главе с Патриархом-Католикосом и наряду с этим присутствует типичное для светских и «церковных» либералов отрицательное отношение к самому институту Патриаршества.

Кратко отмечая, что «идея учреждения патриаршества в смысле абсолютного верховного начальника над всеми православными церквями в пределах России является опасной для православия затеей, угрожающей Русской Церкви папизмом», владыка Леонид, как и епископ Кирион, в конечном счете высказывался за Патриаршество. «Проект учреждения патриаршества может быть принят только в том смысле, если патриарх будет поставлен в те самые рамки, в которые ставят его каноны вселенских и поместных соборов и практика древних православных Церквей (в том числе и Грузинской католикосской Церкви), а именно чтобы он был не начальником над другими епископами и церквями, а первым между равными по примеру апостолов, лишь как верховный наблюдатель над всеми епископами в роли защитника единства Церкви и церковного управления, так сказать – верховного ревизора, который, однако, отнюдь не вмешиваясь во внутреннее управление отдельных епархий и епископов в смысле распорядителя и повелителя, оставался бы надежным советником и добрым руководителем во всех недоуменных случаях управления епархиями отдельных епископов»¹⁹.

Вопросу введения в России митрополичьих округов посвящен в ответе епископа Леонида всего один абзац. Высказывается мнение, что назначение Патриархом митрополитов, в свою очередь ставящих подчиненных епископов, противно православному строю и граничит с папизмом. В этом разделе владыка Леонид ссылается на сказанное им выше против выдвигания Патриарха в качестве верховного начальника над всеми епископами. Неясно, однако, почему,

¹⁹ Там же. С. 660.

признавая возможным организацию патриаршего управления в духе, отвечающем канонам Вселенских Соборов и практике древней Церкви, епископ Леонид (точнее, авторы записки) не считает возможным организовать столь же каноничное митрополичье управление в пределах автономных митрополичьих округов. Об этом не говорится ни слова. Но в заключении после первого пункта о необходимости учреждения Патриаршества с вышеизложенными ограничениями, во втором пункте сказано об «учреждении в 12 важных центрах – митрополий... с такими же ограниченными правами». В третьем пункте заявлено о «восстановлении полной автокефалии грузинской церкви во всей чистоте». Подробно об этом в тексте говорится сразу после абзаца с критикой управляющих епископами митрополитов.

«Что же касается, в частности, православной Грузинской Церкви, то по отношению к ней может быть речь не об автономном митрополичьем управлении, а лишь о восстановлении католикосата во всем его объеме, целостности и чистоте. Этого требует не только разочарованный столетним опытом экзаршего управления грузинский народ, но и историческая правда, имеющая за собой пятнадцативековое славное католикосское управление, вынесшее знамя православия целым и невредимым из непрерывного многовекового огня врагов христианства и сохранившее Грузинскую Церковь, благодаря внутренней мощи мудрого церковного управления от всякой ереси и расколов, в совершенной чистоте древнего православия»²⁰.

О крупных недостатках экзаршего управления владыка Леонид говорит в последующих абзацах этого же раздела. Для подробного рассмотрения вопроса об исторической правде в конце отзыва перед протоколом собрания Тифлисской семинарии и мнениями комиссий помещена справка под заглавием «Краткие исторические сведения об автокефалии грузинской Церкви (брошюра Ф. Жордания)». В целом с критикой экзаршего управления объективный историк не может не согласиться, хотя в отзыве епископ Леонид пренебрегает и различиями между сменявшими друг друга экзархами, и их отношением к грузинской пастве. «К величайшему сожалению для прямых интересов русской Церкви, не говоря уже о грузинской, с упразднением Грузинского католикосата русские экзархи, управлявшие почти сто лет грузинскую Церковь, против своей воли оказались всецело чужими всего местного церковного. Они не знали ни языка народа, ни его церковных и светских обычаев и прав, ни местной Церкви с особенностями ее строя, ведущего начало от первых веков христианства, незнакомы были даже с прямыми своими помощниками – грузинским духовенством, не говоря уже о высших влиятельных классах общества, – словом, не располагали ни одним из тех средств, которые составляют необходимое условие для более или менее успешного выполнения миссии экзархов в Грузии»²¹.

²⁰ Там же. С. 661.

²¹ Там же.

Безусловно, первый недостаток – незнание языка – был присущ всем русским экзархам. Что касается других отрицательных качеств, перечисленных епископом Леонидом, то если ни одному из экзархов и не удавалось освободиться от них совершенно, то усилия в этом направлении и частичные успехи, безусловно, были (хотя бы у некоторых). Так, историк Русской Церкви того периода И.К. Смолич выделяет, с одной стороны, экзарха митрополита Иону (Василевского) (управлял с 1821 по 1832 год), который противостоял злоупотреблениям русификации и активно заботился о нуждах обездоленного низшего духовенства. Считая, что порок фанатичного национализма был свойствен всем последующим за владыкой Ионой экзархам, И.К. Смолич особенно негативно отзывался об архиепископе Павле (Лебедеве), служившем в Грузии в 1882–1887 годах, прямо называя его жестоким²².

Из других источников можно узнать, что и остальные экзархи, даже если признать их фанатичными националистами, помнили о своих обязанностях по отношению к пастве, имели выдающиеся способности, о чем свидетельствует и предоставление многим из них еще более высоких мест в российской синодальной иерархии, устанавливали в Экзархате связи и с духовенством и со светскими лицами. Можно согласиться, что, несмотря на все свои усилия и вследствие того, что ни один из них не мог полностью отрешиться от русификаторских взглядов и, главное, из-за незнания языка, их управление не было лишено существенных недостатков. Однако отказ считать это управление более или менее успешным не учитывал бы высказываний самих пасомых, зачастую вполне искренних. О том, как такие оценки епископов Леонида и Кириона оспаривались на заседаниях Присутствия, будет сказано ниже.

То же самое относится и к утверждению, что все приближенные экзархов, которых они заводили из-за невозможности лично знакомиться с паствой, стояли низко в нравственном отношении и настраивали экзархов против всего грузинского – ибо этот путь «оказывался всегда верным путем для того, чтобы забрать в руки душу правителя для своих личных целей». Мы знаем, что в России всегда были (имеются и теперь) безумные поклонники Запада, выступающие против всего русского. Такие же взгляды были в XIX веке присущи и некоторым грузинам. Они искренне стремились искоренить то, что представлялось им недостатком. Не исчезли такие настроения и сейчас: достаточно вспомнить попытки повернуть статую царя Давида, стоящую в центре Тбилиси, лицом к западу.

Указывая на эти преувеличения в отзыве епископа Леонида, нужно помнить, что именно так смотрели в Грузии на происходящее очень многие. В той обстановке эти преувеличения были естественны. В данной работе невозможно подробно остановиться на всех претензиях к экзаршему управлению, содержащихся в записке владыки Леонида. В то же время нельзя не сказать о критических замечаниях по поводу положения в духовных училищах.

²² *Смолич И.К.* Указ. соч. 1996. Кн. VIII. Ч. 1. С. 272–273.

Немало упреков епископа Леонида к церковным учебным заведениям вполне можно отнести ко всем духовным школам России, как об этом свидетельствовали многие выдающиеся пастыри (в том числе в ответах на вопросы обер-прокурора в 1905 году). Как в некоторых фразах владыки Леонида можно усмотреть заметные преувеличения, так и в отзывах этих пастырей есть явно преувеличенные оценки, вызванные обеспокоенностью существующим положением.

Для примера можно привести высказывание владыки Леонида в начале раздела, посвященного усовершенствованию духовных школ: «Духовные училища и семинарии в том виде, в каком они существовали при экзархе Грузии, были безусловно вредны для Церкви, воспитывая в стенах своих отщепенцев от веры, от народа и от Церкви»²³. Можно сравнить это мнение с пожеланием, высказанным в отзыве владыки Антония (Храповицкого), которое он рассматривает как реально не выполнимое, но оправданное катастрофической ситуацией в духовных школах: «...не придется ли согласиться с одним маститым архиереем, который говорил мне, что о реформе духовной школы и толковать не стоит: должно всю ее разогнать, разломать, вырыть фундаменты семинарских и академических зданий и взамен прежних на новом месте выстроить новые и наполнить их новыми людьми?»²⁴ Конечно, не одних только отщепенцев воспитывали семинарии в Грузии, иначе не могли бы выйти из их стен сами владыки Кирион и Леонид, и не высказалось большинство грузинского духовенства за автокефалию Грузинской Церкви. Очевидно, однако, что количество выпускников-отщепенцев было немалым, в особенности отщепенцев от веры и Церкви: достаточно вспомнить Иосифа Джугашвили.

Современный нам исследователь не может не усомниться в словах владыки Леонида, что только в воображении русских преподавателей существовал грузинский сепаратизм («какового никогда не было и ныне нет») ²⁵. Здесь, вероятно, проявилось желание владыки оградить учащихся от доносов и нападок.

При этом невозможно сомневаться в искренности самого владыки Леонида, когда он в ответ на поставленный синодальным циркуляром вопрос: «не будет ли автокефалия Грузинской Церкви находиться в противоречии с началом государственного единства?» – говорит, что «самая история присоединения Грузии к России является красноречивым опровержением этого возражения»²⁶.

В конце XIX – начале XX века политическая обстановка на Кавказе была такова, что даже при получении согласия от русских царей на отделение Грузинское государство не могло бы возникнуть в тех границах, которых желали для него грузинские патриоты и которые оно имеет в настоящее время. Серьезные общественные и церковные лидеры грузинского народа это хорошо понимали. Поэтому если в донесениях русской полиции о контактах владык Леонида и Кириона с сепаратистами и есть заметная доля истины, следует полагать, что шли они на

²³ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Ч. 2. С. 666–667.

²⁴ Там же. Ч. 1. С. 726.

²⁵ Там же. Ч. 2. С. 667.

²⁶ Там же. С. 663.

эти контакты не для поддержания сепаратистских движений, о существовании которых много пишут современные грузинские историки, а в пастырских целях.

Что касается приложенных к отзыву владыки Леонида записок от собраний и комиссий духовенства Экзархата, а также преподавателей местных церковных училищ, то зачастую в них можно усмотреть некоторое влияние модернистских идей, после революции ярко проявившихся в обновленчестве. Особенно сильно этот дух дает себя знать в текстах комиссии об участии духовенства в общеобразовательных учреждениях. Неоднократно, как само собой разумеющееся, говорится об «осуществлении царства Божия на земле» – за счет создания идеальной хозяйственной системы при поддержке Церкви. Христиане, конечно, должны стремиться к возможно более полному соответствию жизни общества Христову учению, но сколь бы ни были велики успехи в этом направлении, до славного Второго пришествия Иисуса Христа «царства Божия на земле» в смысле полного и совершенного воплощения евангельского учения быть не может.

Точно так же, допуская возможность и желательность участия представителей Церкви в общественных и государственных учреждениях, нельзя согласиться, чтобы такого рода служение ставилось не первое место. Задается риторический вопрос: при случившемся голоде «выйдет ли пастырь из своих прямых “пастырских” обязанностей, если он не ограничится организацией частной благотворительности, но и станет у кормила продовольственного дела – в крестьянских присутствиях, в губернских управлениях и пр. и силой своего знания и авторитета спасет тысячи от разорения и страданий?»²⁷ Задающий это вопрос, возможно, забывает, что апостолы сказали: «нехорошо нам, оставив слово Божие, пещись о столах», – и предложили Иерусалимской общине избрать семь диаконов для церковно-общественного служения.

Возможно, нежелание разойтись или вступить в длительные пререкания с паствой помешало владыке Леониду смягчить некоторые свои суждения. В ответ на обвинения в резкости со стороны участников дискуссий в Предсоборном присутствии епископ Леонид справедливо указал, что в ответах некоторых архиереев содержатся еще более резкие высказывания. Резкости такого рода, очевидно, были связаны с желанием подчеркнуть необходимость скорейшего устранения отмеченных недостатков, непониманием, что такое преувеличенное восприятие отрицательных сторон церковной жизни, свойственных значительной части пасомых, ведет к оскудению любви, без которой ничего нельзя исправить. Но, в особенности учитывая обвинения (епископов Кириона и Леонида в возбуждении экстремистов и провоцировании террористических актов) в виде намеков на Присутствие и в разных записках в государственные органы, было бы полезно для большего убеждения участвовавших в заседаниях Присутствия сопроводить такие заявления смягчающими комментариями, хотя это и могло вызвать протесты части грузинского духовенства и паствы.

Рассматривая отзыв владыки Леонида, отметим полноту изложения его воззрений на грузинский сепаратизм, которые являются, на наш взгляд, безусловно

²⁷ Там же. С. 714.

искренними, основанными на политических реалиях того времени. «В ответ на поставленный тем же самым циркуляром № 8 вопрос, не будет ли автокефалия Грузинской Церкви находиться в противоречии с началом государственного единства, способствуя возрождению идеи о культурной и политической обособленности Грузии, – скажем следующее: самая история присоединения Грузии к России является красноречивым опровержением этого возражения. Мысль о присоединении Грузии к России зародилась в то время, когда Грузия пользовалась благами политической, церковной и культурной самостоятельности»²⁸ (возможно, далее следовало бы с большей четкостью сказать, что самостоятельность эта, равно как и само существование грузинского народа, была на грани полного уничтожения из-за угроз внешних врагов, но упрекать владыку за то, что он совсем этого не упоминает, не следует).

«...Сознание в народе своей слабости ввиду его малочисленности и тяготения его к единоверной державе было так велико, что цари и правители Грузии (не говоря уже о духовенстве) добровольно снимали венцы свои, чтобы возложить их на головы единоверных русских монархов во имя идеи защиты самобытности нации и неприкосновенности церковных народов». В последней части этого абзаца недвусмысленно говорится об условиях, при которых грузины с радостью шли на объединение. Эти условия рассматривались императором Александром I во время переговоров об объединении как совершенно естественные и фактически были им гарантированы, но впоследствии оказались грубо нарушены, поначалу вроде бы ради некоторых временных обстоятельств, впоследствии же все более сознательно (подробнее об этом говорится ниже).

«Та же самая мысль господствует в грузинском народе и в настоящее время, и если появилось брожение против русского режима во всех слоях общества, возросшее до отчаянной мысли отделения церковного, то это вызвано именно разочарованием в тех надеждах и ожиданиях, которые соединили его с русским народом, именно гонения национальности, доходящие до крайних пределов, постепенное ниспровержение порядков, традиций и нравов грузинской древне-православной Церкви...»²⁹ Здесь автору настоящей работы не совсем понятны слова об отчаянной мысли о церковном отделении. Ведь сам владыка Леонид справедливо настаивает на предоставлении автокефалии Грузинской Церкви. Конечно, автокефальные Церкви в равной степени принадлежат к Вселенской Православной Церкви и поэтому не отделены друг от друга. Имеет ли владыка Леонид в виду какие-то планы перехода в католичество или нечто подобное? По представлениям автора, если такие мысли у кого-то в то время и возникали, никаких перспектив для их осуществления не было. Правильнее было бы сказать об отделении политическом, попытки осуществить которое в то время действительно ничего хорошего грузинскому народу не принесли бы. Впоследствии эта тенденция стала естественной, и в 1918 году представлялась единственной возможностью спасти Грузию от порабощения большевиками.

²⁸ Там же. С. 663.

²⁹ Там же. С. 663–664.

Для первого десятилетия XX века оценки политических возможностей в этом ответе владыки Леонида представляются совершенно справедливыми: «...об опасении возрождения идеи политической обособленности Грузии не может быть и речи по восстановлении автокефальной Грузинской Церкви. Напротив, если национальные и местно-церковные интересы Грузии не будут попираемы русской властью с целью полного уничтожения национальности, то каждый грузин почувствует себя истинным русским гражданином, воодушевляясь всеми теми идеями, которыми живет русский народ»³⁰.

В заключение епископ Леонид еще раз подчеркивает необходимость обеспечить грузинам самостоятельность и в общественной жизни. Реально это можно было бы сделать, на практике предоставив Грузии те же права, которые имело так называемое Великое княжество Финляндское. «Что же касается опасения относительно культурной обособленности грузин с восстановлением автокефалии, то в такой обособленности, если даже она последует, не только нельзя усмотреть чего-либо противного государственным интересам, но даже всеми силами следует стремиться к ней как к одному из наиболее могущественных средств процветания в государственной жизни. Чем разнообразнее и своеобразнее в государстве культура, тем сильнее бьет пульс государственной и промышленной жизни... тем могущественнее само государство»³¹.

Закончим это изложение взглядов владыки Леонида на политические последствия предоставления Грузинской Церкви автокефалии еще одним мудрым замечанием, сделанным в другом месте: «В интересах же православия и славы русского народа стоит первая необходимость возвратить Грузинской Церкви принадлежащие ей права и тем успокоить соседние православные восточные народы, со страхом и ужасом отвратившие свои симпатии от Русской державы видя посягательство русского начальства не только на национальность, но даже на самые коренные и священные человеческие права в области веры и совести»³².

Главный автор обстоятельной записки от духовенства Грузинского Экзархата, епископ Леонид, не присутствовал на заседаниях летней сессии, но получил приглашение на вторую, осеннюю, сессию Присутствия вместе с профессорами Н.Я. Марром и А.А. Цагарелли. Приглашения им были направлены по предложению владыки Кириона, которого поддержал епископ Горийский Евфимий (Елиев).

Председательствовал на заседаниях архиепископ Литовский и Виленский Никандр (Молчанов), никогда с Кавказом не соприкасавшийся (ни до работы Присутствия, ни впоследствии). На всех заседаниях присутствовал епископ Могилевский и Мстиславский Стефан (Архангельский), с 1896 по 1902 год занимавшийся преподавательской деятельностью в Экзархате: сначала в Кутаисской духовной семинарии, затем, с 1900 года, на должности ректора Тифлисской духовной

³⁰ Там же. С. 664.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 679.

семинарии. Он был специально приглашен на заседания, посвященные положению на Кавказе, вместе с епископами Сухумским Кирионом (Садзаглишвили) и Горийским Евфимием (Елиевым), а также с протоиереем Иоанном Восторговым, много лет прослужившим на Кавказе. Последний был включен в число лиц, специально приглашенных принять участие в обсуждении вопроса об устройении церковных дел на Кавказе, но, как сказано в приложении к журналу первого заседания, отсутствовал на нем, поскольку не получил повестки. Возможно, это было как-то связано с тем, что председатель Предсоборного присутствия митрополит Антоний (Вадковский) не считал полезным привлечение протоиерея Иоанна Восторгова к рассмотрению этого вопроса, очевидно опасаясь, что его выступления могут привести к слишком напряженной дискуссии и вызвать труднопреодолимые разногласия. После своего появления отец Иоанн Восторгов сделался главным оппонентом грузинских сторонников автокефалии.

Проходившую в отделе дискуссии можно разделить для удобства при описании на несколько тем. Такое разделение предлагалось и самими участниками обсуждения. Прежде всего, решался вопрос, обладала ли Грузинская Церковь автокефалией до включения ее в состав Церкви Русской. Большинство участников этого не оспаривали, сомнения были вызваны во многом речами грузин, вопреки их желаниям, разумеется³³. Многие грузины, в том числе и профессор Н.Я. Марр, утверждали, что автокефалия получена Грузией не в XI веке, а в IV или в V веке, отрицая при этом подлинность сообщений Феодора Вальсамона и Матфея Властаря и согласные с ними грузинские источники, без которых доказать автокефалию невозможно. Другим неудачным для подтверждения автокефалии тезисом была теория о том, что Церковь Иверская была связана с Церковью Иерусалимской и получила автокефалию от нее, а не из Антиохии. Говорить такое могли лишь малознакомые с церковной историей, так как Церковь Иерусалимская до III Вселенского Собора сама входила в состав Антиохийского патриархата и границы ее были строго определены, до Грузии от них было далеко. Точно так же неправильно было выводить обладания Иверии из предания о проповеди на ее территории апостолов Андрея Первозванного и Симона Кананита. По церковным представлениям апостольская проповедь давала лишь право на получение автокефалии, предоставление которой не было обязательным. Достаточно вспомнить Коринф и многие другие греческие и малоазийские города, в которых проповедовали апостолы. Не чуждые скрытой иронии замечания некоторых участников обсуждений о восхищении ученостью Н.Я. Марра, сообщавшего о редких интересных документах, которые не могли доказать его главных утверждений, дали повод грузинам отказаться от участия в последних заседаниях отдела, сделав заявление о неважном к ним отношении.

Вопрос о целесообразности предоставления автокефалии породил споры о том, какую пользу получила Грузия от присоединения к России в материальном и культурном отношении. Принимая неявно ложный посыл о законности под-

³³ Журналы и протоколы заседаний Высочайше утвержденного Предсоборного Присутствия. Т. 3. С. 143, 260.

чинения Грузинской Церкви, если русская помощь была ей необходима или просто полезна, грузинские участники вопреки историческим фактам такую пользу отрицали. Похожие причины вызывали преувеличенные обвинения в адрес всех русских экзархов, служивших в Грузии.

Не могли привести к каким-то определенным выводам споры о каноничности лишения Иверской Церкви автокефалии и о необходимости ее восстановления. В канонах об этом не говорилось, были лишь прецеденты, такие как Болгария и Сербия. Увлеченное, подробное обсуждение представляет большой интерес. Как было сказано, основным оппонентом грузин был протоиерей Иоанн Восторгов. Он уверенно опровергал многие обвинения грузинской стороны, но при этом можно заметить лишь внешнюю справедливость приводимых им объяснений. Грузинский язык не запрещают, просто в семинарии учатся не одни грузины, и для дальнейшей успешной учебы грузинский язык не нужен. Богослужение и обучение в начальных школах проводится на всех языках, но при этом решения, на каком языке учить мигрантов, принимают не они сами, а русская администрация. В храмах, построенных русскими переселенцами, богослужение совершается только на славянском, и в древнем Сионском соборе тоже, так как отремонтирован он на русские деньги³⁴.

Вкратце подводя итог высказываемым взглядам, на современном языке их суть можно свести к утверждению, что культурный геноцид вполне оправдан, если речь идет о русификации, но огрузинивание недопустимо. Проводя такую политику, надо мудро избегать сильных протестов, разъясняя, что она отвечает выгоде местного населения. Естественно грузины не могли смириться с положением второстепенной нации на своей собственной исторической земле.

Принятые отделом варианты решения вопроса не были поставлены митрополитом на голосование. За время работы Присутствия выяснилось, что многие выдающиеся иерархи сочувствуют грузинской автокефалии. Вероятно, симпатии к ней высказал и сам царь, о чем с восторгом говорили грузины на заседаниях отдела³⁵. Однако сильная оппозиция других иерархов и государственных деятелей, представление о том, что решение грузинского вопроса можно отложить ради более важных, не позволили Присутствию выработать приемлемые для грузин и объективно необходимые рекомендации.

³⁴ Там же. С. 277, 300.

³⁵ Там же. С. 63, 101.

С.Ю. Житнев,
Российский научно-
исследовательский институт
культурного и природного
наследия имени Д.С. Лихачева

РОССИЙСКИЕ ПУТЕВОДИТЕЛИ ПО КAVKAZY ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Победы русской армии в XVIII–XIX веках над войсками Османской Порты и Каджарского Ирана привели к тому, что большая часть Кавказа оказалась в составе Российской империи. В результате этого прекратились преследования коренных народов Кавказа по религиозному признаку, стала постепенно оживать социально-экономическая деятельность, получила развитие культурная жизнь – одним словом, началась мирная и стабильная жизнь. Кавказский регион стал привлекать к себе путешественников, прибывавших сюда с различными целями. Наиболее распространенными среди них были туристские, паломнические, деловые и научные. Этому способствовало строительство русской армией Военно-Грузинской дороги¹ между Владикавказом и Тифлисом, а также Военно-Сухумской дороги² из Кабарды в Абхазию и Военно-Осетинской дороги³ из Владикавказа в Кутаиси.

¹ Военно-Грузинская дорога – историческое название дороги через Главный Кавказский хребет, соединяющей города Владикавказ и Тбилиси. Начало строительства русскими войсками Военно-Грузинской дороги было связано с подписанием в 1783 году Георгиевского трактата о протекторате России над Грузией. Одновременно была основана русская крепость Владикавказ. Дорога следует по древнему историческому пути, соединявшему Северный Кавказ и Закавказье через Дарьяльское ущелье. Постоянное сообщение по дороге было открыто в 1799 году. После присоединения Грузии к России (1801) началось строительство новой, улучшенной Военно-Грузинской дороги, которое завершилось в 1863 году. Длина 208 км. Дорога поднимается по долине реки Терек, пересекает Скалистый хребет по Дарьяльскому ущелью, затем по ущелью реки Байдарка поднимается к Крестовому перевалу (высота 2384 м), откуда спускается в долину реки Белая, Араги и по правобережью реки Кура подходит к Тбилиси.

² Военно-Сухумская дорога – историческое название дороги через Главный Кавказский хребет, соединяющей города Черкесск и Сухуми. Часть Военно-Сухумской дороги называлась «турецкой тропой», которая как караванный путь была известна с древнейших времен. Проект строительства дороги появился в 1850-х годах. Строительство было начато в 1894 году и окончательно завершено в 1903 году. В настоящее время не используется.

³ Военно-Осетинская дорога – историческое название дороги через Главный Кавказский хребет, соединявшей Владикавказ с Кутаиси. Построена в 1897 году. Длина 275 км. Самый высокогорный участок дороги – Мамисонский перевал (2911 м). Транспортное сообщение по Военно-Осетинской дороге зависит от погоды на высокогорном участке. Административно дорога делится на три участка: Владикавказ – Алагир – Мамисонский перевал – Гуршеви – Они – Амбролаури – Ткибули – Кутаиси. Дорога утратила свое транспортное значение в связи со строительством Транскавказской автомагистрали.

1

Вдоль кавказского побережья Черного моря в городах Поти, Сухуми, Гаграх, Сочи, Новороссийске и Анапе были построены морские порты с инфраструктурой для путешественников. Эти города были связаны между собой морскими каботажными маршрутами, по которым в хорошую погоду ходили корабли Русского общества пароходства и торговли⁴ (РОПиТ). После победы над отрядами северокавказского имамата, возглавляемого имамом Шамилем⁵, и окончания Русско-турецкой войны 1877–1878 годов путешествия на Кавказ стали носить устойчивый и массовый характер.

В связи с завершением строительства в конце XIX века Новороссийско-Батумского шоссе возможности для путешествия по Кавказскому Причерноморью значительно расширились. В целом на Кавказе постепенно складывалась и развивалась туристская инфраструктура по обслуживанию путешественников. Вдоль дороги в Новороссийске, Сочи, Гудауте, Новом Афоне, Сухуми, Батуми, других

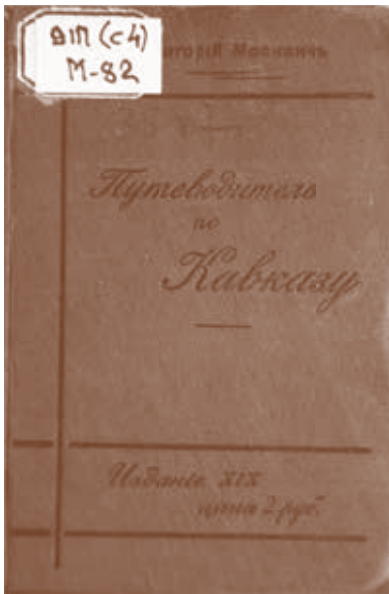
⁴ Русское общество пароходства и торговли (РОПиТ) – российская морская судоходная компания, основана в 1856 году. С инициативой создания частной пароходной компании на Черном море выступил тогда еще капитан 1-го ранга, а в будущем знаменитый адмирал Николай Андреевич Аркас (1816–1881). Уже через несколько лет общество стало крупнейшей в России пароходной компанией, а в 1913 году его флот насчитывал 80 пароходов морского плавания и множество других судов.

⁵ Шамиль (1797–1871) – вождь северокавказских горских народов, шейх Накшбандийского тариката, имам теократического государства – Северо-Кавказского имамата, в составе которого объединили народы Западного Дагестана, Чечни и Черкесии в 1834–1859 годах. До своего поражения и пленения в 1859 году возглавлял и вел упорную борьбу против Российской империи. После пленения он жил в Калуге, а затем в Киеве, в 1869 году получил разрешение совершить хадж в Мекку и Медину, который осуществил в 1870 году. Вскоре после хаджа он умер в Медине (ныне Саудовская Аравия), где был похоронен на кладбище аль-Баки.

городах и селениях открываются гостиницы, рестораны, духаны, транспортные конторы, бани, магазины и т. д. Первые туристы, приехавшие на кавказское побережье, знакомились с объектами истории и культуры, с нравами и обычаями жителей этих мест. В магазинах и лавках, а также на рыночных площадях Батуми, Кобулети, Потти, Сухуми, Гудауты, Сочи, Новороссийска и Анапы была организована продажа местных товаров и сувениров – изделий местных мастеров. Это холодное оружие, украшения, предметы из самшита, мужская и женская национальные одежды, посуда и прочее. Объектами посещения все чаще становились высокогорные районы: Красная Поляна, горные села, находящиеся вдоль Военно-Сухумской дороги, Нижняя и Верхняя Сванетия, горные районы Аджарии. Некоторые туристские группы в сопровождении проводников поднимались в высокогорные зоны Центрального Кавказа.

В начале XX века приток туристов в Кавказский регион значительно увеличился. Это было связано с расширением строительства гостиниц и курортов в Сочи, Гаграх, Новороссийске, Туапсе, Сухуми, Батуми и других городах. В 1902 году на берегу моря в Гаграх был заложен субтропический парк. Здесь высадили агавы, хамеропсы, лимонные и апельсиновые деревья, кипарисы и другие редкие растения. Вдоль всего парка протянулся красивый бульвар. Для привлечения богатой публики на курорт в Гаграх устраивались охота, рыбная ловля в море и ловля форели в горных речках, организовывались праздники и концерты, соревнования по классическим и национальным видам спорта. Отдыхающие могли играть в теннис, крокет, лапту и другие игры. В 1905 году Гагры уже располагали рекламно-информационным материалом (буклеты, проспекты), не уступающим по качеству исполнения лучшим европейским образцам. Они были напечатаны на русском, французском, немецком и английском языках и распространялись в ведущих туристских офисах Петербурга, Парижа, Берлина, Вены, Лондона и других городов.

Большое значение для развития туризма на Кавказе имело создание многочисленных горных клубов и обществ, которые объединяли в своих рядах множество любителей путешествий по этому горному региону. С одной стороны, это были общественные объединения любителей путешествовать по Кавказу, а с другой – они представляли собой прообраз туристских организаций, предоставляющих определенный набор услуг. В 1901 году в Москве было создано Русское горное общество, которое ставило своей целью содействовать развитию путешествий в горы, в первую очередь на Кавказе. По инициативе общества было построено несколько горных хижин и гостиниц, а в районе Красной Поляны, на горах Ачичха и Анчхо, открыты приюты для любителей горных путешествий. В 1902 году на Черноморском побережье Кавказа – в Сочи, Гаграх, а затем в Батуми – начало действовать отделение Кавказского горного клуба. Клуб в Гаграх располагал собственным снаряжением для горных восхождений, проводил большую работу по маркировке маршрутов и троп. По инициативе членов клуба на горе Мамзыш-

2

Российской империи и иностранцев по Кавказу вызвало потребность в создании путеводителей по Кавказскому региону и его отдельным районам (ил. 1). В 1888 году в Тифлисе по поручению главноначальствующего гражданской частью на Кавказе генерал-адъютанта князя А.М. Дондукова-Корсакова⁶ было создано одно из первых специализированных изданий для путешественников – «Путеводитель по Кавказу», объемом в 434 страницы, с 12 рисунками и дорожной картой. Автор-составитель путеводителя Е.Г. Вейденбаум⁷ представил в книге описание природы, истории и населения региона, а также подробное описание девяти маршрутов по Кавказу. Путеводитель состоит из двух частей: первая представляет собой общее обозрение Кавказа, вторая – описание главнейших его достопримечательностей, расположенных по маршрутам следования путешественников. Перечислим девять маршрутов, которые описал в своей книге Е.Г. Вейденбаум.

⁶ Дондуков-Корсаков Александр Михайлович (1820–1893) – русский князь, военный и государственный деятель, генерал-лейтенант и генерал от кавалерии, участник Кавказских походов и Крымской войны, Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. В 1882–1890 годах он был главноначальствующим гражданской частью на Кавказе и командующим войсками Кавказского военного округа. Под его председательством была образована комиссия, которая выработала новое положение об управлении Кавказом, введенное в действие в 1883 году. При нем на Кавказе источники минеральных вод (пятигорские, железноводские, кисловодские, подкумские, кумагорские, абас-туманские и боржомские) были признаны имеющими общественное значение и на них начались работы по правильному устройству бальнеологических курортов.

⁷ Вейденбаум Евгений Густавович (1846–1918) – известный российский историк, археолог, кавказовед, общественный деятель, путешественник, литератор и этнограф, личный архив которого хранится в Институте рукописей Грузии. Окончил курс естественных наук в Санкт-Петербургском университете. Являлся членом строительной комиссии по постройке нового здания для Кавказского музея, членом Главного комитета поощрения туризма на Кавказе. В 1917 году Е.Г. Вейденбаум получил приглашение заведовать библиотекой Кавказского музея и работал в этой должности до своей кончины 15 января 1918 года. Многочисленные работы Евгения Густавовича имеют научную ценность для истории Кавказа. В 1888 году в Тифлисе он издал «Путеводитель по Кавказу».

- I. Ростов-на-Дону – Владикавказ (Кисляковка – Ейск, Тихорецкая – Новороссийск, Армавир – Майкоп, Невинномысская – Ставрополь, Баталпашинск, Минеральные Воды – Пятигорск, Незлобная – Георгиевск – Маджары, Прохладная – Кизляр).
- II. Тихорецкая – Новороссийск (Екатеринодар – Ейск, Тамань, Горячий Ключ, Новороссийск, Анапа).
- III. Владикавказ – Петровск, (А) Владикавказ – Грозный, Воздвиженское, Николаевская станица, Ведено, (Б) Грозный – Темир-хан – Шура, (В) Темир-хан – Шура – Петровск.
- IV. Военно-грузинская дорога. Владикавказ – Тифлис. Краткий очерк истории Грузии.
- V. Темир-хан – Шура – Баку (Дешлагар – Левашпи, Куба – Ахты, Куба – Шемаха (Генгинская дорога), Куба – Шемаха (Алты-Агачская дорога).
- VI. Темир-хан – Шура – Гуниб-Хунзах.
- VII. Новороссийск – Батум. Батум – Ардануч.
- VIII. Батум – Тифлис – Баку (Ново-Сенаки – Зутдиди, Кутаис – Они, Михайлово – Ольты, Тифлис – Владикавказ, Тифлис – Владикавказ – Телав, Тифлис – Владикавказ – Сигнах – Нуха – Евлах, Акстафа – Карс – Эривань, Евлах – Тифлис, Евлах – Тифлис – Шуша, Кюгдамир – Шемаха, Аджи-Кабул – Ленкорань).
- IX. Акстафа – Карс – Эривань. (А) Делижан – Карс – Саракамыш, Эривань – Эчмиадзин, Вагаршапат – Александрополь, Вагаршапат – Александрополь – Игдырь, Игдырь – Кагизман, Эривань – Хор-вираб, Эривань – Джульфа – Нахичевань, Арарат.

3

Е.Г. Вейденбаум представил любознательным читателям и путешественникам обширный материал по наиболее важным маршрутам, проехав по которым можно было познакомиться с наиболее значимыми туристскими и паломническими объектами Кавказского региона.

Однако еще задолго до издания путеводителя Е.Г. Вейденбаума известный драматург М.Н. Владыкин⁸ написал и выпустил в свет «Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу», который выдержал два издания, соответственно в 1874 году и 1885 году. Путеводитель М.Н. Владыкина был снабжен картой Кавказского края, на которой были указаны существовавшие в то время железные

⁸ Владыкин Михаил Николаевич (1830–1887) – известный русский драматург, путешественник, автор книги «Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу».

4

ков, указание на особенности климата разных районов Кавказа, делают книгу М.Н. Владыкина очень интересной и познавательной.

Особая и важная роль в создании и издании массовых путеводителей для путешественников по Российской империи, в том числе по Кавказу, принадлежит Г.Г. Москвичу⁹. В 1888 году он создал «Издательство путеводителей Гр. Москвича» – первое отечественное издательство, специализировавшееся на публикации путеводителей. Уникальные места Кавказа, благодаря путеводителю Г.Г. Москвича «Иллюстрированный практический путеводитель по Кавказу», выдержавшему 22 издания (ил. 2), стали известны широкой российской публике, и их начали посещать по разным причинам, но в первую очередь для отдыха и познавательных путешествий, а также с религиозными и оздоровительными целями. Г.Г. Москвич долго жил в Одессе, а в начале XX века переехал в Санкт-Петербург, где продолжил работу по изданию путеводителей с новым размахом. Таким образом, Г.Г. Москвич создал единственное в России издательство путеводителей, которое просуществовало до 1917 года. Он сам был заядлым путешественником и увлеченным краеведом, также имел экскурсионное бюро на Кавказе. Главное бюро экскурсий находилось в Кисловодске с отделениями в Пятигорске, Железноводске, Ессентуках, Минеральных Водах, Владикавказе, Беслане. В Ростове и Новороссийске его отделения находились на вокзалах. Г.Г. Москвич первым

дороги. Основному тексту путеводителя по Кавказу автор предпослал два очерка: географический и исторический, а также отдельную главу «Сообщения», в которой описал морские и сухопутные пути для следований по Кавказскому краю. М.Н. Владыкин каждую главу условно делил на две части, в одной он указывал сведения, необходимые для путешественника, то есть это был именно путеводитель, во второй части каждого раздела он описывал свои собственные впечатления от путешествий по Кавказу как литератор. Представленные в путеводителе наблюдения, исторические сведения, подробно описанная инфраструктура для путешественни-

⁹ Москвич Григорий Григорьевич (1858–1942) – русский путешественник и издатель, специализировавшийся на издании путеводителей, один из первых организаторов туризма в России. Деятельность уроженца Ялты по выпуску путеводителей по Крыму, Кавказу и европейским странам в конце XIX – начале XX века стала заметным явлением в туризме и издательском деле Российской империи.

в России поставил создание и издание путеводителей на профессиональную основу. Его путеводители составлялись коллективом авторов, а окончательно редактировал материал сам Г.Г. Москвич. До 1917 года он имел сеть книжных магазинов по всей России. В одном из документов, написанных Г.Г. Москвичом, он в цифрах показал ту огромную работу, которую проделало его издательство по выпуску путеводителей почти за тридцать лет: «Мои 14 различных путеводителей с 1888 года выдержали все вместе 223 издания в количестве 825 тысяч экземпляров»¹⁰.

Путеводитель по Кавказу Г.Г. Москвича, публикуемый на протяжении более двадцати лет, представлял собой уникальное издание для практического применения его путешественниками, так как он был небольшого формата, в переплете и поэтому его было удобно носить в кармане одежды, в сумке или рюкзаке. Путеводитель в разные годы выпуска был снабжен различными по количеству, но точными и достоверными картами и планами Кавказа, отдельных городов, районов и достопримечательных мест, чертежами, иллюстрациями и рекламными объявлениями. Например, в 19-м издании путеводителя за 1912 год автором было предложено 13 маршрутов различных путешествий по Кавказу. В конце путеводителя были представлены расписания рейсов пароходов РОПиГ и пароходства Российского транспортного и страхового общества. В путеводителе приводятся реальные цены на 1912 год за использование средств размещения (гостиниц, курортов, дач, меблированных комнат, пансионатов и т. д.), транспортных средств (пароходов, железной дороги, дилижансов, конных колясок, автомобилей, автобусов и т. д.), общественного питания (ресторанов, духанов, кафе, клубов и т. д.).

Г.Г. Москвич в своем путеводителе достаточно подробно описывает святыне места Кавказа и указывает, какие святыни в них находятся, а также отмечает наличие паломнических гостиниц и странноприимных домов. В путеводителе описаны кафедральный Сионский собор, храм преподобного Давида Гареджийского в Тифлисе и другие святыни столицы Грузии. Также представлен древний собор

¹⁰ Государственный архив Севастополя. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 471. Л. 29.

6

в честь Двенадцати апостолов (Святи-Цховели) и монастырь Самтавро в Мцхета, а также недалеко расположенный храм Джвари. Немало места в путеводителе Г.Г. Москвича занимает описание Новоафонского Симоно-Канонитского монастыря, расположенного между городами Гудауты и Сухуми в Абхазии. Кроме подробного рассказа о святынях, храмах и часовнях обители автор в деталях повествует о бытовых условиях, созданных иноками монастыря для паломников и религиозных туристов и путешественников. Также в путеводителе приводятся особые условия и правила пребывания в монастыре, которые отличаются от мирской жизни большей аскетичностью и простотой. Характерно описание святого места, где покоятся честные мощи равноапостольной Нины, просветительницы Грузии: «Бодбийский святой Нины монастырь находится в 2 верстах от Сигнаха. При монастыре женская школа, в которой воспитывается около 70 туземок. Имеется гостиница. В Бодбийском монастыре почивают мощи святой Нины. Могила ея, возвышающаяся на $\frac{1}{2}$ аршина над помостом храма, украшена золотым покрывалом, с изящно вышитым изображением просветительницы Грузии»¹¹.

Однако кроме Г.Г. Москвича общекавказские путеводители создавались также другими авторами и печатались разными российскими издательствами. Среди них, на наш взгляд, можно выделить две работы: В. Цветова «Спутник туриста по Кавказу» (1900) и Н. Андреева «Иллюстрированный путеводитель по Кавказу. С видами местностей и достопримечательностей» (1912).

Помимо общекавказских путеводителей, для путешественников издавалась справочная литература, которая рассказывала о достопримечательностях и туристской инфраструктуре конкретных областей и курортов. Среди такого рода путеводителей выделяется замечательная книга известного русского публициста Г.А. Джаншиева¹² «Перл Кавказа», выдержавшая четыре издания (ил. 5). Она заслуживает особого внимания, так как соединяет в себе несколько жанров.

¹¹ Москвич Г.Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Кавказу. 19-е изд. СПб., 1912. С. 197.

¹² Джаншиев Григорий Аветович (1851–1900) – известный российский историк, юрист и публицист армянского происхождения. Уроженец Тифлиса, закончил юридический факультет Императорского Московского университета, был присяжным поверенным в Москве. Первый начал изучать историю судебной реформы и в целом преобразований в России в 1860-х годах, посвятив этому вопросу несколько монографических исследований, а также написал ряд биографических работ о ведущих деятелях крестьянской и судебной реформы. Его книга «Эпоха великих реформ» (1892) выдержала несколько переизданий при жизни и после смерти автора. В 1891 году посетил Константинополь, вследствие чего стал заниматься армянским вопросом в Османской империи. Является также автором книг о путешествиях («В Европе», 1888; «Среди баловней и пасынков природы», 1889; «Перл Кавказа», 1890).

Кроме имеющейся в ней практической информации для путешественников книга написана хорошим русским языком и наполнена поэтическим вдохновением автора, влюбленного в Боржом и его окрестности. Перед нами замечательное литературное произведение, серьезный научно-исторический труд и одновременно познавательный путеводитель по Боржому и центральной части Кавказа. Наряду с картами, планами и рисунками, в четвертом издании «Перла Кавказа» помещены таблицы метеорологических наблюдений ученых, дающие представление о климате в Боржоме и его окрестностях. Также Г.А. Джаншиев приводит в своей книге химический состав боржомских минеральных вод, взятых из местных источников, исследованный разными учеными.

В 1911 году Сочинское отделение Кавказского горного клуба выпустило в Санкт-Петербурге «Дорожник экскурсий по горам и ущельям Сочинского района», который до настоящего времени не потерял своей актуальности. Также представим наиболее интересные путеводители по различным районам и городам Кавказа: А.П. Андреев «От Владикавказа до Тифлиса (Военно-Грузинская дорога): Владикавказ – Дорога – Тифлис. Справочный указатель»; Ф.П. Доброхотов «Черноморское побережье Кавказа: Справочная книга», А.А. Истомин «Путеводитель по Военно-Грузинской и Военно-Осетинской дорогам»; А.А. Лебедев «Путеводитель по городу Тифлису»; В.А. Меркулов «Путеводитель по Пятигорью: Описание некоторых экскурсий, вида с горы Бештау и вида на горную цепь Кавказского хребта»; В.В. Святловский «Родные курорты: (Очерки и картинки): Кавказские Минеральные Воды – Военно-Грузинская дорога – Тифлис».

Справедливости ради необходимо отметить следующее обстоятельство. В российской прессе и воспоминаниях путешественников того времени рефреном звучал мотив отсутствия достаточного количества путеводителей и справочников по Кавказу. И это при том, что разнообразные путеводители по Кавказу выпускались регулярно туристскими клубами и обществами, а также некоторыми издательствами, и в первую очередь «Издательством путеводителей Гр. Москвича». Это обстоятельство объясняется быстрорастущими потоками путешественников и туристов, направляющимися с различными целями на Кавказ во второй половине XIX – начале XX века.

В рамках небольшой статьи невозможно представить все путеводители по Кавказу, которые издавались в Российской империи. Однако даже те, о которых рассказано в настоящей статье, отражают историю туристского освоения Кавказа, а также большую работу, которую провели авторы и издатели по созданию замечательных путеводителей для путешественников, туристов и паломников во второй половине XIX – начале XX века.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев А.П.* От Владикавказа до Тифлиса (Военно-Грузинская дорога): Владикавказ – Дорога – Тифлис: Справочный указатель. СПб., 1891.
- Андреев Н.* Иллюстрированный путеводитель по Кавказу: С видами местностей и достопримечательностей. М., 1912.
- Васюков С.П.* «Край гордой красоты»: Кавказское побережье Черного моря: Природа, характер и будущее русской культуры. СПб., 1903.
- Вейденбаум Е.Г.* Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888.
- Владикавказская железная дорога и лечебные места Кавказа. 2-е изд. Пг., 1915.
- Владыкин М.* Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу: В 2 ч. 2-е изд., доп. и испр. М., 1885.
- Волгин П.* Топловский монастырь // Салгир. Симферополь, 1902. № 276. 15 дек.
- Голоцван К.В.* Становление массового туризма в России в конце XIX – начале XX века: Крым, Кавказ, Волга: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.
- Аксаничев Г.А.* Перл Кавказа: Боржом и его окрестности. М., 1886.
- Аксаничев Г.А.* Перл Кавказа: Боржом – Абастуман. 4-е изд., доп. М., 1900.
- Доброхотов Ф.П.* Черноморское побережье Кавказа: Справочная книга. Пг., 1916.
- Дорожник экскурсий по горам и ущельям Сочинского района. СПб., 1911.
- Истамин А.А.* Путеводитель по Военно-Грузинской и Военно-Осетинской дорогам. 2-е изд. Пятигорск, 1908.
- Кавказские курорты: Пятигорск, Ессентуки, Железноводск и Кисловодск: Иллюстрированный путеводитель на 1901 год. Ростов-на-Дону, 1901.
- Кавказские минеральные воды: Пятигорск, Ессентуки, Железноводск, Кисловодск: Иллюстрированный путеводитель на 1903 год. Ростов-на-Дону, 1903.
- Кавказский горный клуб: Сочи и его окрестности: Дорожник экскурсий по горам и ущельям Сочинского района. СПб., 1911.
- Кривенко В.С.* Очерки Кавказа: Поездка на Кавказ осенью 1888 года. СПб., 1893.
- Лебедев А.А.* Путеводитель по городу Тифлису. Тифлис, 1904.
- Меркулов В.А.* Путеводитель по Пятигорью: Описание некоторых экскурсий, вида с горы Бештау и вида на горную цепь Кавказского хребта. Пятигорск, 1908.
- Москвич Г.Г.* Иллюстрированный практический путеводитель по Кавказу. 19-е изд. СПб., 1912. На Юге России и в Крыму в июне 1912 года: Экскурсия учащихся варшавского учебного округа. Варшава, 1913.
- Образ жизни и развлечения Кисловодска // Сезонный листок Кавказских Минеральных Вод. 1894. № 11. 10 июля. С. 198.
- Пачулия В.П.* Кавказ – родина туризма // Ветер странствий: Альманах. М., 1972. Вып. 7. С. 128–130.
- Радде Г.П.* Краткий путеводитель Кавказского музеума. Тифлис, 1870.
- Святловский В.В.* Родные курорты: (Очерки и картинки): Кавказские Минеральные Воды – Военно-Грузинская дорога – Тифлис. Одесса, 1897.
- Сидоров В.М.* По России: Кавказ: Путевые заметки и впечатления: Практические сведения для туриста. СПб., 1897. Т. 2.
- Цветов В.* Спутник туриста по Кавказу. М., 1900.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

1. Российские туристские путеводители по Кавказу конца XIX – начала XX века
2. *Москвич Г.Г.* Иллюстрированный практический путеводитель по Кавказу. СПб., 1912
3. *Пачулиа В.П.* По историческим местам Абхазии. Сухуми, 1956; *Джанишев Г.А.* Перл Кавказа: Боржом и его окрестности. М., 1886
4. *Анисимов С.С.* Кавказский край: Путеводитель. М., 1925
5. *Джанишев Г.А.* Перл Кавказа: Боржом и его окрестности. М., 1886
6. *Ильин А.* Путеводитель-справочник: Военно-Грузинская, Военно-Осетинская дороги. Ингушетия, Сев. Осетия, Владикавказ / Под ред. В.П. Пожидаева. Владикавказ, 1928

**Митрополит Горийский
и Атенский**

Андрей (Гвазава),

Грузинская Православная Церковь

**ОБ ОДНОМ
НЕИЗВЕСТНОМ
ПИСЬМЕ ИЗ СКИТА
АПОСТОЛА АНДРЕЯ
ПЕРВОЗВАННОГО СО
СВЯТОЙ ГОРЫ АФОН**

Фрагменты переписки братии Андреевского скита на Святой горе Афон в настоящее время хранятся в Новоафонском Симоно-Кананитском монастыре в Абхазии. Предположительно либо кто-то из братии Новоафонского монастыря посещал Андреевский скит и привез оттуда какую-то часть переписки, либо некий насельник скита перебрался на Новый Афон и взял рукописи с собой. Это могло произойти после 1915 года, когда часть монахов из Андреевского скита была выслана с Афона после волнений, связанных с дискуссией об имени Божиим.

Следует кратко напомнить о непростой истории возникновения на Афоне Андреевского скита, на месте которого впоследствии был воздвигнут величественный собор во имя апостола Андрея Первозванного. Обитель была основана в 1849 году (открытие состоялось 22 октября) двумя русскими монахами, Варсонофием (Вавиловым) и Виссарионом (Голмачевым), прибывшими из России. Этот скит долгое время оставался единственной русской обителью на Афоне. Он был устроен на месте уединенной кельи во имя преподобного Антония Великого, существовавшей с X века. Прежде на территории скита находился храм, в развалинах которого была обнаружена надпись, что один из приделов носил имя апостола Андрея Первозванного. Именно это обстоятельство дало название вновь строяемому Андреевскому скиту. Следует отметить, что много трудов для основания скита приложил ктитор Андрей Николаевич Муравьев, названный в честь святого апостола Андрея. К слову сказать, Андрей Николаевич Муравьев был ревностным почитателем древней грузинской культуры, им были собраны и сохранены замечательные памятники грузинского церковного искусства (иконы, утварь и др.).

Первым игуменом скита стал один из его основателей, перосхимонах Виссарион (Голмачев).

¹ Тезисы выступления.

Число братии в 1847 году составляло 25 человек, игуменское его служение продолжалось до 1862 года. Вторым игуменом скита стал его ученик отец Феодорит (в миру Федор Крестовников). Как и отец Виссарион, он происходил из крестьянской семьи выходцев из Симбирской губернии. На Афон прибыл в 1842 году, 6 мая 1862 года был утвержден в должности игумена Ватопедским монастырем (в зависимости от которого находился Андреевский скит). Отец Феодорит был первым из дикеев, кого Константинопольский патриарх возвел в сан священноархимандрита.

Работы по обустройству скита продолжались постоянно. В 1862 году за его оградой на братском кладбище на собранные средства была построена двухэтажная церковь в честь Всех святых и святых Афонских. Освящен был храм епископом Полтавским Александром (Павловичем) во время его паломничества на Афон в 1868 году.

Сохранившееся письмо игумена Феодорита было написано 2 июля 1869 года. Как следует из этого письма, настоятель Андреевского скита довольно продолжительное время состоял в переписке с преосвященным Александром: «Припадая заочно со всею о Христе братиею к честнейшим стопам Вашим, Владыка Святей, имеем честь уведомить Вас, что письмо Ваше от 17-го мая с. г. из Киева мы получили исправно. С благодарностью и утешением принимая Ваши дорогие и полезные послания, остаемся в надежде, что постоянно с Вами будет плодотворно». Далее отец Феодорит продолжает: «Ревность к славе Божией и благолепию Св. храма, труды и рекомендация конечно приводят к тому, чтобы вечно благословлять Ваше незабвенное имя, молить Бога о здравии и спасении и ожидать милости Господней».

Вероятнее всего, знакомство отца Феодорита с владыкой произошло ранее, когда он по монастырским делам приезжал в Россию и рассказал епископу о положении дел скита и работах, ведущихся по его благоустройству. «Побывать Вам здесь будет хорошо; оставить по себе добрую память услуг и Св. молитв похвально, за что да воздаст Подвигоположник: пусть Св. Афон видит первые труды Русского Владыки». Владыка незадолго до того, 13 сентября 1860 года, был перемещен на Полтавскую кафедру, но вскоре, в ноябре 1862 года, по личному прошению был уволен на покой и проживал в Киеве при митрополичьем доме.

Как следует из данного письма, в предыдущих письмах владыки присутствовали и разного рода наставления: «Отеческие наставления Ваши, как Архипастыря, предусмотрительны. Подарочки Вы получили и это пусть будет воспоминанием нашей обители. Благословение Ваше на вновь начатые постройки продолжается счастливо. На здании начинаем крыть крышу; на будущий год штукатурить». Вполне вероятно, что здесь упоминается строительство именно храма Всех святых и святых Афонских, который позже освятил преосвященный Александр. Заканчивается письмо следующим образом: «Затем испрашиваю св. молитв, с чувствами признательности имеем честь прибывать Вашего Преосвященства смиреннейшими послушниками. Настоятель Русского Св. Андреевского общежительного скита. Игумен Феодорит со всею Христовой Братиею».

**Митрополит Сенакский
и Чхороцкусский
Шио (Муджири),**

Грузинская Православная Церковь

ИЗ ИСТОРИИ ПРЕБЫВАНИЯ ЧТИМЫХ ИКОН В ТЕКЛАТСКОМ ЖЕНСКОМ БОГОРОДИЧНОМ МОНАСТЫРЕ

Теклатский женский монастырь, один из ведущих женских монастырей в Западной Грузии, был основан в 1865 году и прошел путь от общины до получения статуса монастыря в 1897 году. Его история неразрывно связана с именем преподобного Алексия Сенакского (Шушания), известного подвижника благочестия Грузинской Церкви, монаха-затворника и духовного писателя (ил. 1).

Особое место в истории Теклатской обители занимает личный духовный пример преподобного Алексия. Со дня основания монастыря он сначала помогал сестрам, а впоследствии стал духовником большинства из них. Особенностью монашеского и пастырского служения отца Алексия являлось то, что, несмотря на строгий затворнический образ жизни, он не прекращал духовного окормления теклатских монахинь, проявляя в случае необходимости покровительство и деятельно помогая монастырю.

Одной из главных особенностей монастыря являлось присутствие среди его насельниц – монахинь, несущих особый подвиг затворничества. Духовное наставление затворниц, как и большинства других сестер обители, осуществлял преподобный Алексий, будучи сам искусным в несении этого подвига. Сохранились сведения о том, что подвиг затворничества монахини Теклатского монастыря продолжали совершать и при богоборческой власти (ил. 2).

Число сестер Теклатской обители с первоначальной цифры 7–10 насельниц возросло к началу XX века до приблизительно девяноста, а к началу богоборческого периода составляло около ста человек (ил. 3). Следует подчеркнуть, что многие из монахинь Теклатского монастыря, отличаясь высокими духовными дарами и монашескими добродетелями, одновременно обладали разнообразными дарованиями: обра-

зованностью, искусством иконописи и каллиграфии, а также были мастерами в рукоделии и других церковных ремеслах. Однако особенной заслугой сестер стало сохранение ими грузинских культурных и национальных ценностей. Особое внимание преподаванию грузинского языка в стенах монастырской церковно-приходской школы способствовало сохранению и спасению национального языка в Мегрелии в условиях имперской политики русификации, проявившейся в 1890-х годах. Не менее важна роль теклатских сестер в сохранении традиций грузинских песнопений, что подтверждается многими архивными материалами, содержащими свидетельства о самобытности грузинской певческой церковной культуры известных знатоков местного пения: святителя Филимона Коридзе, епископа Гурийско-Мингрельского святителя Александра (Окропиридзе) и др.

1

Теклатский монастырь, будучи единственной женской обителью в Мегрелии, сыграл также значительную роль в духовной жизни других монастырей Западной Грузии. Несколько монахинь обители были переведены в Мгвимский и Матходжский монастыри в Имеретии с целью их возрождения и внесли большой вклад в устроение духовной жизни этих обителей. Необходимо также отметить еще одну сторону деятельности Теклатского монастыря – издание отдельных произведений преподобного Алексия. Сочинения в виде брошюр печатались в г. Поти в типографии Л. Тугуши.

Теклатский монастырь в новейшей истории Грузинской Церкви занимает особое место. От многих других монашеских обителей Грузии его отличает и то обстоятельство, что он, пройдя через горнило испытаний при советской власти, сумел уцелеть и сохранить традиции грузинского монашества. Заслуживает внимания также тот факт, что, несмотря на выпавшие на долю теклатских монахинь трудности и скорби, им удалось сохранить основные святыни монастыря. Одной из реликвий, особо почитаемых и хранимых в монастыре, является фаланга пальца святого Иоанна Крестителя (ил. 4), которую, согласно преданию, пожертвовал Теклатскому монастырю протонерей Георгий Ахвледiani – он приобрел ее путешествуя в Грецию и на Святую Землю в 1893 году (ил. 5). Ковчег с мощевиком, украшенным драгоценными камнями, он купил за 200 золотых рублей.

2

Эта реликвия по сей день хранится в Теклатском монастыре и является главной почитаемой святыней обители.

Одной из чтимых икон Теклатской обители является образ Рождества Богородицы, преподнесенный в дар монастырю императором Александром III, посетившим Грузию осенью 1888 года. Долгое время икона являлась храмовой (ил. 6). Точная дата ее принесения в монастырь неизвестна (размер 137×69,5 см). К иконе была прикреплена серебряная пластина с выгравированной на ней дарственной надписью, которая была похищена в 1923 году после одного из набегов бандитских отрядов, инициируемых представителями богоборческой власти. Икона находится в Теклатском монастыре в храме Рождества Богородицы.

Император Александр III (1845–1894) посетил в 1888 году Кавказ в период с 18 сентября по 14 октября с августейшей семьей: супругой Марией Федоровной и сыновьями: наследником цесаревичем Николаем Александровичем (будущим императором Николаем II) и великим князем Георгием Александровичем. В пределы Грузии Александр III прибыл морем из Новороссийска, откуда отправился в Батуми. По дороге посетил Новый Афон, где 24 сентября присутствовал на церемонии освящения главного соборного храма, преподнес в дар монастырю музыкальные куранты. 27 сентября в воскресенье отбыл из Батуми по железной дороге в Михайлово. Совершив смотр находящегося здесь военного лагеря, направился в Тифлис, где пробыл с 28 сентября по 1 октября. Далее продолжил свой путь в Восточную Грузию, 5 октября поклонился в Бодбе могиле равноапостольной Нины, где ранее был древний монастырь, отдав распоряжение возродить на этом святом месте монашескую жизнь, создав здесь женскую обитель. 8 октября прибыл в Баку, где присутствовал при закладке Александро-Невского собора. На обратном пути посетил Кутаиси, где в числе встречающих его был предводитель дворянства Д.К. Нижарадзе; 13 октября в Гелатском монастыре его приветствовал святитель Имеретинский Гавриил (Кикодзе). Вероятнее всего, именно тогда император узнал о существовании Теклатского женского монастыря – наиболее известной женской обители Западной Грузии, которой решил преподнести упомянутую икону Рождества Богородицы.

Еще одной чтимой иконой Теклатского монастыря является образ Пресвятой Богородицы «Неувядаемый Цвет», являющийся списком известной чудотворной иконы Божией Матери (цв. ил. I). На иконе помещена следующая надпись: «Знамением Святой Троицы и изволением Пресвятой Богородицы, молитвами сыном Ею величаемого св. Иоанна Богослова я, убогий иеромонах Иона Святогорец ве-

лел написать сию Чудотворную икону Богородицы Цветом Неувядаемым нареченную, заказал и жертвую отечеству моему, женскому монастырю в Теклати, как заступницу неусыпную и для поминовения со страхом Господним души моей и родителей моих, с братьями моими о Господе. Святая гора Афон 1903 г.» (размеры иконы 142×105,5 см). В надписи икона именуется еще и Акафистной, поскольку вокруг образа Богородицы находятся клейма, в которых размещены сцены из Великого Акафиста с соответствующими отрывками из икосов и кондаков.

3

Икона была написана для Теклатского монастыря по заказу настоятеля Иоанно-Богословской обители грузинских монахов на Святой горе Афоне иеросхимонаха Ионы (Хоштария). Она прибыла в Теклатский монастырь 20 мая 1904 года. Икона с Афона была доставлена сначала морем в Сухуми, откуда торжественно была препровождена в Сенаки для помещения ее в обитель.

В день прибытия иконы после торжественной литургии, которую служил пресвященнейший Димитрий (Абашидзе), произнес слово преподобный Алексий Сенакский. В начале проповеди он коснулся тяжелого положения Церкви и нравственного упадка в обществе. Характеризуя современное состояние церковной жизни, преподобный обратился непосредственно к насельницам монастыря, подчеркнув в своем слове, в чем он видит их долг в это сложное время, отмеченное началом самого разного толка волнений. После наставлений сестрам преподобный Алексий, обратившись к образу Божией Матери, отметил, что икона принесена с Афона «в удел Богоматери Иверию», и просит Ее благословить «отчизну нашу, удел Твой Грузию». «Ты возвысила славу грузин перед всеми народами тем, что избрала страну эту своим уделом и почтила названием: «Иверия удел Богородицы»...»

Далее он упоминает о хитоне Господнем, данном Грузии, как о свидетельстве взятия ее в качестве Удела Богородицы, и замечает: «Чем заслужили мы, бедные иверы, такой милости от Господа?» Затем говорит: «Ты явила Грузии в залог любви и утешение ризу свою, которая хранится в Мингрелии в монастыре Хоби... Ты

4

5

Великое упование народа Грузии, благослови родину нашу...» Преподобный Алексей обращается к Богородице с просьбой о покровительстве и предстательстве перед Господом, дабы свыше ниспослан был мир между двумя враждующими государствами (речь идет о Русско-японской войне 1904–1905 годов), молит Ее об избавлении от тяжелых испытаний «правоверного государя» императора Николая Александровича и «вся воинства его». Просит также Богородицу о здравии и благоденствии епископа Гурийско-Мингрельского Димитрия (Абашидзе), много позаботившегося о почитании сей иконы. В заключение преподобный испрашивает у Богородицы помощи сестрам монастыря и смиренно завершает свое приветственное слово: «...последний же я, тяжкими грехами обремененный монах Алексей, недостойный взглянуть на икону Твою, со слезами молю Тебя и Сына Твоего Иисуса Христа, на Вас уповаю, да не посрамлен буду вовеки. Аминь».

После этого события в монастыре установился обычай ежегодно 20 мая отмечать праздничным богослужением день прибытия иконы. Икона стала храмовой, в связи с чем ее поместили в монастырском храме Рождества Богородицы у колонны над могилой настоятельницы Теклатского монастыря игумении Афанасии (Салакая). Там она находится и по сей день. Ранее на этом месте располагалась икона, пожертвованная императором Александром III.

Согласно преданию, в день прибытия иконы «Неувядаемый Цвет» произошло чудо. В Сенаки в начале Кутаисской улицы проживала тяжело больная женщина, у которой нижняя часть тела была парализована, и она была прикована к постели. Как и другие жители Сенаки, она с нетерпением ожидала прибытия иконы. И переживала, что не сможет подняться в обитель на гору и приложиться к образу. В связи с этим она пожелала встретить икону по дороге следования в монастырь возле дома, чтобы хотя бы так почтить образ. Когда процессия с иконой приблизилась к ее жилищу, эту женщину вынесли на улицу, поднесли к образу, и она благоговейно многократно приложилась к нему, лобызая и горячо прося Пресвятую Богородицу об исцелении. По молитвам Божией Матери со-

вершилось чудо, и больная стала ходить. По пути следования иконы из Сухуми имели место и другие случаи исцелений.

Кроме этих двух чтимых икон следует упомянуть также о 13 иконах, специально написанных для домового храма двухклассной церковно-приходской школы Теклатского монастыря известным русским художником, мастером морского пейзажа Петром Бажановым (1851–1913). Работа над иконами была завершена к сентябрю 1904 года, и он получил за нее от Общества восстановления православного христианства на Кавказе 240 руб. Эти 12 икон были следующими: 1. Спаситель; 2. Божия Матерь; 3. Св. Нина; 4. Воскресение Христово; 5. Михаил Архангел; 6. Архангел Селафиил; 7. Тайная вечеря; 8. Моление о чаше; 9. Рождество Пресвятой Богородицы; 10. Введение во храм Пресвятой Богородицы; 11. Рождество Христово; 12. Крещение Господне. Еще одну икону, четырех евангелистов, П. Бажанов преподнес в дар монастырю. Большая часть этих образов до настоящего времени находится в домовый церкви святой Нины в здании бывшей монастырской школы.

Также следует упомянуть еще об одной иконе с изображением апостола Симона Кананита и великомученика Пантелеимона, преподнесенной в дар монастырю в 1886 году видным церковным деятелем, в то время управляющим канцелярией Святейшего Синода, Владимиром Карловичем Саблером (впоследствии, со 2 мая 1911 года по 5 июля 1915 года, обер-прокурор Синода). На обратной стороне иконы находится дарственная надпись: «В женскую общину Сахарбедно близ Новых Сенаци в молитвенное воспоминание о Владимире Саблере. 12 Сентября 1886 г.» Икона была возвращена в Теклатский монастырь 2 января 2014 года. До этого, в богоборческий период, она хранилась в Потти в семье священника Гурама Пирцхалава.

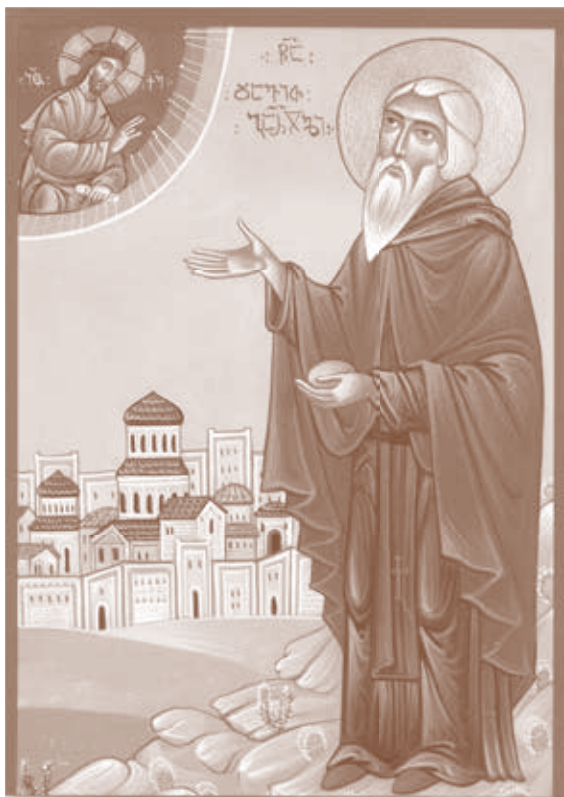
ИЛЛЮСТРАЦИИ

1. Преподобный Алексей Сенакский (Шушания)
2. Сестры монахиня Анна и схимонахиня Мария (Дзидзава). 1950 год
3. Епископ Гурийско-Мингрельский Леонид (Окропиридзе) с насельницами Теклатского монастыря. 1910 год
4. Частица мощей (фаланга пальца) святого Иоанна Предтечи. Теклатский женский монастырь
5. Протоиерей Георгий Ахвледзани с дочерьми схимонахинями Кетеван и Рипсимией
6. Рождество Богородицы. Около 1888 года. Вклад императора Александра III в Теклатский женский монастырь. Деталь

Протоиерей Иоани Каледа,

и. о. настоятеля церкви
Живоначалайной Троицы
на Грязех у Покровских ворот

**ПРЕПОДОБНЫЙ
ДАВИД
ГАРЕДЖИЙСКИЙ
И ЕГО ПОЧИТАНИЕ
В РУССКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ
ЦЕРКВИ**

1

Начало широкого почитания в России преподобного Давида Гареджийского – небесного покровителя Давида Ильича Арсенишвили – связано с храмом Преображения Господня в Тушине. В этом храме у протоиерея Федора Соколова я начинал свое церковное служение. Сначала алтарником, потом, в 1994 году, диаконом и с 1995 года – священником. Первым старостой тушинского храма был Олег Васильевич Шведов (6.11.1945 – 8.06.2002). В 1970–1980-х годах он проводил свой отпуск в путешествиях с фотоаппаратом по Грузии в поисках заброшенных православных святынь. Именно благодаря ему в тушинском храме началось почитание преподобного Давида Гареджийского как скорого помощника в женских недугах и при проблемах в деторождении. В тушинском храме сразу же

2

после возобновления в нем богослужений в 1990 году стали заказывать молебны преподобному (в составе общих молебнов).

В 1994 году О.В. Шведовым был составлен и издан сборник «Дивен Бог во святых Своих»¹, где на странице 49 под заголовком «Женские немощи» были помещены тропарь, кондак и молитва преподобному Давиду. В 1996 году тот же автор выпустил книжку «Преподобный Давид Гареджийский и его Святая Лавра»². После этих публикаций православные люди в России получили возможность познакомиться с житием преподобного Давида и совершать ему келейные молитвы. В это время и я узнал о преподобном и его благодатной помощи страждущим женщинам.

В конце декабря 1996 года я был переведен из Тушино в храм Живоначальной

Троицы на Грязех у Покровских ворот. Вместе со мной из тушинского прихода пришло и почитание преподобного Давида Гареджийского. Вскоре появилась потребность заказать икону преподобного. Перед иконописцем этого храма Ниной Носовой (ныне монахиня Тихона – насельница Свято-Троицкого Стефанно-Махрищского монастыря) была поставлена задача обязательно изобразить Камень благодати, принесенный преподобным из Иерусалима, а также, по возможности, и чудодейственный источник на горе Мтацминда в Тбилиси. Так появилась первая в Москве икона этого святого, освященная 8 февраля 1998 года (цв. ил. II). (До этого в Москве была только настенная роспись в храме великомученика Георгия Победоносца в Грузинах.) На иконе изображен преподобный Давид, стоящий на горе с благодатным камнем в руках и издали поклоняющийся Святому Граду. У ног его – символический источник, так что гора одновременно является и Горой благодати, откуда открывается вид на Иерусалим, и Мтацминдой, где находится целебный источник.

В Грузии в это время были преимущественно распространены иконы преподобного, на которых он был представлен изгоняющим дракона, укравшего детеныша у прирученных им диких ланей. Однако годы спустя стали появляться и списки с нашей иконы, но «с грузинским акцентом» (ил. 1). С февраля 1998 года в Троицком храме на Покровке по понедельникам стали совершаться молебны

¹ Дивен Бог во святых Своих: Собрание молитвословий святым угодникам Божиим, помогающим верным христианам в различных их нуждах. М., 1994.

² Преподобный Давид Гареджийский и его Святая Лавра / Сост. О.В. Шведов. М., 1996.

преподобному Давиду с водосвятием. Молебны достаточно быстро приобрели популярность.

Прошло полгода. Как-то раз к нам зашла женщина и попросила сторожа помочь ей найти один храм. «Он и на храм-то не очень похож³, – объясняла она. – Настоятель там – батюшка с грузинской фамилией. Он помогает болящим женщинам». Мы не сразу догадались, что речь идет о преподобном Давиде Гареджийском, а догадавшись, поняли, кто на самом деле является нашим настоятелем, и почему у меня перед названием должности стоят две буквы – «и. о.» (исполняющий обязанности).

Позднее в нашем храме была написана и вторая икона преподобного Давида с житием, для которой был заказан большой напольный киот с грузинской тематикой

(ил. 2, цв. ил. III–VII). Иконография этой иконы тоже нашла свое признание в Грузии. В феврале 1998 года был заказан и первый тираж икон преподобного. Сейчас мы тиражируем иконы от аналойного до карманного размера. К каждой из них прилагается листок с кратким житием, тропарем и молитвой святому. Немало аналойных икон мы передали в другие храмы.

В настоящее время на молебны собирается в среднем 90–100 молящихся, приезжающих со всей России, в том числе и из Сибири, а также из ближнего и дальнего зарубежья. Так, за последние полгода к нам, к преподобному Давиду, приезжали из Белоруссии, дважды из Киева, из Тулы, Калуги, Краснодара и др. При этом, конечно, далеко не все подходят и представляются. Многие пишут на сайт нашего храма с просьбой отслужить молебны и помолиться за них преподобному. За последние полгода такие просьбы поступали из Томска, Новосибирска, Ростова-на-Дону, Донецка (Ростовской области), Ессентуков, Санкт-Петербурга, Краснодара, шесть раз с Украины, один раз из Польши. Попутно отмечу, что у нас принимаются и полугодовые поминовения на молебнах.

День памяти преподобного Давида – «четверг по Вознесении» – один из главных праздников храма Святой Троицы на Грязех. Только в этот день в храме совершаются архиерейские службы, он бывает наполнен молящимися, как на Рождество и на Пасху. Наши престольные праздники: Троица, день памяти святителя Николая, празднование иконы Божией Матери «Три Радости» (празднуется на Собор Пресвятой Богородицы на следующий день по Рождестве Христовом).

3

³ Храм Живоначальной Троицы на Грязех был в годы лихолетья лишен купола и колокольни и переоборудован в дом культуры, он стоит в ряду домов и тем самым мало отличается от соседних зданий.

Конечно, Троицкий на Грязех храм не единственный, в котором почитается преподобный Давид и имеются его иконы. В Москве это храмы преподобного Марона, пустынноика Сирийского, преподобного Сергия Радонежского в Бусинове, конечно же – великомученика Георгия Победоносца в Грузинах и др. Икона преподобного специально писалась для храма при Рязанском государственном университете имени С.А. Есенина. В Спасо-Яковлевском Димитриевом монастыре Ростова Великого образ преподобного Давида появился стараниями нескольких насельников-грузин. В курский Свято-Троицкий женский монастырь икона была привезена грузинскими священниками, с которыми в монастыре установились давние духовные связи.

В Казахстане в поселке Боралдай (бывший Бурундай) Илийского района Алма-Атинской области в храме Иверской иконы Богородицы боковой придел освящен во имя преподобного Давида Гареджийского. Этот храм в 2007 году переиздавал книгу О.В. Шведова «Преподобный Давид Гареджийский и его Святая Лавра».

В 2007 году при посещении тверского Екатерининского женского монастыря нами была передана в дар аналойная икона преподобного Давида Гареджийского. Игуменья Иулиания вместе со своей духовной сестрой игуменней Вознесенского Оршинского монастыря Евпраксией поблагодарили, сказав, что они давно его почитают. Когда же они узнали о помощи преподобного в женских немощах, обрадовались, что и по этим вопросам ему теперь можно молиться...

Почитание и молитвенное обращение русского народа за помощью к грузинскому святому преподобному Давиду Гареджийскому, равно как и почитание преподобного Серафима Саровского в Грузии (во многих грузинских храмах есть его иконы), подчеркивает, что мы, православные, – народ Божий, и нет ни иудея, ни еллина, а только братья и сестры во Христе.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

1. Преподобный Давид Гареджийский. Начало XXI века. Частное собрание
2. Преподобный Давид Гареджийский. Средник житийной иконы. Около 2000 года. Иконописец Нина Носова. Церковь Живоначальной Троицы на Грязех у Покровских ворот, Москва
3. Преподобный Давид Гареджийский. 2010-е годы. Церковь Иверской иконы Богородицы в поселке Боралдай, Казахстан

Т.Д. Божутина,
Донской ставропигиальный
монастырь

СРЕТЕНСКИЙ ХРАМ ДОНСКОГО МОНАСТЫРЯ И ФОРМИРОВАНИЕ НЕКРОПОЛЯ ГРУЗИНСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ В ДОНСКОМ МОНАСТЫРЕ

Основание храма в подклете Большого собора Донского монастыря связано с семейными захоронениями представителей рода имеретинского царя Арчила II. Храм Сретения Господня под алтарем Большого собора построен одновременно с основным объемом храма как крипта (усыпальница) для погребения церковнослужителей. Вход в нее был по внутрискладчатой лестнице из алтаря собора, существующей и в настоящее время. История строительства храма в крипте Большого собора связана с назначением наместником в Донской монастырь архимандрита Лаврентия (Габашвили) в 1705 году. Но этому назначению предшествовали события, связанные с прибытием в Москву большого посольства грузинских правителей.

В 1684 году в Москву приехали сыновья царя Арчила из рода Багратионов, царевичи Александр и Мамука (Матвей). При них находилась свита из 70 человек, в которой были сановитые вельможи и священнослужители, в том числе глава имеретинской церкви Лаврентий (Габашвили), исполнявший функции переводчика грузинского посольства¹. Молодые царевичи находились в Москве под опекой князя Василия Васильевича Голицына, который ввел их в круг приближенных к царской семье. Царевич Александр участвовал в шутейных военных забавах молодого Петра I, вместе с ним был в поездке в Голландию в 1697 году. В городе Заандаме на домике Петра I имеется мемориальная доска с изображением принца Александра, созданная скульптором А.М. Мчедлишвили и установленная в 1993 году. Текст на голландском языке свидетельствует о том, что Александр проживал с русским царем в этом доме. Он обучался в Голландии военному делу и поддерживал тесные контакты с государственными деятелями этой страны.

¹ *Кутищева А.В.* Некрополь грузинских государственных и политических деятелей в Донском монастыре // Макариевские чтения. Можайск, 2000. Вып. VII: Монастыри России. С. 351–367.

В 1685 году в Москву прибыл сам царь Арчил с супругой Кетеван, дочерью Дареджан (Дарьей) и сыном Давидом. В 1686 году состоялась свадьба царевича Александра и Феодосии Ивановны Милославской, что еще более укрепило связи с русским царствующим домом. К сожалению, брак этот был недолгим, так как 18 марта 1689 года Феодосия скончалась и была похоронена в Новодевичьем монастыре.

Как сказано выше, на дальнейшее развитие русско-грузинских отношений повлияло назначение 18 марта 1705 года наместником Донского монастыря архимандрита Лаврентия (Габашвили), переведенного туда по благословению митрополита Рязанского и Муромского Стефана (Яворского) из Златоустовского монастыря в Москве. Это способствовало укреплению русско-грузинских отношений, так как Донской монастырь стал местом встреч государственных деятелей России и Грузии. Архимандрит Лаврентий, разделивший с царем Арчилом годы изгнания, активно участвовал в качестве переводчика в переговорах по оказанию военной помощи Грузии в борьбе с персами, вел переговоры с Патриархом Иоакимом².

В 1711 году в крипте Большого собора Донского монастыря был погребен глава Пушкарского приказа генерал артиллерии царевич Александр, один из сподвижников царя Петра I в деле становления русской артиллерии, скончавшийся 20 февраля 1711 года при возвращении из шведского плена. Здесь же в крипте перезахоронили еще двух сыновей царя Арчила – Давида, умершего в 1688 году, и Мамуку, скончавшегося в 1693 году, первоначально погребенных в Новодевичьем монастыре. Оттуда же перенесли прах Феодосии Милославской, первой жены Александра. Таким образом, был заложен некрополь грузинских деятелей в Донском монастыре.

Храм в честь Сретения Господня был освящен 24 сентября 1712 года митрополитом Стефаном (Яворским). Спустя год в храме похоронили самого Арчила. Его дочь Дарья Арчиловна на протяжении многих лет делала пожертвования на украшение царской усыпальницы и Большого собора. В Книге записи прихода и расхода денежных средств отмечено: «1727 года сентября в 1 день благородия государыне царевна Дарья Арчиловна Милитиская в вечное поминовение своих родителей пожаловала в Донской монастырь девятьсот девяносто три рубля двадцать восемь алтын и оныя динги приняты и определены на кровлю Соборной церкви верхняго яруса, чтоб покрыть дощатым железом по железным стропилам»³. В той же книге зафиксировано, что в августе 1727 года на Большой собор было пожертвовано царем Вахтангом Леонтьевичем 100 рублей⁴.

В 1729 году церковь-усыпальница была расширена пристройкой алтаря, выступавшего за пределы галерей, тогда же храм увеличился за счет остекления нижней галереи и присоединения помещений. В январе 1730 года Дарья Ар-

² *Татишвили В.А.* Грузины в Москве: Исторический очерк (1653–1722). Тбилиси, 1959. С. 191.

³ ЦАГМ ЦХА до 1917 г. (Центральный государственный архив г. Москвы, Центр хранения документов до 1917 г.). Ф. 421. Оп. 1. Д. 1228. Л. 3.

⁴ ЦАГМ ЦХА до 1917 г. Ф. 421. Оп. 1. Д. 1228. Л. 4.

чиловна пожертвовала на убранство и годовую службу в храме Сретения 90 рублей⁵. Об убранстве этой церкви дает представление опись 1729 года, в которой подробно описаны восемь гробниц с покровами на них, окруженные коваными решетками (фрагмент решетки с гербом Багратионов укреплен на стене храма). Над гробницами были размещены иконы в богатых окладах.

1

В Сретенском храме и его галереях были захоронены потомки рода владетелей Мегрелии – князя Даднани (Даднаны), породнившиеся с царем Арчилом. Здесь упокоились и потомки царевича Александра: его дочь Софья Александровна, вышедшая замуж за Георгия (Егора) Леоновича Даднани, который с семи лет воспитывался в семье царя Арчила. Ее надгробие и плита ее мужа находятся в стене южной части галереи (ранее это был южный выход из Сретенской церкви). На внутренней стене храма помещены резные белокаменные доски, здесь похоронены их дети: Николай Егорович Даднани (1712–1752), муж Д.В. Голицыной; Петр Егорович Даднани (1716–1784), супруг Анны Александровны Багратиони (1723–1780); Михаил Егорович Даднани (1724–1768), майор артиллерии; девица Елизавета Егоровна Даднани.

В храме у внутренней лестницы был похоронен архимандрит Лаврентий, могила которого была обнаружена при раскопках 1986 года. К настоящему времени в Сретенском храме сохранен саркофаг царевича Бакара (1700–1750), сына царя Вахтанга VI, который приходился племянником царю Арчилу II. Царевич Бакар Вахтангович в чине генерал-лейтенанта был управляющим в Артиллерийской конторе в Москве. Он же продолжил дело царя Арчила по изданию грузинских книг, в 1725 году выпустил русско-грузинский словарь. В своей типографии, находившейся в селе Всехсвятском, он издавал богослужебные книги на грузинском языке; им был издан грузинский перевод Библии, известный как «Библия Бакара».

Младший сын царя Вахтанга VI царевич Георгий Грузинский (эту фамилию носили потомки Арчила в России) вместе со своей супругой и детьми также захоронен в Сретенском храме. В нижней галерее у входа в церковь находится белокаменная доска с надписью на грузинском и русском языках: здесь покоится прах советника царицы Русудан Сулхана Элизбаровича Такаишвили. Сама царица Русудан, скончавшаяся в 1741 году, погребена у северной стены Сретенского храма.

В 1732 году в церкви-усыпальнице провели ремонт, там был заново сделан иконостас, простоявший до 1781 года, когда он был заменен новым – классиче-

⁵ ЦПГМ ЦХД до 1917 г. Ф. 421. Оп. 1. Д. 1415. Л. 1.

ского стиля. О старом иконостасе известно, что он был украшен резьбой с позолотой, на которую в 1730 году закупили сусальное золото.

По разрешению Святейшего Синода в 1786 году храм был поновлен: заделаны трещины в стенах, устроен новый пол и поставлены новые входные дубовые двери. Еще в 1780 году архитектор И.Р. Залусский, который возводил новые покои для настоятеля монастыря, сделал проект перестройки церкви и проект иконостаса, он же наблюдал за проведением работ⁶. В главном алтаре был сооружен новый дубовый иконостас, а иконы для него выполнил Антонио Клаудо, расписавший интерьер Большого собора⁷. После разорения 1812 года иконостас Сретенского храма был поновлен на средства княгини Анны Ивановны Багратион в 1832 году.

Помимо царя Арчила и членов его семьи, в храме похоронены царевичи и князья грузинские, представители других грузинских родов, грузинского и греческого духовенства. Всего в храме и в примыкающей к нему галерее сохранилось более 60 захоронений.

В 1985–1986 годах Академией наук Грузинской ССР и Институтом археологии РАН в храме были проведены археологические раскопки. Археологи восстановили места захоронений лиц царской фамилии, над ними были установлены надгробные плиты с надписями на двух языках. У южной стены храма были погребены Арчил и его супруга Кетеван, позднее рядом похоронили их дочь Дарью, которая много средств и сил вложила в убранство храмов Донского монастыря. При проведении раскопок в захоронениях были обнаружены золототканые накидки. Возможно, они являлись работами самой царицы Кетеван, которая занималась изготовлением расшитых золотом тканей.

В 2010–2012 годах в храме и галерее проведены реставрационные работы, во время которых было вскрыто еще несколько плит в стенах храма, но, к сожалению, их состояние не позволило в настоящее время провести их атрибуцию. Возможно, дальнейшие архивные изыскания помогут выявить новые имена. Во время проведения реставрационных работ были восстановлены первоначальные восьмигранные окошки в южной части галереи, которые были сделаны на средства Дарьи Арчиловны. Реставрация храма завершилась установкой нового иконостаса, созданного грузинскими резчиками в традициях грузинского искусства. В настоящее время в храме-усыпальнице проводятся богослужения.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ

1. Иконостас церкви Сретения Господня в подклете Большого собора Донского монастыря после реставрации 2011–2012 годов. Москва

⁶ ЦАГМ ЦХА до 1917 г. Ф. 421. Оп. 1. Д. 5060. Л. 1–3.

⁷ ЦАГМ ЦХА до 1917 г. Ф. 421. Оп. 1. Д. 5058.

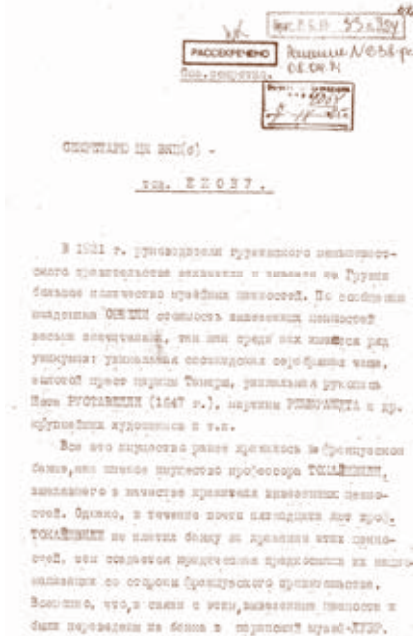
Э.Г. Жордания,
Московский государственный
университет имени
М.В. Ломоносова,
Национальный комитет
византинистов Грузии

**ГРУЗИЯ
В СОКРОВИЩНИЦАХ
РОССИИ. ИСТОРИЯ
ВОЗВРАЩЕНИЯ
ГРУЗИНСКИХ
ЦЕННОСТЕЙ
В ДОКУМЕНТАХ**

25 февраля 1921 года в Тбилиси вошли отряды 11-й Красной армии. В Грузии была установлена советская власть. В марте того же года, покинув Тбилиси, грузинское меньшевистское правительство во главе с Н.Н. Жордания из Батуми эмигрировало во Францию. Незадолго до этого правительством Грузии было принято решение о вывозе за границу государственной казны, церковной утвари и христианских реликвий, хранящихся в Гелатском, Мартвильском и Хобском монастырях, музейных ценностей тбилисских музеев, Национальной художественной галереи, имущества русских церквей, а также богатств из дворцов Тбилиси, Боржоми, Ликани и Зугдиди. Хранителем национального достояния Грузии был назначен Эквтиме Семенович Такайшвили.

Ценности, уложенные в 39 ящиков, были погружены на борт французского крейсера «Эрне Рена», который усилиями чрезвычайного министра и верховного комиссара французского правительства в Закавказье, Авеля Шевалье, из Батуми отплыл раньше назначенного времени. Зафрахтовав последнее частное судно, отплывающее из Батуми в Константинополь, Эквтиме Семенович Такайшвили вместе с супругой Ниной Полторацкой 11 марта 1921 года отправился вслед за французским крейсером, догнав его в Константинополе. Там грузинские ценности были перегружены на борт направлявшегося в Марсель гражданского судна «Бьен Хоа». Прибыв в Марсель, Эквтиме Семенович сдал вверенные ему сокровища на хранение в марсельское отделение Национального банка Франции, а сам вместе с супругой отправился в Париж. Началась 24-летняя «одиссея» грузинских сокровищ¹.

¹ *Метревели Р.В.* Житие и деяния святого Эквтиме // Великий Эквтиме / Под ред. Р.В. Метревели, Н.З. Вачнадзе и др. Тбилиси, 2014. С. 37–38.

Надо отметить, что в обществе отношение к данному решению грузинского правительства было неоднозначным. Многие, как светские лица, так и представители духовенства, были против вывоза из Грузии в особенности церковных ценностей. Однако дальнейший ход истории подтвердил правильность данного решения, так как оставленные в Грузии ценности были почти полностью разграблены большевиками.

Провозгласив в начале 1933 года грузинское меньшевистское правительство «не существующим», правительство Франции 8 мая 1934 года посредством судебного решения объявило грузинские сокровища «бесхозным» имуществом. Ценности из Марселя были перевезены в Париж и сданы на хранение в Национальный банк Франции. Надзор над ними был поручен чрезвычайному агенту французского правительства – П. Жодену, который с 1924 года заведовал таким же русским «бесхозным» имуществом. В период гитлеровской оккупации грузинские ценности были тайно вывезены из французского банка и спрятаны в подвалах Версальской национальной библиотеки².

1

После освобождения Парижа участник французского Сопротивления и член Союза советских патриотов Г.Д. Гегелия, встретившись в сентябре 1944 года с послом СССР во Франции А.Е. Богомоловым и генеральным консулом СССР во Франции А.А. Гузовским, поставил вопрос о возвращении грузинских ценностей. Согласно воспоминаниям Э.С. Такайшвили и Г.Д. Гегелия, генеральный консул А.А. Гузовский отправил в Москву телеграмму по итогам встречи с Г.Д. Гегелия, а в октябре–ноябре 1944 года правительство СССР приняло постановление по вопросу возвращения грузинских ценностей³. 22 ноября 1944 года А.Е. Богомолов и А.А. Гузовский встретились в здании посольства СССР с Э.С. Такайшвили, а 23 ноября посол СССР во Франции передал правительству Франции составленное Э.С. Такайшвили ходатайство советского правительства. Правительство Франции удовлетворило ходатайство правительства СССР⁴.

Наконец, многолетняя, изнурительная борьба Э.С. Такайшвили за сохранение культурного наследия Грузии и его неоднократные попытки их возвращения

² Жордания Г.Г. Возвращенные сокровища. Тбилиси, 1983. С. 80–82, 115.

³ Такайшвили Э.С. История вывоза сокровищ, их хранения во Франции и возврата на Родину // Божий Человек Эвквиме Такайшвили / Под ред. И. Тавбердазе. Тбилиси, 2007. С. 141–142.

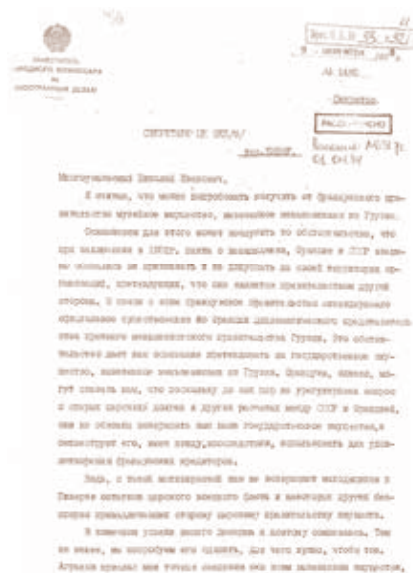
⁴ Жордания Г.Г. Указ. соч. С. 139–140.

на родину увенчались успехом: 9 декабря 1944 года смешанной франко-советской комиссией исторические ценности были переданы советскому посольству, а в апреле 1945 года привезены в Грузию. На сегодняшний день данные ценности хранятся в Национальном музее Грузии⁵. За эти труды и великий гражданский подвиг 17 октября 2002 года решением Священного Синода Грузинской Православной Церкви Эквтиме Семенович Такайшвили был канонизирован.

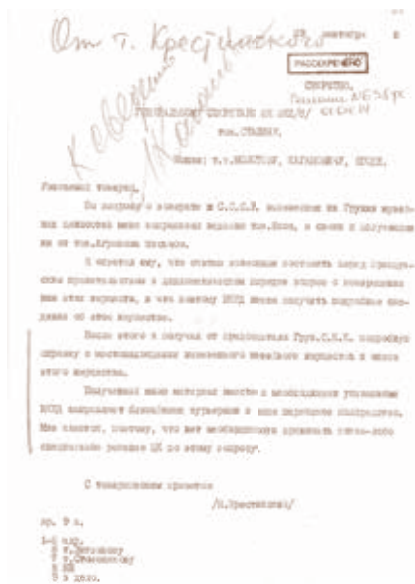
В историографии вопрос возвращения на родину вывезенных меньшевистским правительством музейных культурных ценностей рассматривался не раз. Однако все без исключения исследователи сталкивались с одной и той же проблемой – отсутствием архивных документов и материалов. Дело в том, что основная часть данных материалов, аналогично большинству документов советского периода, все еще находится на закрытом хранении, а доступ к ним ограничен. Рассекречивание же этих материалов связано с преодолением множества преград бюрократического характера, что, в свою очередь, требует немалых усилий, времени и значительных финансовых средств. К этому добавляются обострение российско-грузинских политических взаимоотношений и отсутствие дипломатических отношений. Мы постарались в некоторой степени восполнить эту лакуну.

На сегодняшний день мы располагаем материалами архивов новейшей истории России (РГАНИ) и социально-политической истории России (РГАСПИ). Здесь же отметим, что, несмотря на наши усилия, к сожалению, нам не удалось ознакомиться с документами, наверняка хранящимися в архиве МИД России.

В Российском государственном архиве новейшей истории под грифом «Совершенно секретно» хранится дело «ГССР – о музейных ценностях и культурных памятниках» (Ф. 3. Оп. 61. Д. 103). Постановлением Межведомственной комиссии по защите государственных тайн № 63-рс от 1 апреля 2014 года эти материалы были частично рассекречены: из 128 листов данного дела на сегодняшний день рассекречено 59 листов. Из них 54 листа имеют гриф «Совершенно секретно», четыре – «Секретно», а один – без грифа.

⁵ Такайшвили Э.С. Указ. соч. С. 143; Жордания Г.Г. Указ. соч. С. 142–145.

3

3. Записка Комиссара Внутренних Дел СССР Г.Г. Ягоды заместителю заведующего особым сектором ЦК ВКП(б) Б.А. Двинскому о необходимости рассмотрения вопроса «О возврате в СССР вывезенных из Грузии музейных ценностей» на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 103. Л. 60. Документ не имеет грифа).

4. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 27.09.1935 г. «О возврате в СССР вывезенных из Грузии музейных ценностей». Выписка из протокола № 33/324 (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 103. Л. 59. Документ имеет гриф «Совершенно секретно»).

5. Докладная записка Заместителя Народного Комиссара по Иностранным Делах Н.Н. Крестинского «О возврате в СССР вывезенных из Грузии музейных ценностей», составленная на имя Генерального Секретаря ЦК ВКП(б) И.В. Сталина от 29.09.1935 г. (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 103. Л. 64. Документ имеет гриф «Секретно»).

6. Совместная докладная записка на имя И.В. Сталина от 04.07.1945 г., составленная Народным Комиссаром Внутренних Дел СССР Л.П. Берия и Народным Комиссаром Государственной Безопасности В.И. Меркуловым о командировке Секретаря ЦК КП(б) Грузии по идеологии и пропаганде П.А. Шария в Париж для приема и доставки в СССР грузинских исторических ценностей, вывезенных во Францию в 1921 году меньшевистским правительством Грузии (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 103. Л. 72–75. Документ состоит из 4-х листов, последний лист не рассекречен).

Предлагаем перечень данных документов.

1. Докладная записка Заместителя Комиссара Внутренних Дел СССР Я.С. Агранова «О возврате в СССР вывезенных из Грузии музейных ценностей», составленная на имя Секретаря ЦК ВКП(б) Н.Я. Ежова от 06.09.1935 г. (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 103. Л. 62–63. Документ имеет гриф «Совершенно секретно»).

2. Докладная записка Заместителя Народного Комиссара по Иностранным Делах Н.Н. Крестинского «О возврате в СССР вывезенных из Грузии музейных ценностей», составленная на имя Секретаря ЦК ВКП(б) Н.Я. Ежова от 09.09.1935 г. (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 103. Л. 61–61 об. Документ имеет гриф «Секретно»).

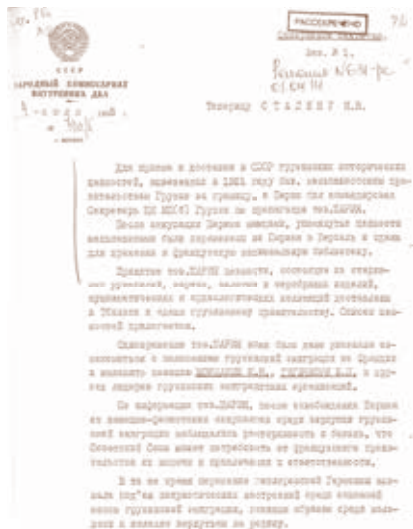
7. К докладной записке прилагается перечень полученных П.А. Шария ценностей (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 103. Л. 76–122. Документ имеет гриф «Совершенно секретно»).

Интересно отметить, что второй экземпляр данного документа, составленный на имя Председателя Совета Народных Комиссаров СССР В.И. Молотова, находится в РГАСПИ и полностью рассекречен (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1349. Л. 11–14). Здесь же находится и второй экземпляр списка полученных П.А. Шария ценностей (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1349. Л. 11–14).

Согласно совместной докладной записке А.П. Берия и В.И. Меркулова, находясь в Париже, П.А. Шария изучил настроения грузинских эмигрантских кругов, провел встречи с председателем правительства Грузии Н.Н. Жордания и министром иностранных дел Е.П. Гегечкори. В записке приведены выдержки из бесед П.А. Шария с указанными лицами, даны характеристика грузинских эмигрантских кругов и рекомендации дальнейших действий в отношении данных лиц⁶.

Находящиеся в нашем распоряжении документы свидетельствуют о том, что впервые вопрос о возврате грузинских ценностей перед правительством Франции был поставлен посредством советского полпредства во Франции в 1926 году. Это подтверждается докладной запиской заместителя комиссара внутренних дел СССР Я.С. Агранова, составленной на имя секретаря ЦК ВКП(б) Н.Я. Ежова от 06.09.1935 г. По мнению Я.С. Агранова, данная попытка возврата ценностей не имела успеха ввиду существовавшей на тот период политической ситуации. Вместе с тем, как полагает Я.С. Агранов, сложившаяся к 1935 году политическая ситуация позволяла вторично поставить данный вопрос перед правительством Франции, а благоприятным поводом для этого вполне мог послужить созываемый в Ленинграде «Иранский Конгресс», в рамках которого могла быть выставлена часть грузинских ценностей⁷.

В докладной записке заместителя народного комиссара по иностранным делам Н.Н. Крестинского, составленной на имя секретаря ЦК ВКП(б) Н.Я. Ежова от 09.09.1935 г. предложение Я.С. Агранова было оценено как довольно сомнительное для осуществления. Вместе с тем, Н.Н. Крестинский сформулировал

⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 103. Л. 72–75; РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1349. Л. 11–14.

⁷ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 103. Л. 62–63.

- 4 -

ТЕГЕЧКОРИ, отметив наличие у него широких связей среди различных кругов населения во Франции и других странах, высказал недвусмысленное желание сотрудничать с нами.

Тов.ШАРИЯ провел также встречи с рядом других грузинских эмигрантов, которые также признали необходимость прекращения борьбы против Советского Союза.

На основании вышеназложенного считаем целесообразным провести следующие мероприятия:

1. Привлечь Евгения Тегечкори и сотрудников, используя в наших интересах, в ходе работ с ним, его связи.

Рекомендовать Тегечкори воздерживаться в интересах дела от просоветских выступлений; в случае необходимости, по договоренности с ним, выдать ему денежные средства для организации в качестве прикрытия проводимой им для нас работы какого-либо "предприятия".

2. Склонить Ноя ЖОРДАНИЯ к опубликованию декларации об идейно-политическом банкротстве меньшевизма и грузинской эмиграции. В этой декларации он должен определить свое отношение к СССР, после чего разрешить ему везд в СССР и проживание в Грузии.

Просим Ваших указаний.

ПРИЛОЖЕНИЕ: по тексту.

Л. Берия
Л. БЕРИЯ
В. Меркулов
В. МЕРКУЛОВ

Разослано:

тов.Сталину И.В.
тов.Молотову В.М.

перечень необходимых мероприятий для реализации возврата грузинских ценностей, что в первую очередь подразумевало получение от Я.С. Агранова точных сведений о них⁸.

Данный вопрос рассматривался на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) и, согласно выписке из протокола № 33/324 от 27.09.1935 г., Г.Г. Ягоде и Н.Н. Крестинскому было поручено подготовить совместное предложение⁹. В докладной записке «О возврате в СССР вывезенных из Грузии музейных ценностей», составленной на имя генерального секретаря ЦК ВКП(б) И.В. Сталина от 29.09.1935 г. заместителем народного комиссара по иностранным делам Н.Н. Крестинским, представлена суть вопроса и его краткая история. Н.Н. Крестинский информирует И.В. Сталина о том, что он получил от председателя Совета народных комиссаров Грузии подробную опись вывезенных из Грузии ценностей. Вместе с тем, он сообщает, что полученные материалы с соответствующими указаниями Наркомат иностранных дел ближайшим курьером отправит в Париж¹⁰. Однако вторая попытка возврата ценностей, так же как и первая, не имела успеха.

К сожалению, в архивных документах, находящихся на сегодняшний день в нашем распоряжении, не отражены события 1936–1944 годов, в особенности периода октября–декабря 1944 года, когда во время подготовки визита французской делегации в СССР и переговоров в верхах 1–10 декабря 1944 года между И.В. Сталиным и Ш. де Голлем 9 декабря 1944 года грузинские ценности были переданы советской стороне. 11 апреля 1945 года они на двух самолетах из Парижа через Рим, Бенгази, Каир и Тегеран были привезены в Тбилиси и переданы на хранение в Государственный музей Грузии¹¹.

Надеемся, что с помощью наших коллег и друзей в ближайшее время мы сможем ознакомиться с остальными, столь интересными и до сих пор неизвестными архивными материалами и документами¹².

⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 103. Л. 61–61 об.

⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 103. Л. 59.

¹⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 103. Л. 64.

¹¹ *Такайшвили Э.С.* Указ. соч. С. 143; *Жордания Г.Г.* Указ. соч. С. 141–145.

¹² Автор выражает благодарность всем, кто оказывал содействие и помощь. В первую очередь почетному президенту АН Грузии академику Тамазу Валериановичу Гамк्रेлидзе, вице-президенту АН Грузии академику Ройну Викторовичу Метревели, декану исторического факультета Московского университета академику Сергею Павловичу Карпову, директору Государственного архива Российской Федерации Сергею Владимировичу Мироненко и руководителю отдела информационного обеспечения данного архива Игорю Сергеевичу Тихонову, директору Российского государственного архива социально-политической истории Андрею Константиновичу Сорокину и его заместителю Валерию Николаевичу Шепелеву, директору Российского государственного архива новейшей истории Наталье Георгиевне Томилиной, директору Историко-документального департамента МИД России Александру Игоревичу Кузнецову и руководителю Архива внешней политики Российской Федерации Анне Николаевне Залеевой, руководителю Управления информационного и документационного обеспечения Администрации Президента России Сергею Николаевичу Осипову, руководителю Федерального архивного агентства Андрею Николаевичу Артизову и начальнику Управления организации архивных услуг данного агентства Андрею Викторовичу Юрасову.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

1. Докладная записка Заместителя Комиссара Внутренних Дел СССР Я.С. Агранова «О возврате в СССР вывезенных из Грузии музейных ценностей», составленная на имя Секретаря ЦК ВКП(б) Н.Я. Ежова от 06.09.1935 г. (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 103. Л. 62–63. Документ имеет гриф «Совершенно секретно»)
2. Докладная записка Заместителя Народного Комиссара по Иностранным Дела́м Н.Н. Крестинского «О возврате в СССР вывезенных из Грузии музейных ценностей», составленная на имя Секретаря ЦК ВКП(б) Н.Я. Ежова от 09.09.1935 г. (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 103. Л. 61–61 об. Документ имеет гриф «Секретно»)
3. Докладная записка Заместителя Народного Комиссара по Иностранным Дела́м Н.Н. Крестинского «О возврате в СССР вывезенных из Грузии музейных ценностей», составленная на имя Генерального Секретаря ЦК ВКП(б) И.В. Сталина от 29.09.1935 г. (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 103. Л. 64. Документ имеет гриф «Секретно»)
4. Совместная докладная записка на имя И.В. Сталина от 04.07.1945 г., составленная Народным Комиссаром Внутренних Дел СССР А.П. Берия и Народным Комиссаром Государственной Безопасности В.И. Меркуловым о командировке Секретаря ЦК КП(б) Грузии по идеологии и пропаганде П.А. Шария в Париж для приема и доставки в СССР грузинских исторических ценностей, вывезенных во Францию в 1921 году меньшевистским правительством Грузии (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 103. Л. 72–75. Документ состоит из 4-х листов, последний лист не рассекречен)
5. Совместная докладная записка на имя В.М. Молотова от 04.07.1945 г., составленная Народным Комиссаром Внутренних Дел СССР А.П. Берия и Народным Комиссаром Государственной Безопасности В.И. Меркуловым о командировке Секретаря ЦК КП(б) Грузии по идеологии и пропаганде П.А. Шария в Париж для приема и доставки в СССР грузинских исторических ценностей, вывезенных во Францию в 1921 году меньшевистским правительством Грузии (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1349. Л. 11–14. Документ имеет гриф «Совершенно секретно»)

**Митрополит
Ахалкалакский
и Кумурдойский
Николай (Пачуашвили),**
Грузинская Православная
Церковь

ПОДСКАЗКА АНДРОМЕДЫ

Мое сообщение посвящено одной маленькой поясняющей детали к Книге пророка Ионы. Но прежде мне бы хотелось определить, что есть миссионерство.

Миссионерство можно определить как воздействие проповедью на неверующую, инаковерующую или маловерную среду с целью обращения. Слово «миссия» происходит от латинского «mitto» и означает «посылать» с поручением, когда одно лицо посылает другое лицо к третьему с определенным поручением. В грузинском языке это слово переводится как «**ციქვა**» («циква»), отсюда – «**მციქვარი**» («моцикули»), по-гречески «апостол». Миссионер на латыни есть то же самое, что апостол на греческом.

История пророка Ионы является классическим примером миссионерства, где ясно просматривается, кто посылает, кого, к кому и с каким посылом. Несмотря на все перипетии, миссия Ионы оказалась абсолютно успешной, что не так часто происходило в истории человечества. В этой маленькой Книге, которая занимает всего одну страницу в огромном объеме книг Священного Писания Ветхого Завета, можно увидеть основные принципы миссионерства, которые актуальны и по сей день. Например, что миссионер должен четко понимать: он не может проповедовать от себя и по своей воле, а должен осознавать, кем он послан, к кому и в чем его задача.

Об этой Книге в разное время написаны тысячи страниц, но сегодня я хочу вам рассказать о маленьком приключении, которое произошло лично со мной, когда я работал над своей диссертацией о миссионерской деятельности пророка Ионы. Читая комментарии блаженного Иеронима на Книгу пророка Ионы, я был озадачен одной фразой. Рассказывая о городе Иопнии, то есть современной Яффе, откуда

Иона отправился на корабле в Фарсис, блаженный Иероним пишет: «Здесь есть место, где доселе указывают скалы на морском берегу, к которым некогда была прикована Андромеда, спасенная через помощь Персея. Образованному читателю известна эта история»¹.

Когда я впервые прочитал эти строки, то был раздосадован тем, что, к сожалению, не оказался в числе образованных читателей. Конечно, я сразу принялся заполнять этот пробел в моем образовании и прочитал древнегреческий миф про Персея и прекрасную Андромеду, пересмотрел почти все живописные произведения на эту тему, посмотрел фильм (даже два фильма) «Битва титанов», но я никак не мог понять, почему Иероним упомянул об этом мифе. Если даже допустить, что мифология каким-то образом основана на реальных событиях, то что же общего между историями пророка Ионы и Персея с Андромедой? Этот вопрос беспокоил меня долгое время, поскольку такой мыслитель, как блаженный Иероним Стридонский, просто так не может говорить ничего.

И вот в 2013 году у меня появилась возможность поехать в паломничество на Святую Землю. Я запланировал поездку в Яффу (Яффо). Хотел посмотреть старый город и порт, который считается самым древним в мире, и, естественно, посмотреть на скалы Андромеды, если они сохранились и по сей день.

В Яффо приехал вечером. Поселился в гостинице и вызвал такси.

– Please, Andromeda Rocks, – сказал водителю.

– Well, – ответил водитель.

Через 10 минут я вышел из машины и получил первое ведро холодной воды на голову. Я стоял во дворе шикарного отеля «Andromeda Rocks»! Но я не дрогнул и пошел гулять по старому городу. На центральной улице Яфета, сына Ноя, которому приписывается основание этого города, нашел надпись с историей города, которая заканчивалась словами: «...а теперь поднимите глаза и посмотрите на знаменитые скалы Андромеды, где Персей спас Андромеду». Я поднял глаза и... ночь. Приезжаю на другое утро на то же самое место, читаю надпись, поднимаю глаза и... второе ледяное ведро – никаких скал, одно море! Несколько раз прочитал текст, несколько раз поднял глаза – и все то же самое!

Спустился на побережье, чтобы выяснить, где эти скалы, но везде одни туристы. В конце концов обессиленный зашел в маленький ресторан, чтобы хотя бы попробовать замечательные наисвежайшие морепродукты, которыми, наверно, питался и пророк Иона. К счастью, официантка оказалась русскоязычной одесской еврейкой, которая с улыбкой показала большое здание неподалеку, за которым налево можно было увидеть знаменитые скалы. Поблагодарив ее, я быстро пошел в этом направлении, повернулся налево и... ничего! Только море... Упорно вернулся в ресторан и попросил молодую особу за любое вознаграждение проводить и указать пальцем на скалы. Мы пошли вместе, повернули налево,

¹ *Иероним Стридонский, блаж.* Творения. Киев, 1896. Ч. 13. С. 208.

и она указала на какие-то рифы в море, которые выступают над поверхностью воды всего на 1–2 метра (цв. ил. I).

– Это что? – спросил я.

– Это и есть знаменитые скалы Андромеды.

И тут меня как будто кто-то в третий раз облил холодной водой. На мгновение я подумал: что могло с этими скалами случиться в течение веков? Может, их кто-то спалил? Может, Наполеон увез для музея как трофей? Ответа не было.

И только через год, когда я читал у епископа Палладия (Пьянкова) размышления о географическом местонахождении извержения Ионы китом, мне пришла одна мысль.

В своем толковании на Книгу пророка Ионы² епископ Палладий сообщает, что место, где был извержен Иона рыбой, точно не известно, и об этом существуют одни лишь догадки. По мнению Иосифа Флавия, Иона был извергнут китом на берегах Черного моря. По палестинскому преданию, это произошло у подошвы горы Кармель, около города Хайфа, в пещере которого когда-то скрывался пророк Илия. Епископ Палладий далее также замечает, что поскольку Иона дал обет Богу принести жертву о спасении, конечно, в храме Иерусалимском, то извержение рыбой очень даже могло произойти там же, в Средиземном море в Иудее. Оттуда он и поспешил в храм Иерусалимский для исполнения своего обета, и где, вероятно, дано было ему от Господа вторичное повеление отправиться для проповеди в Ниневию. В Яффе до сих пор существует местное предание, которое гласит, что извержение Ионы произошло приблизительно на том же месте, где он сел на корабль, то есть на побережье этого города.

Конечно, это только предание и искать в нем смысл или же место, где точно произошло чудесное избавление Ионы, абсолютно бесполезно. Сейчас невозможно точно указать, тем более научно доказать местонахождение извержения пророка. Но здесь можно задать другой вопрос: не *где* был Иона извержен, а *как*? Будучи физиком по своему светскому образованию, я, конечно, не мог не задаваться таким вопросом: возможно ли для человека после трехдневного пребывания в бессознательном состоянии быть извергнутым из внутренности глубоководной морской рыбы и остаться в живых?

Согласно древнему мифу, на этих скалах оставили Андромеду, которую должно было забрать морское чудовище. Очевидно, какая-то огромная рыба, похожая на кита, которая была заключена на глубине морского дна и освобождена Посейдоном. И вот такое морское чудовище должно было подплыть к берегу и забрать оставленную женщину. Это значит, что, достигнув поверхности и высунув на мгновение голову из воды, рыба обязательно смогла бы схватить свою жертву. Маловероятно предположить, что глубоководная рыба огромных размеров прыгала бы подобно резвому дельфину или карабкалась бы по скале, словно ловкая

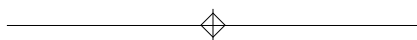
² Палладий (Пьянков), еп. Толкование на книгу святого пророка Ионы // Он же. Толкования на книги святых пророков Ионы и Михея. М., 1998. С. 1–97.

обезьянка. Следовательно, верхний уровень выступающей из воды скалы находился совсем невысоко, и рыбе не пришлось бы покидать пучину вод морских, чтобы дотянуться до пленницы.

В случае с пророком Ионой мы наблюдаем приблизительно те же обстоятельства с пленником и чудовищем, его пленившим: такое же глубоководное морское чудовище должно было извергнуть его на сушу. Если бы Иона, находившийся без сознания и обвитый водорослями, был извержен где-то поблизости прямо в воде, он бы, скорее всего, утонул. Так что Иона должен был непременно оказаться на берегу. То есть большой рыбе надо было подплыть к берегу, чтобы извергнуть Иону изо рта так, чтобы он не утонул. К обычному берегу, где дно равномерно опускается в глубину, такая большая рыба, как кит, близко не смогла бы подплыть. Но это очень удобно сделать именно в таком месте, как скалы Андромеды.

Конечно, это еще не доказывает, что извержение Ионы было именно здесь, но очевидно, что оно должно было произойти на месте, похожем на скалы Андромеды. Поэтому, как мне кажется, замечание блаженного Иеронима далеко не случайно. Оно как бы указывает, дает намек, направление мысли о том, как могло бы произойти извержение Ионы из чрева кита. Такие, казалось бы, случайные детали помогают нам сегодня, спустя века, лучше представить себе события и понять смысл Книги пророка Ионы – не сказочного героя, а реального человека и великого миссионера всех времен, которому подобает хвала во веки, аминь.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Г. Давид Ильич Арсенишвили. 1923 год

II. Давид Ильич Арсенишвили смотрит книгу И.М. Зданевича. 1932 год

III. Давид Ильич Арсенишвили. 1927 год

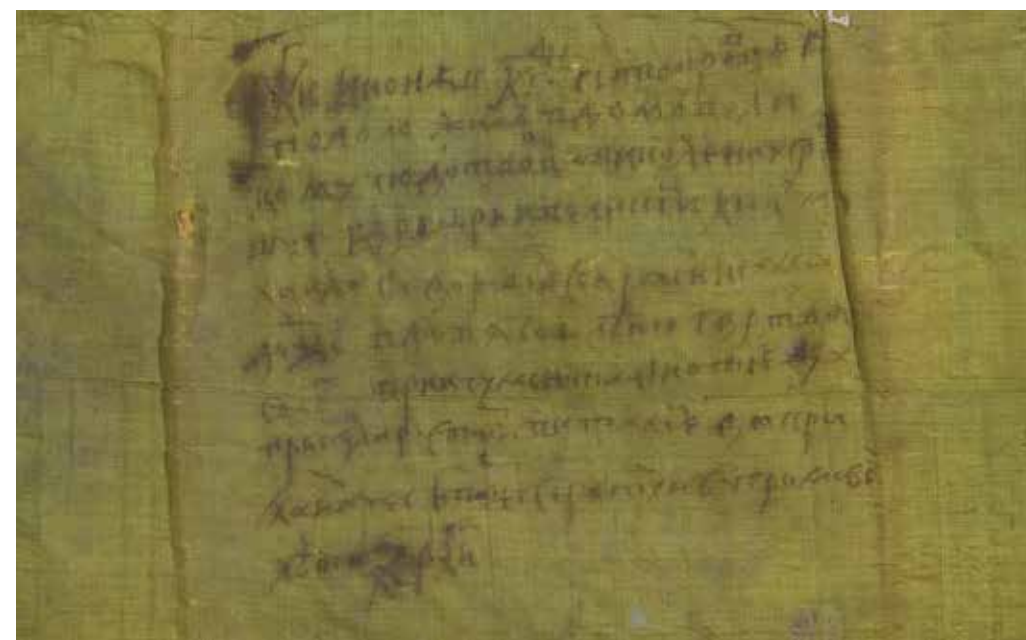

I. Воздух. Голгофский крест. 1540-е годы, около 1620 года. Кахетия. МГОМЗ, инв. № Т-128

II. Покровец. Голгофский крест. 1540-е годы. Кахетия. ГИМ, инв. № РБ-5044

III. Покровец. Голгофский крест. 1540-е годы. Кахетия. ГИМ, инв. № РБ-5043

IV. Подкладка воздуха «Голгофский крест». МГОМЗ, инв. № Т-128

V. Чернильная надпись на подкладке покрывца «Голгофский крест». ГИМ, инв. № РБ-5044

И. Роспись алтаря церкви Пресвятой Богородицы. 1205–1216 годы. Ахтала, Армения

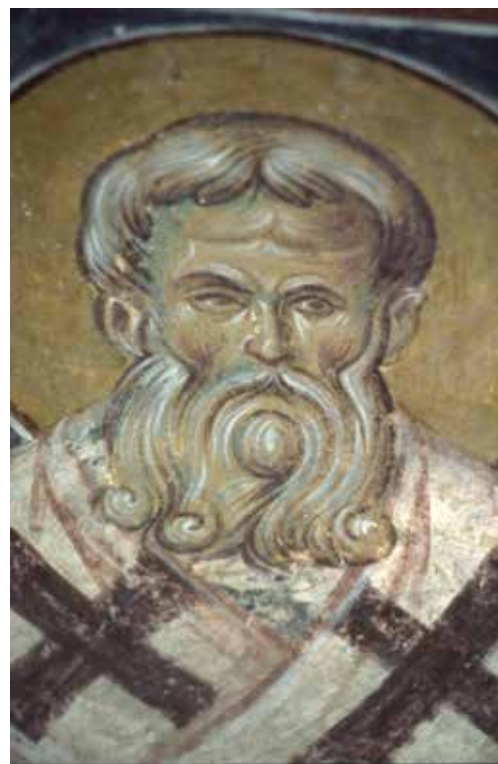
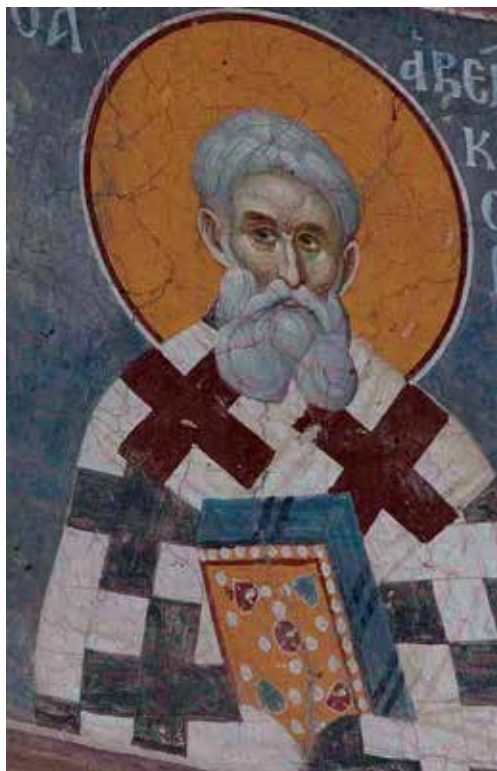
II. Причащение апостола Петра. Роспись алтаря церкви Пресвятой Богородицы. 1205–1216 годы. Ахтала, Армения. Деталь

III. Причащение апостола Павла. Роспись алтаря церкви Пресвятой Богородицы. 1205–1216 годы. Ахтала, Армения. Деталь

I. Святитель Аверкий Иерапольский (?). Роспись центральной апсиды собора Пресвятой Богородицы. Вторая половина XIV века. Мокви, Абхазия

II. Святитель Аверкий Иерапольский. Роспись церкви великомученика Георгия.
1318 год. Старо-Нагоричино, Македония

III. Святитель Евтихий Константинопольский. Роспись церкви Успения Богородицы.
Середина – третья четверть XIV века. Лыхны, Абхазия

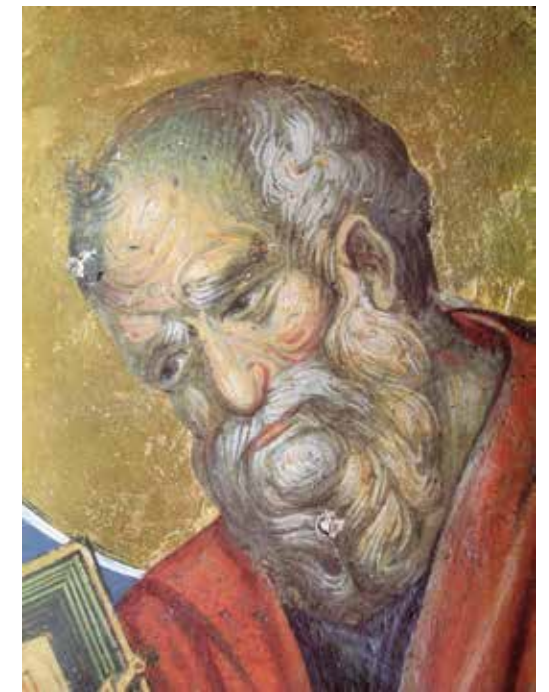

IV. Сцена Богородичного цикла (?). Роспись южной стены вимы собора
Пресвятой Богородицы. Вторая половина XIV века. Мокви, Абхазия

V. Фрагменты фигуры Богородицы на подножии и головы евангелиста Иоанна Богослова. Роспись восточной грани северо-восточного столпа собора Пресвятой Богородицы. Вторая половина XIV века. Мокви, Абхазия

VI. Богоматерь Параклисис и евангелист Иоанн Богослов. Роспись северо-восточного столпа церкви Успения Богородицы. Середина – третья четверть XIV века. Лыхны, Абхазия

VII. Евангелист Иоанн Богослов. Темплон церкви Малых святых врачей. Около 1380 года. Музей Верни, Греция

VIII. Евангелист Иоанн Богослов. Роспись собора монастыря Пантократор. 1360–1370-е годы. Афон

IX. Фрагмент фигуры неизвестного мученика. Роспись восточной грани северо-восточного столпа собора Пресвятой Богородицы. Вторая половина XIV века. Мокви, Абхазия

X. Фрагмент фигуры (Иисуса Христа?). Роспись столпа собора Пресвятой Богородицы. Вторая половина XIV века. Мокви, Абхазия

XI. Фрагмент головы неизвестной мученицы. Роспись северной грани юго-восточного столпа собора Пресвятой Богородицы. Вторая половина XIV века. Мокви, Абхазия

XII. Богородица Катафиги и апостол Иоанн Богослов. Лицевая сторона двусторонней иконы из монастыря Иоанна Богослова в Поганове, Сербия. 1370–1395 годы. Национальная художественная галерея, София, Болгария. Деталь

XIII-XVI

XVII

XIII-XVI. Фрагменты орнаментов на желтом фоне. Росписи собора Пресвятой Богородицы. Вторая половина XIV века. Мокви, Абхазия

XVII. Орнамент. Роспись церкви Успения Богородицы. XIV век. Дирби, Шида-Картли

XVIII. Орнамент геометрический. Роспись собора Пресвятой Богородицы. Вторая половина XIV века. Мокви, Абхазия

XIX. Орнамент геометрический. Роспись церкви Успения Богородицы. Середина - третья четверть XIV века. Лыхны, Абхазия

XX. Вознесение Господне. Роспись в своде протесиса собора Пресвятой Богородицы. Около 1578 года. Мокви, Абхазия

XXI. Сретение Господне. Роспись лунета южной стены собора Пресвятой Богородицы. Около 1578 года. Мокви, Абхазия

XXII. Воскрешение Лазаря. Роспись в западной части собора Пресвятой Богородицы.
Около 1578 года. Мокви, Абхазия

XXIII. Фрагмент греческой надписи «ФА». Роспись свода собора Пресвятой Богородицы.
Около 1578 года (?). Мокви, Абхазия

XXIV. Неизвестный святой. Роспись конхи диаконника собора Пресвятой Богородицы.
Около 1578 года. Мокви, Абхазия

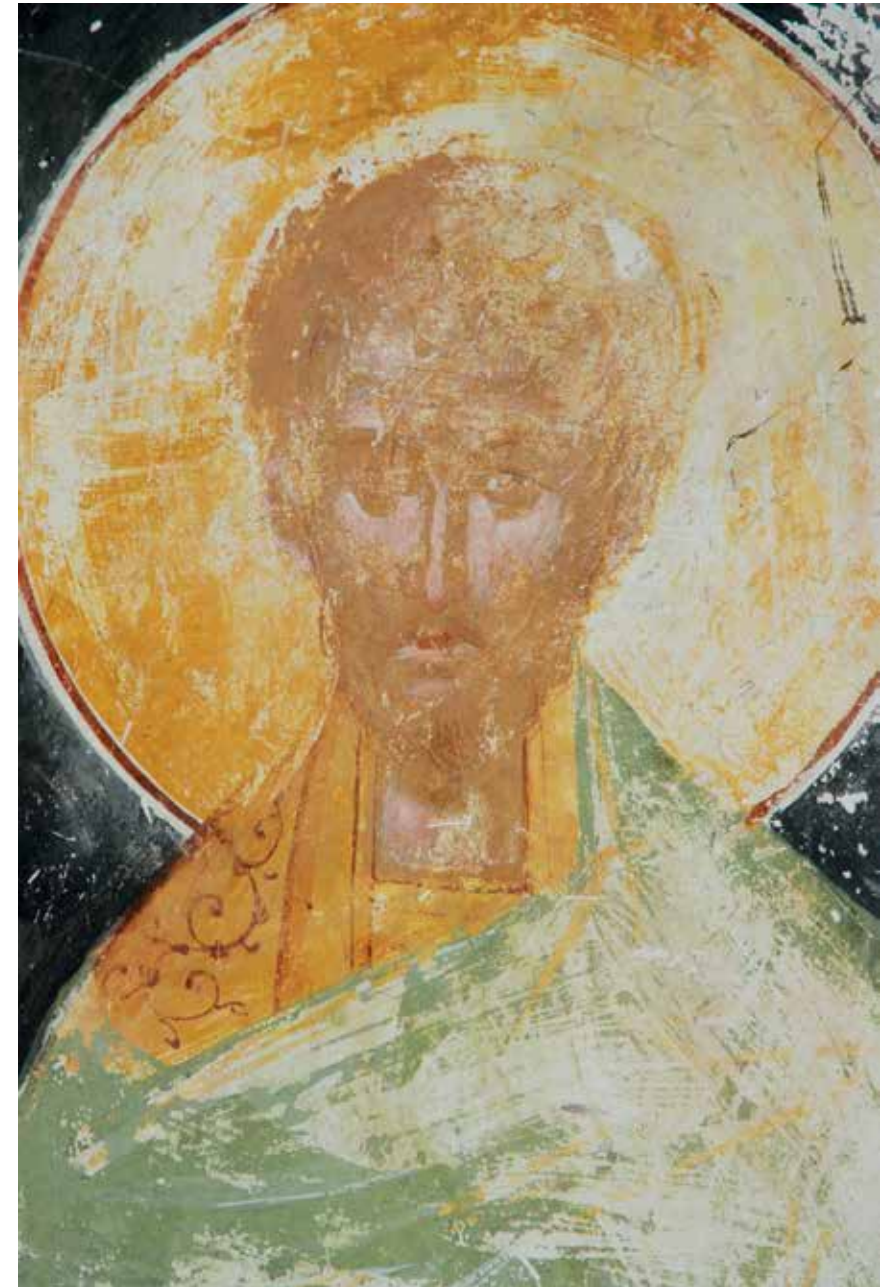
XXV. Два слоя живописи. В верхнем – женская голова (ктитор?), в нижнем – красная разгранка. Роспись на хорах собора Пресвятой Богородицы. Вторая половина XIV века, около 1578 года. Мокви, Абхазия

XXVI. Восшествие Иисуса Христа на Крест. Роспись усыпальницы собора апостола Андрея Первозванного. Около 1578 года. Пицунда, Абхазия

XXVII. Христос Пантократор. Роспись усыпальницы собора апостола Андрея Первозванного. Около 1578 года. Пицунда, Абхазия

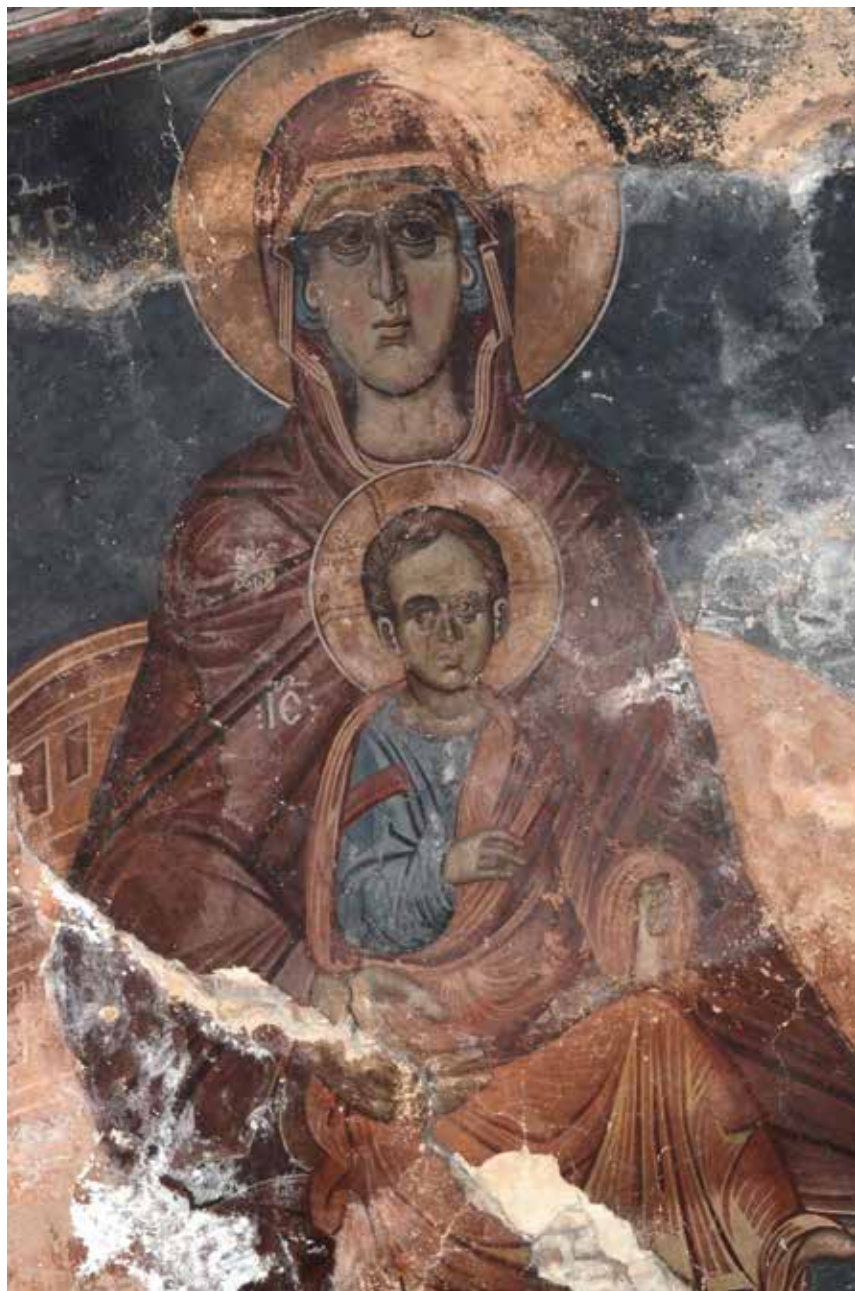
XXVIII. Святой целитель. Роспись церкви великомученика Георгия. 1557–1578 годы. Гелати, Имеретия

И. Интерьер главного храма Тигрского монастыря. Вид с запада. Фотография 2013 года

II. Роспись алтарной конхи главного храма Тигрского монастыря. Вторая половина XIV века

III. Богоматерь с Младенцем. Роспись алтарной конхи главного храма Тирского монастыря. Вторая половина XIV века. Деталь

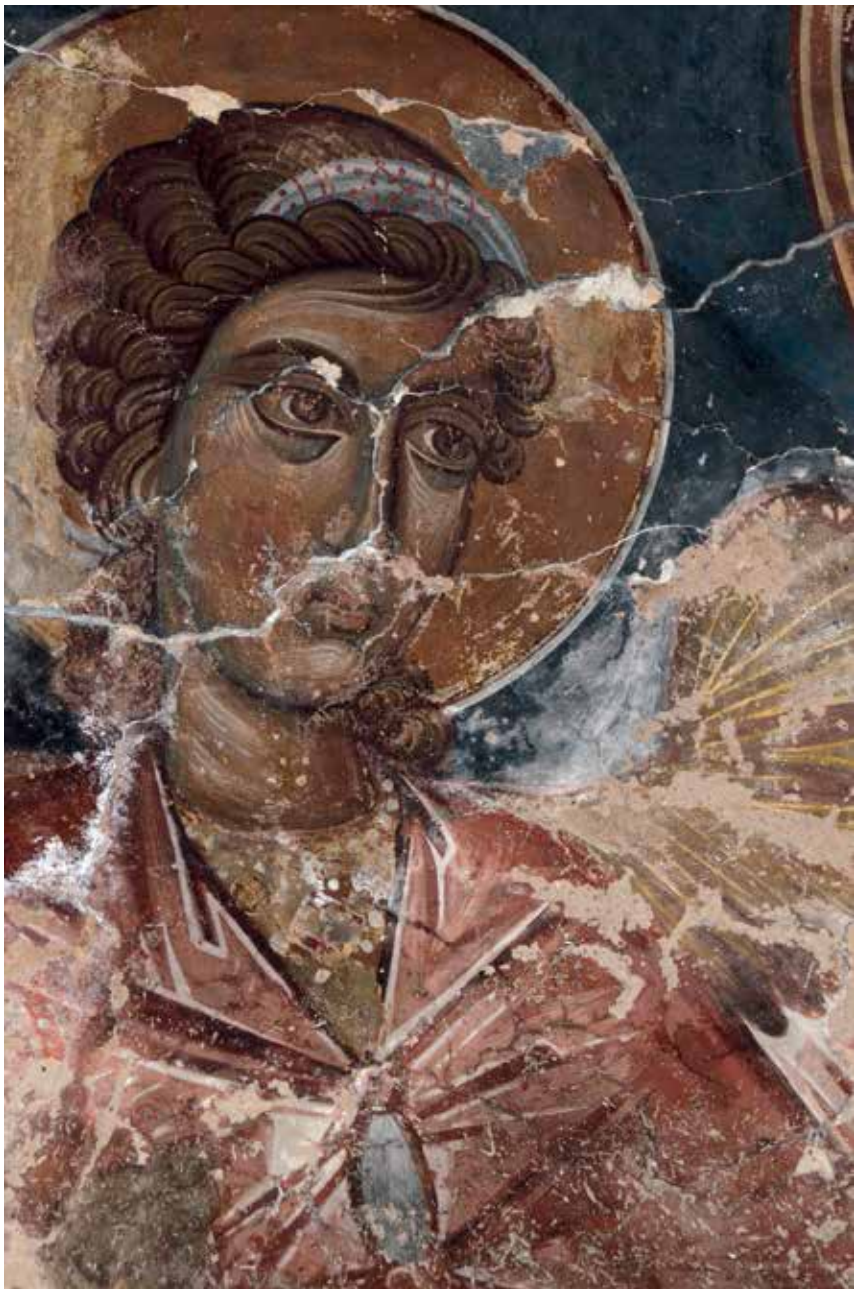
IV. Богоматерь с Младенцем. Роспись алтарной конхи главного храма Тирского монастыря. Вторая половина XIV века. Деталь

V. Младенец Христос. Роспись алтарной конхи главного храма Тирского монастыря. Вторая половина XIV века. Деталь

VI. Архангел Гавриил. Роспись алтарной конхи главного храма Тирского монастыря. Вторая половина XIV века. Деталь

VII. Архангел Михаил. Роспись алтарной конхи главного храма Тирского монастыря. Вторая половина XIV века. Деталь

VIII. Серафим. Роспись алтарной конхи главного храма Тирского монастыря. Вторая половина XIV века

IX, X. Серафим. Роспись алтарной конхи главного храма Тирского монастыря. Вторая половина XIV века. Детали

XI. Богоматерь с Младенцем. Роспись алтарной конхи собора Успения Богородицы монастыря Зарзма. Середина – третья четверть XIV века, прописи XIX века. Зарзма, Самцхе-Джавахеги

ХII. Богоматерь с Младенцем, с предстоящими. Роспись алтарной конхи церкви Успения Богородицы. 1340–1370-е годы. Дирби, Шида-Картли

ХIII. Фрагмент надписи. Роспись алтарной арки главного храма Тирского монастыря. Вторая половина XIV века

ХIV. Фрагменты Мандилиона. Роспись алтарной арки главного храма Тирского монастыря. Вторая половина XIV века

XV. Роспись алтарной конхи церкви великомученика Георгия монастыря Убиси. Середина – третья четверть XIV века. Убиси, Имеретия

XVI. Ангел, возносящий медальон с образом Иисуса Христа. Роспись алтарной арки церкви Пусди. XII век (?). Местия, Верхняя Сванетия

XVII. Роспись алтаря церкви Мацховар. XII век. Общество Ленджери, Незгунн, Верхняя Сванетия

XVIII. Роспись свода восточной трапезы главного храма Тирского монастыря. Вторая половина XIV века

XIX. Пророки Давид (?) и Захария. Роспись главного храма Тирского монастыря. Вторая половина XIV века

XX. Пророк Соломон (?) и святой Иоанн Предтеча. Роспись главного храма Тирского монастыря. Вторая половина XIV века

XXI. Вавилонский отрок Мисаил. Роспись главного храма Тирского монастыря. Вторая половина XIV века

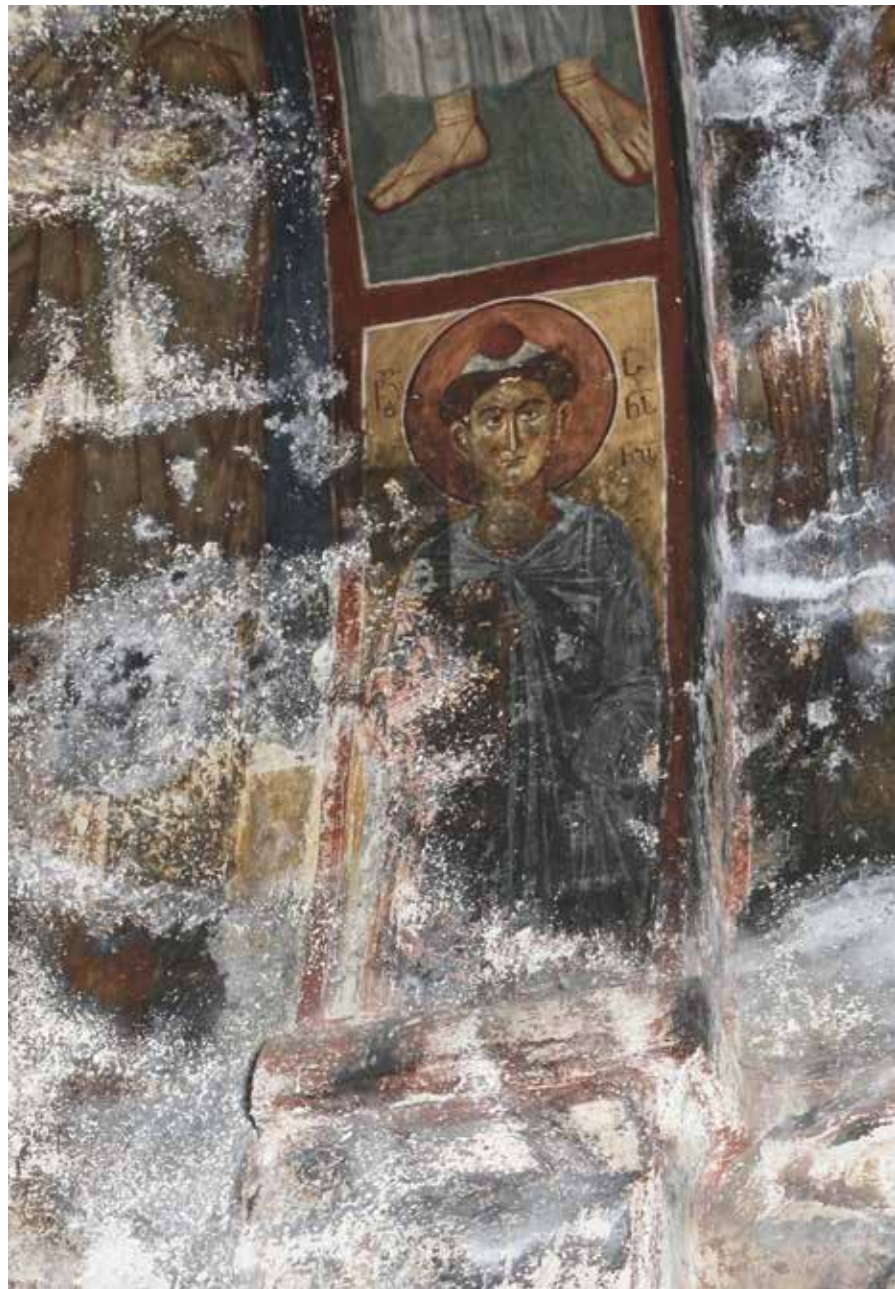
XXII. Вавилонский отрок Мисаил. Роспись церкви великомученика Георгия монастыря Убиси. Середина – третья четверть XIV века. Убиси, Имеретия

XXIII. Неизвестный пророк. Роспись свода трапез главного храма Тирского монастыря. Вторая половина XIV века

XXIV. Спас Эммануил. Роспись на пельге подружной арки главного храма Тирского монастыря. Вторая половина XIV века

XXV. Вавилонский отрок Анания. Роспись церкви пророка Ионы. XIV век.
Общество Латали, Янаши, Верхняя Сванетия

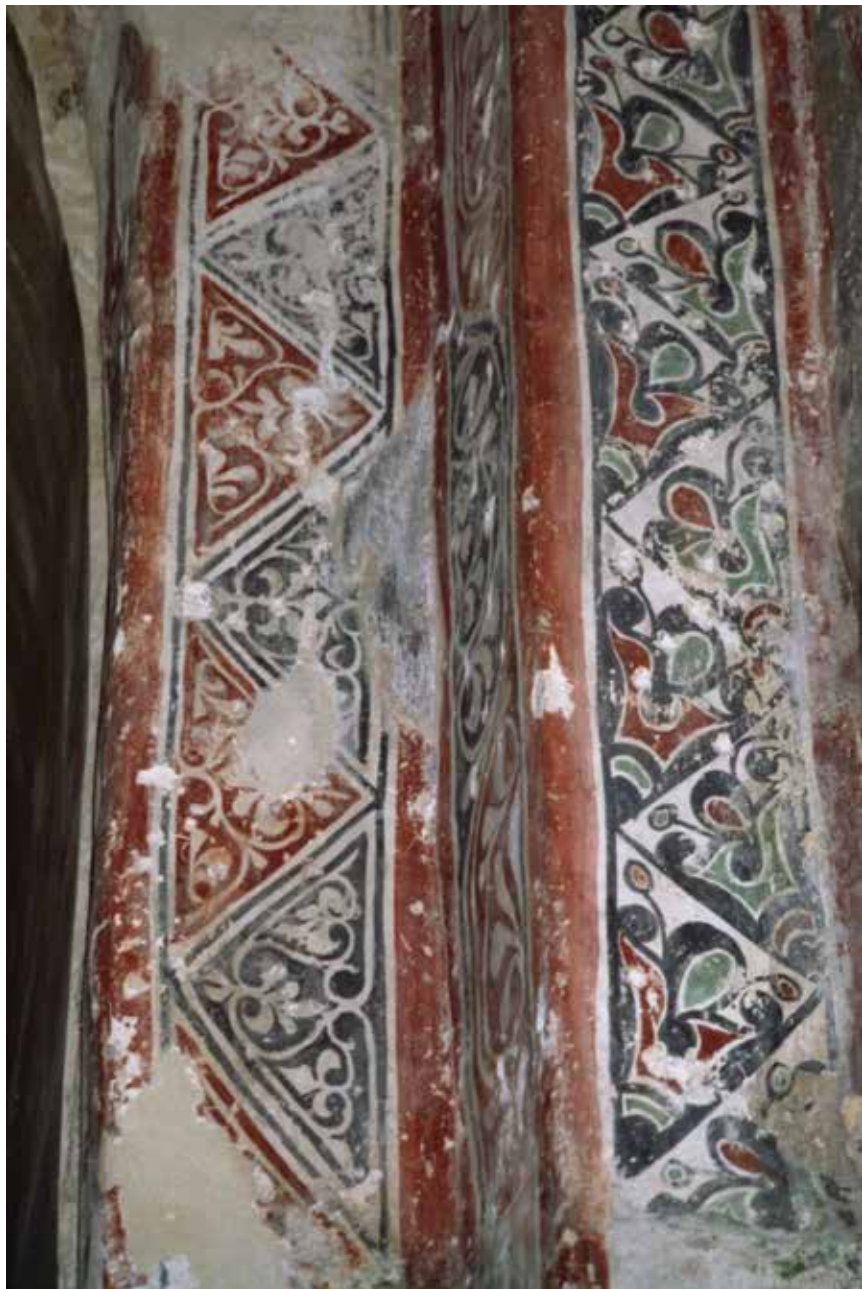
XXVI. Роспись алтарной конхи церкви великомученика Георгия. 1130 год.
Общество Ипари, Накипари, Верхняя Сванетия

XXVII. Роспись алтарной конхи церкви Архангелов. XIV век.
Общество Ленджери, Лапштвери, Верхняя Сванетия

XXVIII. Орнамент. Роспись алтарной арки главного храма Тирского монастыря.
Вторая половина XIV века

XXIX. Орнамент. Роспись пилястры церкви Успения Богородицы.
1340–1370-е годы. Дирби, Шида-Картли

XXX. Евангелист. Роспись паруса собора Успения Богородицы монастыря Зарзма.
Середина – третья четверть XIV века. Зарзма, Самцхе-Джавахети. Деталь

XXXI. Праведный Иоаким с младенцем Марией. Роспись церкви Успения Богородицы. 1340–1370-е годы. Дирби, Шида-Картли. Деталь

XXXII. Рождество Христово. Роспись церкви великомученика Георгия. Третья четверть XIV века. Сори, Рача. Деталь

XXXIII. Богородица, из Денсуса. Роспись церкви-усыпальницы. Третья четверть XIV века. Нузал, Осетия, Улладжир. Деталь

I. Роспись московской церкви великомученика Георгия в Грузинах. Общий вид на восток от центрального входа. 1996–2001 годы. Мастер А. Кинцурашвили

II. Роспись московской церкви великомученика Георгия в Грузинах. Общий вид на север. 1996–2001 годы. Мастер Л. Кинцурашвили

III. Роспись московской церкви великомученика Георгия в Грузинах. Восточная стена северного нефа. 1996–2001 годы. Мастер Л. Кинцурашвили

IV. Роспись московской церкви великомученика Георгия в Грузинах. Трапезная часть. 1996–2001 годы. Мастер Л. Кинцурашвили

V. Роспись московской церкви великомученика Георгия в Грузинах. Общий вид на северо-западную часть. 1996–2001 годы. Мастер Л. Кинцурашвили

VI. Роспись северной стены московской церкви великомученика Георгия в Грузинах. 1996–2001 годы. Мастер Л. Кинцурашвили

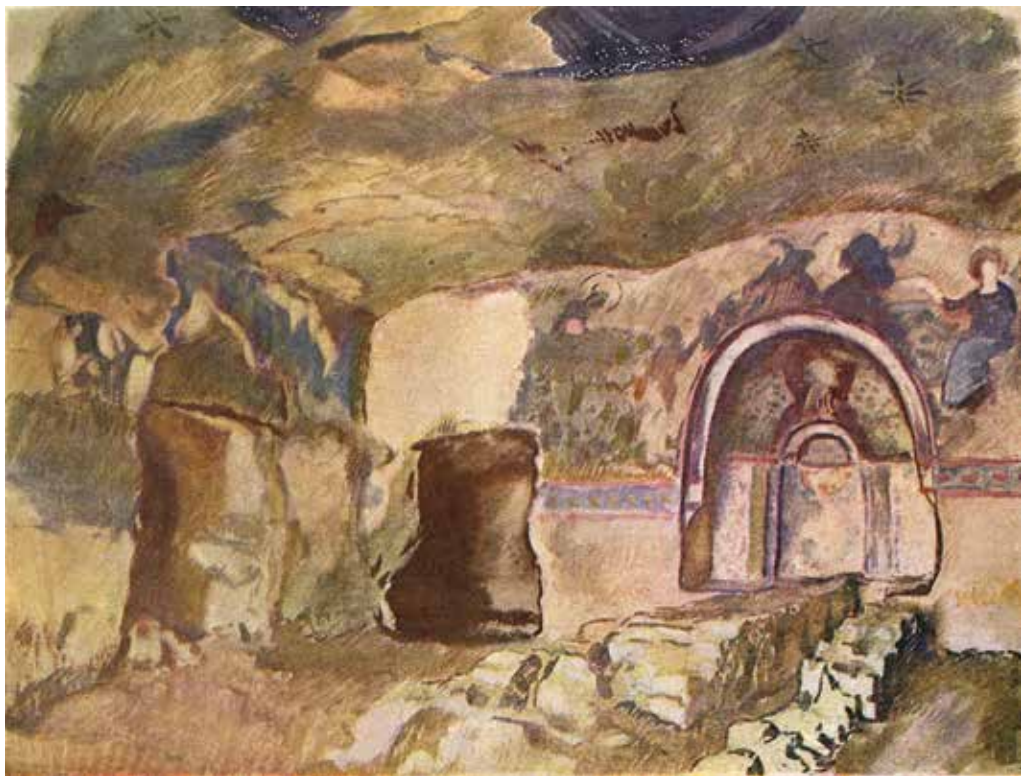
VII. Великомученик Георгий Победоносец. Роспись свода трапезной части московской церкви великомученика Георгия в Грузинах. 1996–2001 годы. Мастер Л. Кинцурашвили

VIII. Чудо великомученика Георгия о змие. Роспись московской церкви великомученика Георгия в Грузинах. 1996–2001 годы. Мастер Л. Кинцурашвили

I. «Удабно. Общий вид с вершины горы в сторону Тбилиси. На переднем плане церковь Воскресения». 1921 год. Художник Е.Е. Лансере. Иллюстрация из книги Г.Н. Чубинашвили «Пещерные монастыри Давид-Гареджи. Очерк по истории искусства Грузии» (Тбилиси, 1948)

II. «Бертубани. Общий вид росписи трапезной». 1921 год. Художник Е.Е. Лансере. Иллюстрация из книги Г.Н. Чубинашвили «Пещерные монастыри Давид-Гареджи. Очерк по истории искусства Грузии» (Тбилиси, 1948)

III. «Удабно. Общий вид трапезной с росписью». 1921 год. Художник Е.Е. Лансере. Иллюстрация из книги Г.Н. Чубинашвили «Пещерные монастыри Давид-Гареджи. Очерк по истории искусства Грузии» (Тбилиси, 1948)

IV. «Удабно. Общий вид алтарной росписи церкви Вознесения». 1921 год.
Художник Е.Е. Лансере. Иллюстрация из книги Г.Н. Чубинашвили
«Пещерные монастыри Давид-Гареджи. Очерк по истории искусства
Грузии» (Тбилиси, 1948)

V. «Давид-Гареджа. Сторожевая башня лавры. Вид при закате солнца». 1921 год.
Художник Е.Е. Лансере. Иллюстрация из книги Г.Н. Чубинашвили
«Пещерные монастыри Давид-Гареджи. Очерк по истории искусства Грузии» (Тбилиси, 1948)

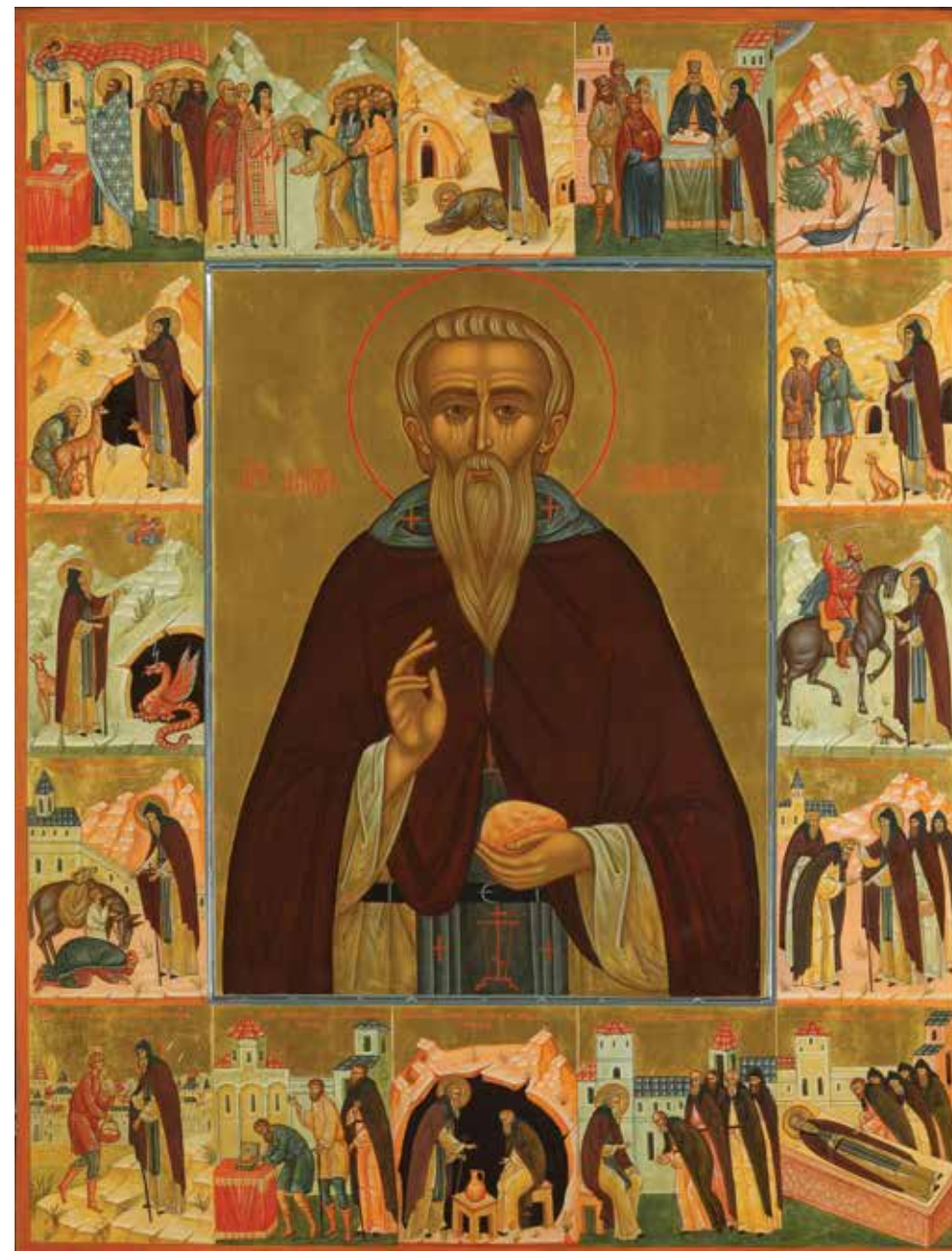
1. Икона Богоматери «Неувядаемый Цвет» (Акафистная). 1903 год. Афонский мастер. Вклад перосхимонаха Ионы (Хоштария) в Теклатский женский монастырь

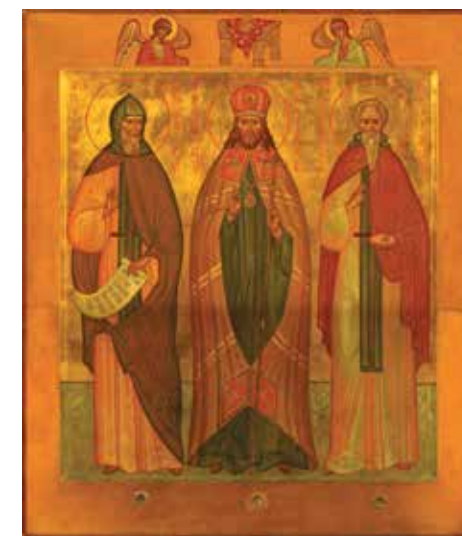
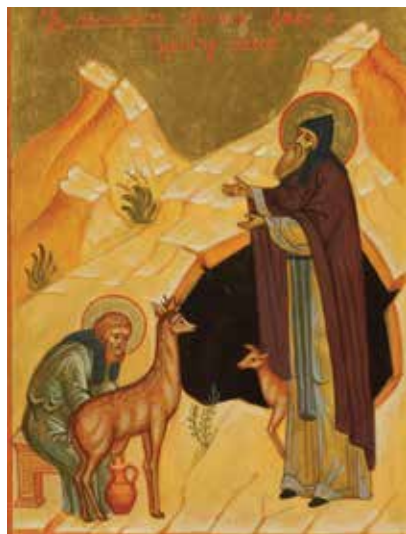
1. Преподобные Давид и Лукиан Гареджийские предают огню дракона, поглотившего маленькую лань. Миниатюра из Жития святых. XVIII век. Национальный центр рукописей Грузии, Тбилиси

II. Преподобный Давид Гареджийский. 1998 год. Иконописец Нина Носова. Церковь Живоначальной Троицы на Грязех у Покровских ворот, Москва

III. Преподобный Давид Гареджийский, с 16 клеймами жития. Около 2000 года. Иконописец Нина Носова. Церковь Живоначальной Троицы на Грязех у Покровских ворот, Москва

IV–VII. Обличение клеветницы.

Господь посылает ланей преподобным Давиду и Лукриану.

Преподобный Давид изгоняет дракона.

Преподобный Давид уносит благодать Гроба Господня.

Клейма житийной иконы преподобного Давида Гареджийского. Около 2000 года.

Иконописец Нина Носова.

Церковь Живоначальной Троицы на Грязех у Покровских ворот, Москва

VIII. Преподобный Давид Гареджийский с Ангелом, испепеляющим дракона. Конец XIX – начало XX века. Церковь великомученика Георгия Победоносца (Кашвети), Тбилиси

IX. Преподобный Давид Гареджийский. 2011 год. Троицкий собор, Тбилиси

X. Преподобный Давид Гареджийский. Около 2010 года.

Церковь преподобного Давида Гареджийского на горе Мтацминда, Тбилиси

XI. Преподобный Зосима Владимирский, святитель Иннокентий Иркутский, преподобный Давид Гареджийский. Конец XX – начало XXI века.

Церковь преподобного Марона Сирийского, Москва

1. Церковь Сретения Господня в подклете Большого собора Донского монастыря после реставрации 2011–2012 годов. Москва

1. Скалы Андромеды. Яффа

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

РОССИЯ – ГРУЗИЯ. ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Сборник статей по материалам конференции 2013 года
и научных чтений 2014 года, посвященных памяти
Давида Ильича Арсенишвили

Составитель

Ольга Владимировна Никифорова

Издание подготовлено в секторе по работе с издательствами и музеями
Центрального музея древнерусской культуры и искусства
имени Андрея Рублева

Корректор М.А. Береснева

Макет и верстка
В.В. Федянин

Подписано в печать 09.11.2015.
Формат 70×100/16. Печать офсетная.
Объем 8 п. л. + вкл. (5 п. л.). Тираж 200 экз.
Отпечатано в типографии ООО «Гельветика».
125130, Москва, ул. Клары Цеткин, 28